

О покаянии: Беседы перед Великим постом и в пост, по воскресным дням архиепископ Игнатий (Семенов)

Беседа в Неделю мытаря и фарисея

Сказана в Донском кафедральном соборе в Новочеркасске в 1845 году

Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!

Сегодняшня песнь после утреннего Евангелия и псалма: «Помилуй мя Боже!»

Вняли ли вы, братия-христиане? Все ли вняли? Довольно ли, каждый сам за себя, вняли мы молитве сей, которую сегодня на утрени Св. Церковь влагала в уста наши? Молитва не могла не обращать на себя особливого внимания утреневавших к Богу, по тому уже одному, что в иные дни, кроме недель перед Великим постом и в начале поста, не слышишь ее здесь. Здесь свой есть всему порядок, который, подобно заведенным на год часам, показывает нам, в какое время года чем особенно заниматься нам надобно, христиане, в делах своего спасения. Теперь наступает время особенного делания: бьет в Церкви седмичный час покаяния; возвещается наступление дней всеобщего очищения от грехов. Евангельское петлоглашение¹ напоминает всем и каждому из нас, как некогда напоминалось согрешившему Петру, – плакаться, и, может быть, также плакаться горько!

Надобно приметить, братия мои, как приготовление к тому делается, по руководству Св. Церкви. Видите, – начинается оно заблаговременно, еще до поста, начинается с молитвы к Богу о том, чтобы дал Он каждому из нас благое начало покаяния. Казалось бы, наше собственное дело каяться, Бог будет только принимать покаяние: но Св. Церковь внушает слуху нашему, влагает, повторю, во уста наши, и хочет внедрить в сердце каждого молитву о Божием к тому содействии, еще заранее, нежели мы приступим к исповеди. Вникнем же, слушатели, в смысл такого желания и наставления Св. нашей Матери.

Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче! Должен теперь просить Господа каждый из нас сам за себя, – каждый сам за себя. Общих молитв в настоящем случае уже мало. Всяк должен будет каяться порознь, за себя. Какие же то двери

покаяния? Где они? Вероятно, многие в озабоченности подумают теперь, что двери сии у Бога, – двери милосердия Божия, так как и взываем о них к Богу. Но когда Бог не милосерд, христиане? Когда могут у Бога, Который, по слову Писания, свет, правда, мир, любы есть², когда могут у Него не быть отверстыми какие-либо двери, особенно двери милосердия, для покаяния нашего? Невместимый живет в беспредельности Своего величия и ничем не ограничивается, не затворяется. Разве мы сами иногда своими грехами положим забрала или преграды между Ним и нами! «Грехи ваши, – говорит негде Бог, – разлучают, между вами и между Богом»³! Вонмите: «покаяния, – говорю я, говоришь ты, говорим все, – покаяния отверзи ми двери»; а покаяние должно быть наше, у нас: мы должны каяться Богу. Наши посему должны быть и двери покаяния, и у нас они, братия мои! Бог, Сам Бог давно уже стоит при сих дверях наших и толчет в них. «Се стою при дверях и толку, – говорит Он в Откровении: аще кто услышит глас Мой и отверзет двери, вниду к нему»⁴. Отчего же бы так невластны мы были или не могли отверстъ даже для Бога собственных своих дверей? Вот в том-то и слово! Что, казалось бы, препятствовало каяться? Поди каждый и кайся; Господь давно ждет сего при дверях всякого: а идти каяться, кажется, столь же просто, как и отворить двери собственного своего дома или даже собственного только своего рта.

Нет. И это для многих весьма трудно, слушатели! Судите по тому, сколько иногда лет сряду некоторые из христиан православных не отверзают у себя и дверей дома своего для того, чтобы пойти на исповедь! А сколько еще таких кающихся, у которых на самой исповеди не отверзаются двери уст для чистосердечного открытия грехов во всей их гнусности и тяжести, даже самими нами чувствуемой! Сатана старается и там связать уста наши стыдом, непреодолимым стыдом и неизъяснимо какой осторожностью, связать уста, двери нашей души, столь впрочем легко и непрестанно отверзающиеся в других случаях – на осуждение других, на клеветы, на клятвы, на злоречия, на обольщения, на обманы, на ложь и на иные исходящие из сердец нечистоты. Здесь только бы, напротив, и

надобно было просить у Господа, чтобы он положил хранение устам нашим и дверь ограждения о устнах наших⁵.

Что же сказать, что некоторые грехи уже давно, может быть, забыты нами, некоторые не представляются такими, каковы они в самом деле, некоторые даже и совсем неизвестны нам по нашей невнимательности? Грехопадения кто разумеет? Вопиет Псалмопевец и далее продолжает: «от тайных моих очисти Мя, Боже, и от чуждих пощади раба Твоего»⁶.

Итак, ни мало не излишне нам, братия, скажу по понятиям некоторых, не излишне заранее просить Бога, чтобы Он отверз для нашего покаяния двери даже и дома нашего, а тем паче двери нашей души, собственные наши уста. «Никтоже может приити ко Мне, – сказал Господь Иисус Христос, – аще не Отец, пославый мя, привлечет его»⁷. Да отвратит же Он от нас, – помолимся, – и тот зазорный, по Слову Божию, стыд⁸, который претит некоторым открыть свое сердце на духу с искренностью и чистосердечием перед Богом.

Там надобно, кающийся, не только отверстъ уста, двери сердца, но и сокрушить самое сердце раскаянием, сердце грехолюбивое, осквернившееся переменить на чистое и совершенно новое. Кто же в силах произвести такое пересоздание, кроме единого Создателя? Св. Царепророк Давид, показавший на себе сверх множества примеров добродетелей и пример глубокого покаяния, Св. Давид в покаянном псалме своем «Помилуй мя, Боже», исповедуя, что сердце кающегося только сокрушенное и смиренное не уничтожит Бог, воскликнул между прочим в слезах своего покаяния: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей!» Созижди, обнови: так это дело трудно! Так и всегда, братия, еще прежде исповеди надобно нам молить Бога всей теплой нашей верой, чтобы Он умягчил нашу сердечную жестокость, дал умиление нашему духу, страхом Своим сотряс нашу совесть, Божественным светом осветил, дал нам увидеть все изгибы нашей души, дал восчувствовать нам всю тяжесть наших прегрешений.

Там, на душах наших, может быть, давно лежат уже крепкие заклепы, кои держат бедную нашу совесть в состоянии

невозможности выйти ей на свободу раскаяния. Что пользы, хотя бы обыкновенный узник в заключении и тысячу раз пожелал, чтобы отверзлись ему двери темницы, когда не отверзет их праведный закон в самом деле? В таком точно состоянии, в заключении находится иногда и грешник по своей совести. Совесть бывает связана самыми неразрешимыми для человека узами, как говорит Св. Писание, – «тления, пленицами мрака»⁹. Далеко ли уйдет не имеющий зрения? Как пойдет тлеющий, хотя бы они оба были и на всей видимой свободе? Грехи, точно, суть такие узы для души. Узы сии лежат даже на очах ее, так, что она не может ничего видеть к своему спасению. Грехи могут расслабить все силы природы души, часто и силы тела, до того, что не останется и возможности двинуться с места своего состояния. «Беззакония моя, – вопиет некто в псалмах Давидовых, – превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне. Воссмердеша и согниша раны моя, от лица безумия моего: пострадах и слякохся до конца»¹⁰. Св. Евангелие, описывая в притче состояние блудного (распутного) сына, упоминает между прочим, что Небесный Отец сказал о нем: «сей мертв бе, и изгнул бе»¹¹. Многажды Св. Павел в своих посланиях говорит о людях вне благодати Божией, что они мертвы прегрешенми¹². Что же сделает сам для себя человек в мертвленном состоянии? Дать ему образ, способ, силы к покаянию – значит дать ему новую нравственную жизнь. Посему-то желающий покаяться и называет Бога в молитве своей о том Жизнодавцем! Отверзи мне покаяния двери, дай мне жизнь новую, Жизнодавец!

В самом деле, попытайся, кто бы ты ни был, кающийся, снять сам с себя, напр., узы давних непотребных связей сладострастия. Пусть он разорвет их, братия, сам,бросит свои привычки, обратившееся в природу, оплачет многолетние согрешения. Предложите сребролюбивому – (сам он никогда о том не подумает) – оставить своего золотого идола: и вы увидите, в каком оцепенении будет человек! Посоветуйте хотя просто, дружески, игроку отстать от игры, рассеянному бросить забавы, беспечному расстаться с праздностью: поступит ли кто из них на свою любимую страсть? Дело не в том, слушатели,

чтобы особенно в Тайне Покаяния могли мы сказать: «грешен! грешен!» – и только, потом опять делать то же, еще и более и хуже. Покаяние ли это? Раскаяние ли? Перемена ли мыслей и жизни? Нет: голые слова, звуки почти без значения! Конечно, и такое покаяние лучше, чем жить без всякого покаяния, как живут некоторые. В нем видно по крайней мере сознание нужды в покаянии, хотя и нет еще самого покаяния. Но слово теперь о покаянии истинном.

Пусть бы так, братия, что грешный человек, мертвый прегрешеными, был бы мертв и для прегрешений: но он жив для них, и единственно для них только жив. Заматорелые страсти, напр. плотоугодие, лихоимство, сребролюбие, гордость и подобные еще растут, растут в нем и столь мало уже состоят в его воле, если бы и пожелал он сбросить их с себя, что удобнее удалить самые предметы их от человека, нежели ему отстать от них. «*Путь неправды отстави от Мене*¹³, Боже!» – вопиет кающийся в псалмах Давидовых. «Отстави путь, – возьми прочь, перенеси от меня дорогу, по которой я иду; сам я сойти с нее не в силах!» Видите, братия: удобнее снести со своего места дорогу, снести вещественно, – чего странно было бы и пожелать, если бы речь была о дороге обыкновенной, нежели – удалиться с пути грешных! Господу Богу удобнее, если можно так сказать для наших понятий, удобнее сотворить прямые чудеса над бесчувственными созданиями, чем нас, существа, одаренные свободной волей, спасти одними собственными нашими силами! Таким, подлинно, образом действует Бог, т. е. отставляет от нас путь неправды, если мы сами доброй волей не можем соступить с сего пути, когда Он какими-либо действиями судеб свои отъемлет, напр. от сребролюбивого – сокровища, от плотоугодника – здравие или предмет страсти, от честолюбивого – поприще. Все такие и подобные случаи в жизни суть посещения Божии, в кои небесный Промысл нисходит к нам отверсти наши двери сердца для покаяния. И горе тому, кто даже при таких призывах к покаянию, когда уже, в самом деле, не отверзаются только, а сокрушаются двери нашего сердца, для того, чтобы вывести все нечистоты, наполнившие его, останется невнимательным! В таком

состоянии сердце подобно твердыне или крепости, куда взойти надобно уже проломом; двери не отворяются.

Кто бы, слушатели, стал дожидаться таких грозных посещений Божиих в нераскаянности своей!? Надобно посему заблаговременно и чаще соглядать нам свою душу, очищать ее святыми Таинствами Веры, и еще, еще повторю, – с искренней прежде всего молитвой к Жизнодавцу о том, чтобы Он сподобил нас принять благодатное средство очищения от грехов спасительно, как бы от руки Его Самого. Без Него сами по себе ничего доброго и в святых делах предпринять мы не можем. «*Не яко доволни есмы от себе помыслити что, яко от себе, но доволство наше от Бога*»¹⁴, – говорит Св. Апостол, муж избраннейший. Самостные наши усилия и здесь, подвиги без глубокого смирения перед Богом не только будут без истинного успеха, но могут еще закончиться духовной гордостью. Мытарь и фарисей в притче¹⁵ – общий для всех нас урок в том.

Такие, впрочем, напоминания Слова Божия, каково теперь то, что спасаются мытари и грешники кающиеся, должны составлять для нас особенное утешение с той стороны, как покаяние и просто, и легко, если поступить по Евангелию! Нас обыкновенно устрашают все дела спасения нашего, но тогда, когда мы живем в своей самости по духу мира сего; как же скоро выйдем мы в чистую область света Божия, окажется все иначе. Однажды, при виде богача, который исполнил все заповеди закона, и не мог нисколько принять одной Христовой, – чтобы расстаться с именем своим, Спаситель наш напомнил Своим слушателям, свидетелям состояния богача, како «*неудобь богатый внидет в Царствие Небесное*»¹⁶! Ученики Христовы, с одной стороны видя, что богач был точно в таком жалком положении, с другой представляя себе, что и никого нет без каких-либо привязанностей к миру, тотчас в страхе изъяснились Господу: кто убо может спасен быти? В самом деле, кто без пристрастий? Кто без слабостей, братия? Поспешим же услышать, что сказал Господь на все наши подобные затруднения и невозможности. «*У человек сие невозможно есть, – сказал Он, – у Бога же вся возможна*». Таким образом Господь сказал, чтобы во всем не на себя

полагались мы, а прибегали к Божественной помощи и несомненно надеялись при ней полного успеха в самых трудных подвигах своего спасения.

Поступим и мы, ученики Господа Иисуса Христа, поступим и мы в исполнении долга покаяния по наставлению Господа нашего. Для сего-то, еще гораздо ранее самого покаяния, предлагаются нам молитвы, молитвы о покаянии; потом ближе ко времени покаяния – опять будут молитвы особенные, и наконец – еще молитвы и вместе пост, пост и вместе молитвы. Воспользуемся же, христиане-братия, такими приготовлениями к покаянию, воспользуемся самым делом. И когда так расположимся, предадим себя Господу; то Он, всемилосердый Отец наш, Иже на небесех, еще издалека увидит всякого грядущего к Нему с покаянием, увидит, даже встретит, возлюбит, нападет на выю, облобызает, облечет во все украшения благодати Своей, и сотворит торжество в великом дому Своем с небесными своими домочадцами, с Ангелами¹⁷. Сказываю вам, братия, и предвозвещаю о сем, как и прочее, отнюдь не от себя, но предвозвещаю и сказываю словом Евангельским, словом Самого Господа нашего, бывшим уже и делом в притче о блудном, самом распутном сыне Отца нашего. В следующий недельный день услышите вы и самое Евангелие о том. Аминь.

Беседа в Неделю мытаря и фарисея

Сказана в Петрозаводском кафедральном соборе, 19-го января 1836 года

«Человека два внидоста в церковь помолитися», — читано сегодня во Св. Евангелии в поучение наше, братия¹⁸! «Внидоста в церковь помолитися»: не должны ли слова сии обратить на себя особенное внимание наше, когда и мы вошли также в церковь и вошли помолиться? «Человека два внидоста»: и в двух нашлось в один раз, как сказывает Евангелие, столь много достойного замечания, что слово о том предано векам; следственно кольми паче может быть много такого, о чем надобно нам озабочиться, когда мы здесь во множестве и часто! В Евангелии те два человека названы: «един фарисей, а другой мытарь». Нет между нами, думаете вы, слушатели, ни одного из них; нет между нами и званий сих. Но евангельское сказание — притча; следственно вопрос еще во всей силе: не уподобляется ли кто из нас или фарисею или мытарю? Таким образом сказание евангельское становится всеобщим напоминанием, что два человека, которые вошли в церковь помолиться, суть два рода людей, которые приходят сюда с различными расположениями. Нам, христиане, каждому о самом себе остается судить, и которому кто из нас принадлежит роду их? Каждому о самом себе: ибо как молитва фарисея и мытаря была у них в себе, внутренняя; так и сердце каждого из нас известно только тому сердцу и Богу. Дело в том, братия, чтобы уметь надо молиться истинно и выходить отсюда с действительными плодами молитвы, с оправданием или помилованием: вот что собственно должно нас озабочивать! «И сниде сей, — сказал Христос о мытаре, — оправдан в дом свой, паче оного, фарисея». Христос присовокупил к тому в общее назидание для молящихся, христиане, яко всяк возносящийся смиряется, смиряя же себе вознесется. Сими словами преподал нам Господь такое понятие о молитве, что одно из существенных свойств ее есть смирение, а самооправдание

всего нетерпимее перед лицом Божиим. Побеседуем о сем здесь, в доме молитвы.

Оживите еще в мыслях ваших, братия, евангельский образ моления мытаря и фарисея, – не с тем впрочем, чтобы судить о том или другом из них даже в притче, без приложения к кому-либо, но чтобы восчувствовать, как он иногда, подлинно, составляется в собственном нашем сердце и из самих нас! *Фарисей, став, сице в себе молящеся: Боже, хвалу Тебе воздаю, яко несмь, якоже прочии човецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее, или якоже сей мытарь! Пощуся двакраты в неделю, десятину даю всего, елико прятяжу. Молитва ли это, – говорить нет нужды, когда естественное чувство даже у нас, у людей, оскорбляется, если бы мы услышали от кого-либо самохвальство и надменение, а паче с унижением ближнего, кольми паче всех без изъятия! Особено, как так мыслить перед лицом любвеобильнейшего Отца всех человеков, Который зрит издалеча и блудного сына с готовностью заключить его в Свои Божественные объятия, перед лицом Всеведущего, Который с другой стороны стропотное нечто усматривает и в Ангелах¹⁹, а то, что в человеках высоко есть, считается перед Ним мерзостью? И однако ж, как неприметно даже на святом месте общей молитвы прививается к сердцу нашему подобное фарисейское чувство, ежели мы входим сюда с надменностью, стоим с рассеянием, или еще с небрежением, даже в самых знаках богопоклонения свидетельствуем, что всякое наше движение руки или головы есть нечто великое, как бы одолжающее Бога! Когда находимся здесь в таком расположении души, окидываем взором наблюдательным, или даже презрительным, окружающих нас смолитвенников, встречаемся с их благоговением, смирением и, может быть, сокрушением сердца, подобными мытареву; не говорит ли тогда о нас в тайне наше сердце: «Боже, хвалу Тебе воздаю, яко несмь якоже прочии човецы; они, – видно, хищницы, неправедницы, прелюбодеи: особенно что-то худым сам себя свидетельствует сей плачущий человек. Я не знаю, о чем бы мне еще молиться! Я беспрестанно в делах, успехи их известны вся кому, познания мои обеспечивают меня в будущем;*

труды мои ожидают только воздаяний». Это не молитва, слушатели! «Мытарь же, – пишется в Евангелии, – издалеча стоя, не смеяше ни очию возвести на небо; но бияше перси своя, глаголя: Боже, милостив буди мне грешнику!» Изъяснять здесь нечего: все видно. Видно, что человек сей точно стоял перед Богом, точно чувствовал величие Божие и свое ничтожество, точно проникнут был ощущением святости и правды Вышнего, и своей виновности перед Ним, точно познал любовь Божию, когда прибегал к ее милосердию, несмотря на всю отчаянность своего состояния.

Но, может быть, такое смиление в молитве прилично только особенным грешникам, каковы почти обыкновенно были некогда мытари, по свидетельству самой Истины²⁰? И потому не напрасно ли мы воспользовались примером мытаря для всеобщего поучения смирению в молитве? Нет, братия, отнюдь не напрасно! Расстояние от твари до Творца беспредельно для всякой и отовсюду. На каком бы месте, по-видимому, ни поставлено было какое-нибудь создание Божие; всякое близко или далеко, любезно или отвержено только по исповеданию славы и величия единого Создателя. Денница, как скоро возмечтал о себе, стояв у самого престола Божия на небесах, тотчас низвержен в преисподнюю; человек, напротив, в самой невинности умененный нечим от Ангела²¹ и низшего чина, в состоянии падения, как скоро обращается с раскаянием, из самого ада возводится на небо.

Припомним при сем, в каком расположении духа представляли пред Господа в собеседованиях с Ним и избраннейшие в человечестве, – те, из коих, напр., об одном сказало Слово Божие, что он «друг Божий наречеся»²²; о другом, – что он был муж по сердцу Божию. «Ныне начах глаголати ко Господу моему, – говорит однажды Авраам в молитвенном созерцании судеб своего племени, – ныне начал говорить Господу, аз же есмь земля и пепел»²³. А о сердце Давида, – как оно сокрушенno и смиренno было не только по грехопадениях, но и во всякое время обращения к Богу, – ни слова говорить не будем; ибо кто из вас, христиане, не оглашен

книгой Псалмов, коих наибольшее содержание есть молитвенное сокрушение сердца, образ истинной молитвы?

Какое утешение для грешников! Отец Небесный не разделил еще нас, пока мы на земле, по крайней мере на два различные лика молящихся, как сделает Он с имеющими предстать на страшный суд; но дал нам один молитвослов с праведниками. И мы, братия, молимся теми же молитвами, коими молились великие святые мужи, каковы Василий Великий, Златоуст, Ефрем, Макарий и подобные. А они у кого научились своим молитвам? Правда, особенным из Евангелия, но взяли их там из уст сего же самого мытаря, о коем сегодня слово, – у разбойника кающегося, у Хананеи, сокрушенной сердцем, у прокаженных вопиявших, у блудницы плачущей! Боже, милостив буди мне грешнику! – не сия ли молитва мытарева употреблялась всегда и между святыми за особенную? «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Своем»²⁴ – не сия ли молитва разбойника составляет содержание, можно сказать, главнейших молений всей Церкви? Не примечаете ли, братия мои, как она повторяется среди самых торжественных священномий Церкви, каков, напр., таинственный ход Царя всех Ангельскими дориносими чинами? Не примечаете ли, как все Божественные службы наши и священномий заключают в себе, а следовательно внушают и нам одно чувство, – чувство смирения? Не будем говорить, что главнейшая и большая часть их, самое приношение бескровной Жертвы, суть прошение об оставлении грехов наших и прегрешений; что и прочие прошения или благодарения, по-видимому, славные и торжественные, что, как не свидетельства совершенной нашей зависимости от Вышнего, от Которого чаем или приемлем все, и следовательно что все то, как не исповедание собственного нашего уничижения? Надобно сказать, что таким общим молитвам научил Церковь сам Дух Божий, Который сходил некогда на верующих в их собраниях и внушал им общие спасительные чувствования²⁵. И потому-то сам Он, Дух Божий, по изъяснению одного из Богомудрых толкователей Писания, глаголал: «причастник Аз есмь всем боящимся Бога»²⁶. Златые сосуды Его благодати,

мужи избранные, – нося в себе общую с нами природу, и, по мере усовершения ее, чувствуя еще тем большие недостатки свои, а притом и памятуя наставление Господа: «егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы»²⁷ – молились так, как бы нам только грешным молиться должно. Они предали, говорим, и нам свои собственные молитвословия, с тем, без сомнения, чтобы мы не удерживались ни стыдом своим, ни страхом от дерзновения к Богу по своему недостоинству. В самом Евангелии предано нам всего наиболее то, что единородный Сын Божий пришел на землю не праведников призвать на небо, но грешников на покаяние, и с сладостью посему внимал вопияниям – чьим? Вы слышали уже, – Хананей, блудниц, мытарей, разбойников сокрушающихся. Что же бы препятствовало праведностям иудейским, книжникам и фарисеям, по крайней мере последовать уже предварившим их в Царство Небесное грешникам, которые проложили туда столь отрадный для всех нас путь в Новой Благодати? Высокоумие, слушатели, самонадеянность, и с тем вместе непостижение единой истинной правды Божией! «Свою правду ищуще поставити, – говорит Апостол, – правде Божией не повинушася»²⁸.

Итак, братия, когда становимся мы на молитву, – здесь ли, в доме общей молитвы, или в другом месте, – и желаем не погрешить в совершении молитвы; наблюдайте за собой в том наиболее, смиренно ли тогда сердце, сокрушенno ли оно? Не превозносится ли, не осуждает ли других? И если оно, по благодати Божией, осуждает только себя самого, молитва сия истинна, хотя бы ты и не чувствовал еще никакой от нее сладости, – утешение уже за подвиги, при безопасности от надмения. В самом деле, часто многие считают признаком спасительной молитвы – ощущение в себе душевного удовольствия от нее. Так; но то не весь и не единственный плод ее. И надобно даже опасаться, чтобы он ее ввел иногда неосторожных в мечтательность. Самопожертвование Богу всем сердцем, в том одном чувствовании, что то или иное делается для Бога, а сами мы ничто, – всего выше, всего наиболее, братия! Аминь.

Беседа в Неделю блудного

Сказана в Донском кафедральном соборе в 1846 году

Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое.

Пс.50:1.

Без сомнения, всякий и из самых простых православных христиан сколько-нибудь знает «Помилуй мя, Боже»; по крайней мере всякий не раз мог заметить, сколь часто употребляется псалом сей в молитвословиях наших. В настоящий перед святым постом и в первые великопостные воскресные дни, на утренневании нашем к Богу, он особенно представляется Церковью молитвенному вниманию нашему, братия, как могли все вы также слышать. Он поется теперь с особенной, – если можно так выражаться, когда речь идет о покаянии, – с особенной торжественностью. Ему предшествует громкая покаянная песнь: «Покаяние отверзи ми двери, Жизнодавче» и последует песнь еще более в том же роде трогательная: «Множества содеянных мною лютых помышляя, окаянный трепещу страшного дне судного!». В сей другой песни оказывается вместе и то, почему особенно в такие дни с особенностью петь нам надобно псалом «Помилуй мя, Боже». «Трепещу, – вопиет грешник, кающийся к Богу, – трепещу страшного дня будущего суда Твоего, Господи!» – и далее: «но надеяся на милость благоутробия Твоего, яко Давид вопию Ти: Помилуй мя, Боже, по велицей Твоей милости!» Итак, псалом сей возвещает нам, грешным людям, отраду и утешение в страхе, каким должны быть объяты все имеющие предстать, как и нам будет надобно сделать это в грядущие дни очищения, предстать перед судом Божиим еще на земле, перед судом покаяния, дабы не стать нам грешниками на грозном суде Христовом в вечности. Вникнем посему ныне, братия мои, в смысл и употребление во Св. Церкви псалма «Помилуй мя, Боже», собственно по отношению его ко времени покаяния и к кающимся.

Псалом сей написан Пророком Давидом и отдан им ликоначальнику певцов для пения в Скинии Божией, написан в последствие двух особенных Давидовых прегрешений, как молитва покаяния. И Давид, и он, муж по сердцу Божию, в своей кроткой жизни тяжко согрешил некогда перед Богом – отнятием чужой жены и назначением ее мужа в такое опасное место, где бы он мог быть убит, и действительно, убит. Как глубоко грех, братия мои, при рожден ныне естеству нашему, и как он опасен, пагубен для тех в особенности смертных, которые хотя сколько-нибудь от святых дел звания предаются иногда досугу, как случилось и с Царем Давидом! Но Бог знает сердце каждого человека: Бог тотчас послал к Давиду другого Пророка с кратким обличением сперва – греха перед Царем. Давид немедленно произносит смертный приговор на представленный ему в притче грех, не зная, что таким образом согрешил сам он. Впрочем, как скоро узнает себя собственно в зерцале притчи, тотчас исповедует грех свой перед Богом с таким полным сокрушением, что тот Пророк, которому предоставлено было Богом быть свидетелем исповеди, – услышав только слова Давидовы: «согреших ко Господу», – не дожидаясь ничего более, тотчас объявил от имени Божия: «и Господь отъя согрешение твое»²⁹! Кратка была исповедь в словах; но как она велика в самой вещи! Подобным образом притчей обличал однажды во грехах Царя Ахаава один из Пророков, а иудеев – Сам Господь Пророков Иисус Христос: но как скоро иудеи и Ахаав увидели в представленном им зеркале самих себя, Ахаав пошел прочь³⁰ – сказано далее в Писании, – смущен и расслаблен иудеи старались схватить Иисуса Христа. Давид далеко не так поступил. Он не только немедленно сокрушенным сердцем раскаялся в прегрешении своем, но исповедь свою простер и на всю жизнь свою, и не только на всю жизнь, но и на все будущие времена, по смерти своей, до конца века. Исповедь Давида была не в ложнице его, или только перед Пророком, от Бога посланным. И мы, спустя тысячи лет после Псаломника, непрерывно слышим ее, читаем и воспоминаем, при том не в Истории или при каком-либо домашнем чтении, но в общественных собраниях, в церкви

перед Богом, как будто бы сам Давид доселе еще каялся псалмом своим здесь и везде, где только читается покаянный псалом его. Точно, каётся сам Давид доселе, братия мои! Не без его воли поступил покаянный псалом его в церковное употребление: сочинитель сам отдал его ликоначальнику Церкви своего времени, с тем, чтобы пета была всенародно исповедь его в Церкви. Недоумеваю, чему более дивиться: тому ли, что она продолжается таким образом доселе, или что она возглашаема была тогда, еще при жизни самого Давида и в присутствии его? Какому надобно было быть слуху в Давиде? Какому сокрушенному, сокрушенному сердцу, когда грех и исповедь Царя воспоминались в присутствии его самого перед всем его народом? Таково истинное сокрушение о грехах, братия мои! Столько покаяния нужно для всякого! Припоминаю: в последствии времени каялся также перед Богом и Первоверховный Апостол Петр, каялся во грехе клятвенного отречения своего от Господа (каких особых жертв себе ищет враг спасения нашего – Петров, Давидов!). Петр, лишь только услышал ничтожного на наш взгляд обличителя своего, петела, плакаясь горько, сказывает евангельская история. А один из святых современников и учеников Петра, Климент Римский, свидетельствует, что Св. Апостол повторял тот же самый горький плач и после во всю жизнь свою, когда ни слышал голос петела! Слово о грехе Петровом и плаче предано также всем векам в Евангелии: а ученик его, Св. Марк, писавший свое Евангелие под руководством Петра, как свидетельствует благочестивая древность, упомянул еще, вероятно по наставлению Петра, что Петр не мог разбудиться от греха своего так долго, что петел пропел уже двукратно. И когда так поступали мужи великие, Богоизбранные, при свои временных только прегрешениях; то что делать нам с грехами своими, нам, которые влечем их, по выражению Писания, как уже велико? Достаточно ли для сего тех малых бесчувственных слов, кои едва единожды в год, а иногда и в несколько лет раз произносим мы на своей исповеди, во всей тайности нашего покаяния, при одном служителе Христовом?

О! Какой урок для нас, братия, – урок о покаянии, одно начало псалма «Помилуй мя, Боже!» Грешишь мы все: да не похвалится всяка плоть пред Богом, да будет весь мир повинен Богови³¹, спасется же каждый из нас по единой только милости Божией, по единой благодати Иисуса Христа; грешишь все, но крайнее различие в том, что одни из нас сердечно каются и прибегают к милосердию Божию, другие – нет. Первые – праведники великие; а мы – нераскаянные грешники, грешники, и умрем такими, и предстанем такими на страшный суд Божий, если не очувствуемся!

Для сего-то часто, весьма часто, христиане-братия, Св. Церковь приводит нам на память псалом покаяния Давида «Помилуй мя, Боже!» Он положен ей в домашних наших молитвах, утренних и вечерних; он первый и здесь, в церковных собраниях, наших на Полунощнице и окончательный, по чтении кафизма, на Утрени; он из первых псалмов на Часах перед Литургией: он же первый и на Повечерии. Не говорим уже, что он первый и единственный на молитвах, при совершении Таинства Покаяния, первый и неоднократный в молитвах ко Причащению. Еще менее упоминаем, что один псалом сей служит вместо всех псалмов, как бы сокращением их на всяком просительном молебне и на панихиидном молении об умерших. Словом – он избраннейший из псалмов при всех наших молитвословиях. Так часто встречается он для напоминания нам, братия, для напоминания о нужде в том, чтобы все мы сколь можно чаще перед Богом каялись во грехах своих и кроме нарочных дней покаяния, каковы дни поста Великого. Непрестанно грешишь мы волей и неволей, ведением и неведением; непрестанное требуется и исповедание или очищение грехов наших. От сего-то и все наши молитвы, и домашние и церковные, соединены наибольшей частью, как говорим, особенно со псалмом покаяния «Помилуй мя, Боже!» Чувство сердечного сокрушения перед Богом должно быть у нас первым везде и непрерывным. Такое чувствование Св. Церковь внушает нам в песни, для нас ей составленной. «Помилуй нас, Господи, помилуй нас!» – учит она каждого из нас говорить перед Богом: «всякаго бо ответа недоумеюще, сию Ти молитву,

яко Владыце, грешни приносим, — помилуй нас!» Иначе сказать: мы не знаем, что иное и говорить нам перед Тобой, Господи, или приличнее или необходимее, как «Помилуй нас, Господи, помилуй нас!» Таково общее содержание наибольшей части наших молитв в нынешнем греховном нашем состоянии. И когда же наиболее чувство сие должно быть живо у нас и искренне, как не теперь в особенности, когда приближаются дни всеобщего покаяния и идут уже дни приготовительные к оному, нынешние?

В особенности упомянуть надобно к настоящему случаю о псалме «Помилуй мя, Боже» в той связи молитв наших в Церкви Божией, как поется он в самой средине утренних молитв наших здесь, и с особливой торжественностью во дни праздничные. Известно, что на Утрени всегда читается из Псалтири Давидовой несколько кафизм (не менее двух), из коих почти каждая заключает в себе псалмов около девяти. Кафизмы в первые времена, при молитвенном терпении древних христиан, были петь в Церкви, как свидетельствует Св. Василий Великий, а не читаны. «Гремят, — сказывает негде Св. Василий, — во всю почти ночь, гремят псалмы Давидовы на обоих клиросах по стихам (что и называется в книгах наших стихословить псалмы), гремят псалмы, и напоследок, как бы сокращение всех их и венец, воспевается псалом «Помилуй мя, Боже!» На простодневной Утрени псалом «Помилуй мя, Боже» точно так и употребляется сряду после кафизм; ныне и его читают, а не поют. Но на Утрени праздничной, когда читается и Евангелие, по содержанию праздника, или, иначе сказать, когда есть что особенно читать и из Евангелия по особенности дня благодати, псалом наш отделяется от обыкновенного чтения Псалтири далее, и следует уже за чтением Св. Евангелия. После «Славы» и «И ныне» поется всегда, по крайней мере, начало псалма: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое». Для чего так? Для того, как мне всегда представлялось, что с одной стороны все Св. Евангелие началось именно проповедью о покаянии, с другой — все те люди, которые слышали живую сию проповедь из уст благовестников, непременно были люди

смиренные и кающиеся, ищащие своего спасения не в своей праведности, но в помиловании Божиим. Евангелие началось, говорю, проповедью о покаянии: Зачало Евангелия Иисуса Христа, благовестует Евангелист: «*бысть Иоанн крестяй в пустыни, и проповедая крещение покаяния во отпущение грехов*»³². «*Покайтесь, – вопиял Предтеча Христов, – покайтесь, приближибося Царствие Небесное*»³³. Отоль, с покаяния, начат Сам Господь Иисус проповедати и глаголати: «*покайтесь, приближися бо Царство Небесное*». И в последствии Своего благовестия Господь Иисус многажды говорил иудеям: «*не приидох призвати праведныя, но грешныя на покаяние, так как и не требуют здравии врача, но болящи*»³⁴. В самом деле, кто были первые последователи Евангелия Иисуса Христа и участники благодати, миру тогда возвещаемой? Не те духовные вожди народа Божия, которые считали себя, по наружному только исполнению закона, праведными, не те просвещенные книжники и знаменитые сановники иудейские, которые разумели себя всезнающими и высокими, – но люди простые, сперва жители невежественной Галилеи, потом мытари, блудницы, прокаженные, слепорожденные, разбойники, словом – грешники. По сему-то и ныне, братия мои, когда повторяется перед нами на Утрени чтение Св. Евангелия, мы все обращаемся за выслушанием оного к Богу, Спасителю нашему, со смирением сердца и вопием не гласом уже Псалмопевца, хотя повторяем его слова, как самые древние, но – гласом всех упоминаемых в Евангелии Хананей, прокаженных, мытарей и всех глубоко чувствовавших нужду в помиловании от Господа Христа, – каждый за себя: «*Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей!*» – «*Помилуй мя, Господи! Помилуй мя, Сыне Давидов! Сыне Давидов, помилуй мя!*» – вопияли ко Иисусу Христу просившие от Него помочи, как скоро где-либо появлялся Он между людьми. И нам является Христос до скончания века во Св. Своем Евангелии: и мы тоже вопием Ему ныне.

Да и непрерывное наше воскликновение в церкви «Господи, помилуй», что как не тот же самый глас, которым вопияли ко Иисусу Христу по Евангелию искавшие от Него милости? Но

слово теперь в том, когда же, если не теперь в особенности, как мы расположиться должны и уже приготовляемся принести Господу Богу, хотя единожды в год, исповедание грехов своих, – не ныне ли в особенности должны мы пример упоминаемых в Евангелии людей, смиренных сердцем, самым сердцем и душою усвоить самим себе, и вопить ко Господу голосом Пророка Богоотца, каявшегося: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей»?

Для приближающегося времени всеобщего покаяния есть еще и особое предназначение псалма сего в Церкви, братия мои! Мы видели, как он обыкновенно входит в наибольшую часть наших молитв: вонмите далее, как входит он особенно в молитвы наши великостные. Мы слышали уже, что начало его и содержание с особой торжественностью поется после Евангелия Христова в нынешние дни перед постом, и услышим, как будет петься в пост. Вслушайтесь же и в так называемый «Канон» трипесничный, покаянный, – Канон, или дневное правило молитв наших в Церкви, вскоре за псалмом сим следующий в числе молитв. Стихи Канона начинаются все запевом: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!» Все стихи Канона, все недельные стихиры, стиховны и прилагающиеся к ним песнопения иных названий, все сложены из сего одного предложения: «Помилуй мя, Боже»; все суть многоразличные видоизменения псалма сего, с приложением оного к нашему состоянию в новой благодати. Так будет и в пост: в пост будет более. В четыре дня первой седмицы ежедневно будет читаться на Повечерии особенный Великий Канон, и весь совокупно будет повторяться еще в называемое «стояние», в четверток пятой недели поста. Кто из вас непомнит и по прежним годам, что на всяком стихе, кроме конечных, будет повторяться там запев: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя»? Кто непомнит, что пение сие есть душевный плач каждого из нас за себя самого, плач покаяния, плач кающихся? Запев стихов Великого Канона потому такой, что и все стихи сложены из него одного, как из предложения: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!» Все они содержат один и тот же плач покаяния и есть как бы истолкование покаянного псалма Давида, – истолкование в

различных опытах сердечного сокрушения уже не одного Давида, а всех согрешавших и спасавшихся от века и в Ветхой, и в Новой Благодати. Там изображены святые дела праведников, упоминаемых во всем Св. Писании Ветхого в Нового Завета, равно как исчислены и все, кажется, – сказать по учебникам школьным, – формулы, просто – образцы, виды бесчисленных сатанинских ухищрений над людьми, разновидных грехов, согрешений, прегрешений наших перед Богом. Для чего все сие? Для того, чтобы в том или ином сказании непременно узнать нам всякому самого себя, как в зеркале. На сей-то конец по местам Великого Канона будет многажды напоминаться каждому из нас, братия, что собственно каждому из нас чувствовать, что и нам сказать надобно? «Виждь, душе моя, – будет говориться там от собственного лица каждого из нас к душе своей, – виждь, кому и кому уподобилась еси, окаянная душе моя! Грешных подражала еси, душе моя, а не праведных, в Бога согреши; Каину уподобилася еси, а не праведному Авелю; Ламеху подражала еси, а не Сифу или Еноху; Исаево женонеистовое житие изволила еси, блудницы и мытаря покаяния не наследовала еси», и проч., и проч., что все мы ушами своими услышим. Словом, – как Давид, иногда во образе списав, яко на иконе, песнь, еюже деяние обличает, еже содея, вопия: «Помилуй мя, Боже»³⁵, так Преподобный Андрей Критский, один из особенно также каявшихся к Богу в своих грехах, написал в Великом Каноне всеобщее изображение, в котором, как на картине, всякий из нас может видеть самого себя, видеть и по различным образом изложенного там покаяния каяться Богу во всяком грехе своем.

В заключение всего умоляю вас, христиане-братия, обратить собственное ваше внимание на все то, что вы в Церкви Божией о псалме «Помилуй мя Боже», по чину молитв, слышите и видите, или что особенно в Великий пост будете видеть и слышать. Без того, без собственного вашего участия сердечного нельзя довольно изъяснить силу онего. Самим вам каждому изучить, или лучше усвоить себе дух истинного покаяния надобно. Аминь.

Беседа в Неделю блудного

Сказана в Донском кафедральном соборе в 1845 году

Востав иду ко отцу моему и реку ему: отче, согреших на небо и пред тобою.

Лк.15:18

Вот сии-то самые расположения души иметь надобно нам, братия, особенно ныне, когда предстоит святой Великий пост, призыв к очищению грехов! Изложение таких расположений духа заимствую в евангельской притче, которая в нынешний недельный день предлагается в церкви особенному вниманию нашему. Притча изображает милосердие Отца Небесного к кающимся в таком трогательном виде, что толкователи Евангелия называют ее чтением самым утешительным для грешников. В ней, как в зеркале, видно и то, с чего начинается у нас упорное закоснение во грехах, от чего происходит даже удаление от Бога, до чего оно доходит, до какой крайности доводит, и как опять, несмотря ни на что, может начинаться обращение наше к Богу, раскаяние, полное очищение от грехов. А такое-то именно зерцало истины и нужно нам иметь на виду ныне по сближению дней всеобщего покаяния, чтобы видеть там себя, себя – и путь, которым надообно обратиться в покаянии к Отцу Небесному. Рассмотрим же евангельскую притчу с некоторой подробностью.

«Человек некий име два сына», – говорит Господь в притче. По связи с окружающими ее иными притчами, как-то: с притчей о пастыре и одной заблуждшей овце, при девятидесяти и девяти незаблуждших, – с притчей о жене и погибшей у ней одной драхме, при девяти, – очевидно, что два сына суть два рода людей, – людей потерянных или заблуждших, и людей в добром состоянии находящихся. А из связи сказаний еще далее предыдущих и из прямого указания Господа, – что тако радость будет на небеси о едином грешнице киющемся, нежели о девятидесятих и девяти праведник, иже не требуют покаяния, под именем человека некоего разуметь надообно Самого Бога,

Создателя человеков, или ближе, – Бога, нас ради вочековечившегося.

«Человек некий име два сына; и рече юнейший ею отцу: отче, дажь ми достойную часть имения; и раздели им имение». Имение, какое имеет Отец Небесный для нас, чад Его, – весьма богатое. В Его деснице вся видимая природа, все дары судеб и все сокровища благодати. Господь всем нам, братия, разделяет сии блага: дает нам жизнь, здоровье, ум, волю, смысл, склонности, по собственной нашей природе; и по внешней – дает всякому из нас часть земли и ее плодов, часть вод и ее произведений, воздух, все солнце и луну, дни и ночи, различные времена года. По распоряжениям судеб Своих Господь предоставляет каждому из нас звание, состояние, иным почести, другим богатство, иным счастье, иным просвещение, иным иное. По царству благодати Господь всем нам дарует небесную жизнь, средства к ее поддержанию, – Св. Таинства Веры, Слово Свое, с ним духовное просвещение, радости, принадлежащие уже веку будущему. Из всех таких сокровищниц Своих разделяет Господь каждому из нас, братия, по мере приемлемости каждого. Он солнцем Своим сияет на злые и благия, и дождит на праведные и на неправедные. Имея такого Отца всеблагого, премудрого, всеведущего, нам всем надлежало бы, братия мои, пользоваться Его достоянием без всякого частного каждому выдела, пользоваться тем только и так, сколько, когда и как угодно будет дать что-либо Отцу, как живут дети и при земных отцах. Но нет: иной из нас сын Отца Небесного просит Отца отделить его прочь от Себя, и дать ему могущую следовать часть имения в собственное распоряжение. Воля, братия мои, воля, своеvolие наше причиной тому, что мы услышим далее о человеке: в ней начало наших злополучий, кои, как увидим, скоро могут следовать за неблагоразумными нашими желаниями. Отец Небесный дал нам и волю, не отказывает и в желаниях, дабы наши отношения к Нему были не принужденны, не рабские, а проискали бы из сыновней свободной любви, и дабы в самом лишении нас чего-либо не заключалось какой-либо, хотя мнимой причины к потере такой любви с нашей стороны. И от чего у описываемого в Евангелии

сына поколебалась любовь к отцу? «Рече юнейший сын», сказано там, – юнейший, а не старший. Юность, глупость, легкомыслие, недальновидность, безрассудная пылкость внушают нам своеволие и жизнь, так сказать, в разделе с Отцом нашим Небесным! Юность разумеем не по одному только телесному возрасту, но и по душевному. Конечно, юный возраст наш по плоти всего склоннее к своеволию, к безрассудствам, ко всему чувственному. В нем начинаются по большей части те дурные привычки жизни, кои составляют потом всю нашу жизнь, если мы не остережемся или не остерегут нас в это время родители, наставники, добрые люди, а иногда и самые обстоятельства нашего времени. Посему-то и надобно всем нам особенно беречь детей, наипаче же приставникам их и руководителям; а детям первее и тверже всех уроков помнить должно, что своя безрассудная, еще неопытная воля есть источник всех будущих бедствий жизни, а послушливость – запас истинного благополучия. Не столько важно просвещение ума в науках, далеко не столько, сколько образование сердца, ограничение пылкости желаний, власть над высокоумием, благопокорливость опытности других. Гордый ум будет причиной и всей жизни своевольной, а краткое и Богоязыльное сердце сохранит от того. Так, говорю, виной своевольной жизни бывает юность наша по возрасту телесному! Но есть еще юность и по возрасту душевному. Как есть люди, по Слову Божию, которые всегда учатся и николиже в разум истины прийти могут; так бывают и старики по виду, которые вечно юношествуют. Они следуют молодым своим чувственным склонностям, кои, как скоро чувственны, плотяны, уже и сличны юношам, а не мужам опытным по уму и сердцу. Самой верной приметой тому, что в таком состоянии находится тот или иной из нас, служат тайные наши желания, чтобы судьба отдала нам дары или природы, или Провидения, или благодати, или и все вместе на собственный наш произвол, чтобы нам жить, как нам хочется, а не в единении с Отцом нашим Небесным, не по Его святым внушениям, не так только, как Он снабдевает нас по Своему премудрому Промыслу, но в разделе с Ним, по расчетам.

Таким образом жил и описываемый в сегодняшнем Евангелии сын. Но, находясь вблизи к отцу, он стеснялся иногда в беззаконных волях своих одним присутствием отца и, может быть, доброго старшего брата, с отцом жившего. Самый дом родителя, имя его, слух о нем могли ограничивать желания молодого человека. Сыну хотелось бы, напр., устроить беспутное гулянье, игры, шумное зрелище; но не видя сего никогда и в окнах дома отеческого, не только около себя, он вопреки себе удерживал свои прихоти. Он думал, что отец услышит что-либо своевольное у него, может ему напомнить о том: один взгляд отца укорил бы всякое беспутное предприятие. И потому что же своевольный сын далее делает?

«И не по мнозех днех собрав все мний сын, отыде на страну далече». Высшая степень своеволия, – даже удаление от отца, намеренное уклонение наконец от случаев к своему исправлению! Как это делается некоторыми из нас, братия, в отношении к Отцу Небесному? Так, что некоторые в постепенном своеволии жизни иногда теряют наконец страх Божий в себе, заглушают чувство вездеприсутствия и смотрения Божия, оставляют и видимый дом Божий, не станут ходить в церковь, не хотят слушать, ни читать ничего спасительного и Богоугодного, не внимают добрым советам других, и ни на какие обстоятельства жизни, располагающие нас к помышлению о Боге, не обращают внимания, а стремятся прочь и прочь, далее и далее от всего того, что может напомнить им о Боге.

Для чего же делает так своевольный человек? Для чего он со всем наследством своим от Бога, – с умом иногда великим, со здоровьем крепким, с желаниями сильными, с почестями, с заслугами, с богатством, даже с просвещением духовным, кратко – со всеми своими талантами и достоинствами, – для чего он удаляется на страну далече? Дальняя страна, о которой говорит Евангелие, есть мир сей, братия, или правильнее, – та часть мира, где всего удобнее жить можно без всяких помышлений о Боге, в обществе людей, забывших Бога. Для чего же своевольный сын удаляется от Бога в сию столь дальнюю страну? Чем исследовать, скорее можно увидеть это

на деле. «И ту расточи имение свое, живый блудно», – сказано в притче евангельской.

Имение, от Отца Небесного полученное, – дарование природы, Провидения и благодати, можно расточить людям в мире сем по своей воле, многоразличным образом, бесчисленными способами – и пьянством, и роскошью, и игрой, и нерадением, и горячностью. Различны и предметы мира. Все, еже в мире, – говорит Слово Божие, – похоть плоти, похоть очес и гордость житейская. Но особенно упоминает теперь Евангелие с той стороны, как иждил имение свое несчастный сын, упоминает об образе жизни в мире блудной, распутной. Потому так, братия мои, что сей образ жизни наиболее нравится юности человеческой, обыкновенное овладевает людьми во всяком возрасте, и есть самый разорительнейший и для вещественного, и для нравственного состояния. Святые нравоучители веры изъясняются, что нет страсти, к которой бы более наклонны были люди, как чувственное вожделение: никакой пол, никакой возраст, никакое звание, никакое время не свободны от него, если не предостеречься, если из дома Отца нашего Небесного удалиться на страну мира, который и именуется прелюбодейным и грешным. Столько всем надобно опасаться всегда сладострастия! Столь оно опасно! И похоть очес, и гордость житейская служат также главно и особенно похоти плоти. Для ней наиболее всего расточается всякое имение, данное нам от Бога Отца Небесного. Как склонность одного пола к другому в своих законных правилах есть самый закон к размножению рода человеческого, что впрочем в последствии имеет великие трудности в содержании семейств: то природа особенно разбросала цветы на нее, и – склонность сия, при повреждении природы, всего легче может выходить за границы закона и счаствия нашего. Посему-то наиболее всех иных страстей и нужно остерегаться от нее людям: с ее-то стороны наиболее всего и предстоят всем смертным искушения и бедствия, часто делающие злополучной всю жизнь предавшихся страсти плотоугодия.

Бедствия! Так, упоминаемый в Евангелии сын, живя блудно, иждил все, все свое имение. Долго ли в страстях, особенно в

страсти блудной, сильной, помрачиться уму, развратиться воле, потеряться здоровью, затмиться чести, истратиться богатству, взяться назад к Богу всем дарам благодати, свету ума, спокойствию совести, чистоте души?

Между тем одной беде почти обычно сопутствует иная и иная. «Изжившу же ему все», — говорит притча о блудном далее, бысть глад крепок на стране той, и той (несчастный наш человек) начал лишатися. В мире собственно мирского нет ничего, братия! Мир богат тогда только, как богаты люди, — умен, когда только обладатели умны; а сам он совершенно ничего не имеет своего, кроме суеты сует, ничтожества, гибели. Не будь у людей мирских почестей, ума, здравия, счастия; и в мире нет для них ничего: в нем одна, повторяю, пустота и крушение духа. Мир не любит, не ласкает, не принимает к себе не имеющих ничего. Он, как гостиница, держится только избытками путников и посетителей. Чем же в мире восполнить человеку собственные лишения свои? «И шед прилепися единому от жителей той страны, — продолжает притча о блудном сыне, — и послал его на села своя пасти свиния: и желаше насытити чрево свое от рожец, яже ядяху свиния; и никтоже даяше ему». Какое плачевное состояние для такого особенно человека, каков был упоминаемый в притче пока жил при таком отце своем, каков отец евангельский! Между тем не видали ль иногда, слушатели мои, сами вы, как промотавшиеся в мире люди ведут наконец жизнь свинопасов, и как они в лохмотьях, часто с поврежденным рассудком, с разбитыми лицами, с помраченными чувствами бродят иногда по улицам около зазорных мест и готовы предаваться самым низким, нечистым, сквердным удовольствиям? Но и тех удовольствий не дозволяют им. Свиньи, сколь они, в сравнении с человеком, ни нечисты, но как свиньи по природе своей и как чья-либо собственность, стоят уже для владельцев их большего попечения, нежели люди, приложившиеся к скотом несмысленным и уподобившиеся им. В таком прежалком состоянии, по нравственности, человек бывает, по выражению Церкви, горее, хуже скота! Посмотрите на душевное его состояние, независимо от внешнего (Слово наиначе о

душевном нашем состоянии). Раскройте мысли человека распутного, кто бы он ни был с вида, войдите в его понятия, вникните в намерения, пройдите в расположения души: и вы тотчас увидите в душе нравственно потерявшегося человека истинно свиное стадо с гадаринскими бесами, в него вшедшими.

Что же в таком состоянии наш упоминаемый в Евангелии распутный сын? О, слава Богу! В нем оставалась еще искра Богоподобной природы, еще таилась в нем память о небесном происхождении его: и в один день умел он еще воспользоваться самым бедствием своим. В себе же пришед, рече: колико наемником отца моего избывают хлебы, аз же гладом гиблю! Сколько, подлинно, птиц небесных, – рассуждал он сам с собой, – и Отец мой Небесный питает их! Сколько скотов, рыб, сколько зверей, пресмыкающихся, – и все они с избытками насыщаются от трапезы Отца моего, живя из хлеба, из найма, по которому служат так или иначе блаженным Его домочадцам, человекам, созданным по образу и по подобию Божию, служат кто пением, кто ношением тяжестей, кто приготовлением одеяния и проч.! Сколько самых человеков, не принявших благодатного усыновления Богу, сколько их служит Небесному Отцу моему, Богу, ими неведомому, служит из найма, для получения временного только счастия в жизни за свои работы! А я по возрождению и благодати Иисуса Христа – Сын Его; между тем нахожусь в таком жалком положении! Ни одна светлая мысль не озарит помраченного ума моего. Ни одно святое желание не обрадует никогда сердца моего! Даже ухо не слышит никогда Слова Божия, око не видит ничего душеспасительного! Словом – я в стране глада крепкого, глада не хлеба, но слышания Слова Божия, и терплю все ужасы сего страшного глада.

С познания самих себя, с обращения внимания на себя самих, на свое состояние, начинается у нас, братия, всякое истинно полезное познание. От своей ветренности мы бываем и бесчувственны. «Аще бы себе рассуждали, – говорит Апостол, – не быхом осуждени были». Так сталоось и с блудным сыном: пришел он в себя, обратил внимание на себя, и по милости Божией, тотчас почувствовал всю бедственность своего

состояния греховного. Так и всем нам надобно входить в свою душу, обращать внимание на окружающие нас обстоятельства и пользоваться ими к своему вразумлению.

«Востав убо, — продолжает грешный человек во евангельской притче, — востав иду ко отцу моему, и реку ему: отче, согреших на небо и пред тобою, и уже несмъ достоин нарещися сын твой: сотвори мя яко единого от наемник твоих». «Я согрешил противу всесвятого величествия Твоего и против Тебя, единственного моего благодетеля, Отче Небесный! Но даруй мне хотя то счаствие, каким наслаждаются наемники, рабы твои, — не то уже, каким пользовался я некогда безрассудный сын Твой!» Такое чувство сердца кающегося грешника и не осталось в одном только сердце или предположении: он не повздыхал только, не поохал только, как нередко делаем мы в порывах наших к покаянию; нет, он тотчас востав иде ко отцу своему. Теперь счастлив путь твой, жалкий до сей самой минуты человек! Пойдем с ним и все мы, братия мои, пойдем все; посмотрим, как встретится грешный сын с отцом своим, как примет его Отец Небесный?

«Еще же ему далече сущу, — сказывает Евангелие, — одно только Евангелие может сказывать такие вещи или истины, — еще же ему далече сущу, узре его отец его, и мил ему бысть, и тек нападе на выю его, и облобыза его». Таково, дивно, непостижимо милосердие ко грешным Отца Небесного! Оно давно и непрерывно ждет обращения грешника к себе! По человеческому изображению, евангельский отец как бы непрерывно смотрел уже, давно смотрел в ту сторону, с которой можно было ожидать назад удалившегося сына, выбежал к возвращающемуся на встречу. Не только не делает упрека за неблагодарность, хотя бы упрека отеческого, самого любезного упрека; но не слыша еще ни одного слова раскаяния, обнимает уже его и лобызает сына, с пастью свиной возвратившегося, недостойного, по нечистоте своей, касаться пола в светлом и святом дому Божием! Едва сын успевает проговорить несколько слов из приготовленной им исповеди отцу, — как отец, не дослушав ее, приказывает тотчас рабам своим учредить торжество и говорит: «изнесите одежду первую, и облецьте его,

и дадите перстень на руку его, и сапоги на ноги: и приведше тело упитанный, заколите, и ядше веселимся». Рабы Господа, по изъяснению святых толкователей притчи, – или Ангелы, или Пастыри Церкви, служители Таин Божиих. Им, подлинно, служителям Таин Божиих, повелевается возвращать кающимся грешникам все милости и права на сыновство Божие, соединять их Св. Церкви, дому Божию, украшать наилучшей одеждой, виссоном оправдания Святых, убеленной в крови Агнца, вземлющего грехи мира, составлять из Него таинственную вечерю Причастия, преподавать им залог или обручение Духа Святого, словом – доставлять все, что имеет в себе Св. Церковь утешительного, спасительного, небесного. Что же во особливости располагает отца к таким необычайным чувствованиям и поступкам? Одно, не иное что, как то одно, яко сын мой сей, – говорит отец, – мертв бе и оживе; и изгибл бе, и обретеся. Могло бы быть сказано теперь иным отцом, что сын сей был особенно любимый, особенно даровитый, особенно добрый, кроме одного бывшего глупого случая – ухода. Нет, довольно, что возвращается сын, каков он ни есть, что он мертв бе, и оживе; и изгибл бе, и обретеся! Сколь всеобщее убеждение, братия мои, в том, что любовь Отца Небесного по тому же самому чувствию Своему, не по заслугам нашим, или достоинствам, или умолениям, возрадуется и о каждом из нас также, готовящиеся каяться!

У евангельского отца был при доме с ним другой сын, старший, добрый, никуда от него не отлучавшийся: его поразила столь необыкновенная любовь отца к сыну столь распутному! Но ему сказано отцом то же, что чувствовал в себе сам отец: «возвеселитися же и возрадовати подобаше, яко брат твой сей мертв бе, и оживе; и изгибл бе, и обретеся». Кратко, – Отец Небесный убеждает всех свои домочадцев, праведников и Ангелов к тем же самым чувствованиям, какими Сам исполнен, – к сорадованию с Собой о покаянии грешника. «Тако глаголю вам, – говорит Иисус Христос, – радость бывает пред Ангелами Божиими о едином грешнице кающемся!» Спасение язычников, грешников, всего мира сперва, подлинно, удивляло и праведников иудейских и даже самых Ангелов, как

свидетельствует и о последних Апостол. Но и они, те и другие, после торжества всеобщей благодати на земле, после того, как Господь наш Иисус Христос в образе человека, в образе общего всех Отца Небесного, принял грешный род человеческий в Царство Свое еще на земле, во Св. Свою Церковь, и, осыпав его всеми дарами благодати Своей, до конца мира принимает всех кающихся, – после сего и Ангелы радуются на небесах о каждом из нас кающемся.

Что кто из нас думает при сем, братия? О нас слово; для нас евангельское торжество в Церкви, ради нас радости на небесах в обителях Отца Небесного, когда мы будем каяться здесь во грехах своих! Не оставим же исполнить сего по сердцу, а не по обычаю: не остановим столь нарочитых небесных приготовлений к праздникам на небесах; не отменим столь великих торжеств любви Божией, там в кругу Ангелов и праведников Божиих. Поступить иначе, т. е. или не想要 каяться, или каяться неискренно, несердечно, без оставления негодных своих навыков, которые доселе удерживали нас в удалении от Бога, без полного обращения к Богу, каяться без этого, значит – не только уничтожать своими руками собственное блаженство о Христе Иисусе, но и полагать к тому препятствия для всей любви Господа Бога к нам грешным и для торжеств Ангельских на небе. Посовестимся! Аминь.

Беседа в Неделю мясопустную

Сказана в Донском кафедральном соборе в 1846 году

Тогда отвещают Ему праведницы, глаголюще: Господи! когда Тя видехом алчуща, и напитахом, или жаждуща, и напоихом? Когда же Тя видехом странна, и введохом, или нага, и одеяхом?

Мф.25:37,38.

Каждодневно и в каждый день неоднократно молится Св. Церковь Господу, и с ней молимся мы о том между прочим, чтобы сподобиться каждому из нас, христиане, отдать добрый ответ на страшном судище Христовом. Сегодня представляет Евангелие мысленному взору нашему и всемирное оное позорище, когда перед престолом Судии, тьмой Ангелов окруженного, собираются все народы и племена и произведется суд в таких подробностях, что не только значительные дела, добрые и худые, но и то, напитали ли мы бедного, утолили ли жажду жаждущего, отверзли ли странным врата дома своего, посещали ли болящих, – и то перед лицом неба и земли будет объявлено и рассуждено. И, конечно, тот добрый будет на сем испытании ответ, слушатели, который скажут перед Богом праведники. А они, по засвидетельствованию Испытующего сердца и утробы праведно, исполнивши в жизни своей все дела милосердия (предмет всего более на суде видимый), соответствуют Ему в изумлении, что они ничего доброго не делали!

Поучимся и мы той особенной истине евангельской, что наше перед Богом оправдание приобретается осуждением себя перед Ним, и что надобно исполнить сие здесь же прежде страшного суда Божия, при самом делании добра.

После греха, другое не меньшее у нас зло – то, что обыкновенно ищем мы оправдывать себя даже в проступках своих. Лишь только учинен первый в мире грех; что воспоследовало на первом суде Божием над ними³⁶? Адам слагает вину греха на жену, как бы с укорением и Творца за то, что он дал ему такую жену; жена слагает вину на змия, и

самооправдание сие кончилось всеродным, вечным осуждением. Кольми паче ныне мы, осужденное потомство грешника, во всяком случае должны быть перед Богом с глубоким чувствованием своей перед Ним виновности. Не говоря о том, что само по себе ясно худо, будем рассматривать, слушатели, и добрые дела свои не по одной наружности их и собственным о себе мыслям; станем вникать в самый источник их, в ту таинницу³⁷ сердца, откуда исходят и помышления, и слова, и деяния. Там, без сомнения, увидим глубокие следы повреждения своего по природе. Учинено дело доброе? Есть самые добродетели на вид – тяжкие по сущности грехи! Смотреть должно, с каким намерением производятся добрые дела наши? С совершенным ли к добру расположением или с другими, даже иногда нечистыми побуждениями, напр. из боязни, из корысти, из чести, из лицемерия, как находил все сие Сердцеведец в фарисеях? Смотреть надобно и на то между прочим, не есть ли доброе наше дело естественным свойством сердца или только следствием бессилия быть нам в таком роде худыми? Такой суд с одной стороны может обять во всем его пространстве один только Всеведущий; с другой – трудно, невозможно человекам отделить в себе и в самых добродетелях всякую примесь чувственного или земного. Почему с Царствующим Пророком надобно всем нам просить Господа, дабы Он от тайных наших и нам самим неизвестных нечистот очистил! Не похвалится, по слову Апостольскому, всяка плоть пред Богом³⁸! Вот основание наше, наше собственное, по Слову Божию, касательно оправдания нашего: да будет весь мир повинен Богови³⁹!

На сих развалинах растленного естества нашего благодать Божия зиждет из человека нову тварь⁴⁰, производит таинственное освящение того, что есть в человеке греховного и дает нам иные неизъяснимые силы к добру. Но сие-то самое и есть новым убеждением для нас к признанию своего ничтожества. Теперь человек, рассматривая самого себя, находит, по указанию Апостольскому, что нет ничего в нем, чего бы не принял он свыше⁴¹: не доволен от себе и помыслити что,

яко от себе⁴². Что же представим мы собственного пред очами Всевышнего, кроме своих немощей, худости, ничтожества?

Боже Праведный! При одном воспоминании о стольких дарах и силах Твоих, естеству нашему сообщенных, наипаче же в Царстве благодати Твоей о Христе Иисусе непрерывно изливаемых, невольным образом ужасается сердце, сколь много оставлено нами внушений Твоих, даров Твоих, сил Твоих без всякого внимания, и даже с укорением Духа Твоего! Что ж, когда на весах правосудия Твоего взвесятся, вместе с малым числом малых добродетелей и множества падений наших, все тяжести оскорблений Твоего величия? Минута вздоханий к Тебе, и – дни, годы, жизни, проведенные для себя и мира! Сегодня едва воскрыляюсь от земли душой, и завтра вновь падаю еще ниже прежнего!

Но и тот малый остаток добрых дел, или лучше, только намерений, что будет перед Богом, слушатели благочестивые, как разве малый долг твари ко Творцу, Которому всяческая работа, – отнюдь не заслуги наши, – скучный, ни мало несоответственный плод благодатной Его попечительности. Ибо обо всем, что нами ни сделано доброго, рассуждать нам прилично не иначе, как напоминает Господь наш: «Еда имать господин хвалу рабу тому, иже сотвори повеленная? Не мню, – говорит Он. Тако и вы, егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко еже должны быхом сотворити, сотворихом»⁴³.

Одно то, слушатели, когда на подвиг добродетели нужны такие для нас и подобные убеждения к смиреннию, уже показывает недостаток в нас духа истинного и прямого благочестия. Истинное благочестие таково, что чем более оно спеет и умножается в ком-либо, тем смиреннейшие рождает в человеке мысли. Авраам, отец верующих, удостоен был единобеседования с Богом; но и он ничего не нашел приличнее сказать о себе в то время, как что он земля и пепел. «Ныне начах глаголати ко Господу моему, – говорил Авраам; – аз же есмь земля и пепел»⁴⁴. Таким образом и высокие человеческие достоинства души ничтожными делаются при свете Божества.

Пред Ним и архангельская светлость исчезает, и серафимский пламень не блистает, и херувимская чистота закрывает лицо свое! А человеческая правда? «Вся правда наша, – говорит один Пророк, есть яко порт⁴⁵ нечистыя»⁴⁶. В самом деле, дух избранных Божиих всегда был таков, что избранные Божии старались один перед другим уничижать себя. Св. Павел Апостол едва ли не паче других потрудился и на сем поприще – смирения, самоуничижения.

В самой вещи, слушатели, прежде нежели совершенно испразднится в нас душевный человек, нельзя без опасности наслаждаться ощущениями в себе и добродетелей. Тайный враг наш, при начинании оных, препятствует нам делать добро, а при успехе, кажется, усиливает добро и превозносит, но с новым коварством, – с тем, чтобы низвергнуть нас в бездну высокомерия. И в сем-то состоит едва ли не труднейшая часть евангельского терпения и, так сказать, духовного воздержания. В противном случае, всякое приобретение благочестия иждивается в то же время самими вами без всякого остатка для вечности, для Бога. «Аминь глаголю вам»⁴⁷, – глаголал о фарисеях Спаситель, – они восприемлют мзду свою». Суетная мзда! – кичение мыслей, минутное удовольствие сердца, слабый и краткий блеск славы в глазах людских! То ли плод священной добродетели?

С крайней осторожностью в жизни своей должны мы, слушатели благочестивые, проходить подвиг благочестия, памятуя всегда слово псаломское, или лучше, молясь им ко Господу: «аще беззаконие назриши, Господи, Господи, кто постоит?»⁴⁸ Однако же с таким сознанием, с сим беспрерывным покаянием тем паче и паче усугубим, слушатели, делание добрых дел. Чувствование недостатков своих должно воспламенять в нас всегда новую ревность и усилие, а неусыпный труд пусть займет каждого из нас так, чтобы не было никому времени и подумать, сколько чего доброго у нас сделано, но было бы перед глазами только то, что делать еще бесконечно многое предлежит впередь, – забывая, по примеру Апостольскому, задняя, в предняя же простираясь⁴⁹.

Тем более да возбуждает нас к тому святое напоминание Апостольское, особенно настоящему дню воспоминание будущего страшного суда Христова приличное, и как бы особенно в день сей сказываемое: «*Кацем подобает быти вам во святых пребываниих и благочестиих, чающим и скорее быти желающим пришествия Божияго дне*»⁵⁰. Пришествия Божиего дня! Так. Небо и земля мимо идут, слова же Господня без исполнения не останутся. И, конечно, с продолжением времени тем ближе настоит тот день и час, когда востребуется от нас отчет во всей нашей жизни, во всех и тайных помышлениях, и даже возможных движениях сердца. Произведем же прежде здесь сами над собой строгий суд, дабы не быть осужденными там на веки. Еще продолжается утешительное благовестие, что Сын Божий спасает мир, а не судит мир. Воспользуемся сим временем спасения! Аминь.

Беседа в Неделю мясопустную

Сказана в Донском кафедральном соборе в 1846 году

Егда же приидет Сын человеческий в славе Своей, и вси святии Ангели с Ним: тогда сядет на престоле славы Своея, и соберутся пред Ним вси языцы.

Мф.25:31,32.

Радость праведникам! А у грешника цепнеет ум, сжимается сердце, едва разверзаются уста, когда надоно говорить о сем, как надоно сегодня, по воспоминанию Св. Церковью будущего страшного суда! Св. Церковь возвещает сегодня из Евангелия, как Сам Господь, предсказывая о суде Своем, раскрыл некогда один только край поразительного того позорища, и, для примера, выставив только самые малые дела человеческие в жизни, едва считающиеся обязанностями, каковы: насытили ль мы алчущего или жаждущего, посетили ль больного и в темнице находящегося, приняли ли в дом свой странного, – по одним сим делам произнес неимевшим их осуждение на огнь вечный. Что же будет, если потребуется там отчет (а как не потребоваться?) в делах нашего звания, в неисполнении нарочитых наших обязанностей, в употреблении всех даров счастья, в принятии всех средств благодати, с чем само собой сопряжены участи не того или иного человека из случайных бедных, но у многих сопряжены участи целых обществ человеческих, целых областей, званий, родов дел? Что будет с нами, когда должны явиться там, на суде, и беспрерывное неправосудие наше, и сладострастие, и мздоимство, и обиды, и злоба, и гордость, и зависть, словом – все до слова праздного, до тайных помышлений, как говорит Апостол, и мыслей сердечных? Не станем говорить о славе суда; она изображена резкими чертами в песнопениях Церкви на день сей; довольно упомянуть теперь кратко по Евангелию, что судить будет Царь славы, в присутствии всех Своих небесных Сил. Размыслим ныне о том одном, что касается нас собственно. Там будет для нас суд внезапный, будет суд всемирный, будет суд справедливый, будет суд решительный на всю вечность.

Страшный суд Божий будет суд внезапный. У Бога, конечно, и время его предопределено от самой вечности: суд внезапен будет для нас, по неизвестности дня его, сколь впрочем ни известно то, что он будет. Истина неизвестности времени суда столько нужна и столь много сообщена была самими Апостолами и первенствующим христианам, что Св. Павел писал к Солунянам: «о летех и временех, братие, не требе есть вам писати: сами бо вы известно весте, яко день Господень, якоже тать в нощи, тако приидет»⁵¹. Таким же точно выражением сказал о нем и Св. Первоверховный Апостол Петр. Выражение яко тать в нощи⁵² было тогда, как писаны священные книги наши, народное, приточное, и употреблено в Писании, как известное всем и простым людям выражение совершенной внезапности. Сам Господь Иисус множицей изъяснялся о будущем пришествии Своем, особенно также со стороны неизвестности времени его. «О дни же том и часе, – говорил Господь, – никтоже весть, ни Ангели небеснии, токмо Отец Мой един»⁵³; и иногда прибавлял: «ни Сын»⁵⁴, т. е. ни Сам Он. Слово, по разуму святых толкователей, не то значит, чтобы для сего одного предмета как-либо ограничивалось всеведение Сына Божия по Его Божеству, но – что, по воспринятыму Им в Лице Сыновнее человечеству, не дано Сыну Божию заповеди от Отца объявить нам об оном. Господь сказал вообще о Своих откровениях: «Пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что возлаголю»⁵⁵. Так, впрочем, устроено, что время страшного суда должно остаться неизвестным не потому, без сомнения, чтобы в неготовности застиг нас суд сей, к большему нашему осуждению. Верно, или не нужно нам ко спасению, или невозможно знать, или и то даже, – надобно не знать о том. И то, и другое, и третье вместе, как изъясняет Слово Божие. Не нужно знать или лучше нужно не знать: все мы и во всякое время должны быть в духовном бдении, исполнять добрые дела, что и есть самое лучшее к суду Божию приготовление. Если бы мы знали о времени оного, то и истинные подвижники благочестия могли бы ослабевать иногда в подвигах, по надежде на известность времени для них: самое заботливое к тому приготовление в ином чувстве, в чувстве

страха и принужденности, делало бы всякую добродетель нашу рабской. Доказывали опыты, что когда лжепророками распространялись иногда между верующими противные Слову Божию предсказания о времени кончины мира и легковерные принимали их за истину: люди приходили только в ужас и оцепенение, в отчаяние без всякого исправления себя в душе, по свободе и разуму. Что же посему сказывает нам Божественное Провидение, когда скрыло от нас время вечного суда Своего? «*Бдите убо, – говорит Иисус Христос, – яко не весте, в кий час Господь ваш приидет*»⁵⁶. В самой сей неизвестности предназначено еще особливое поприще благоразумия и трудолюбия. Рабу тем более чести, воздаяния, что в какую бы пору ни пришел господин его, нашел бы его всегда в должных занятиях и в добром поведении. Мудрые девы, – продолжает Иисус Христос, – имея навсегда в готовности елей в сосудах со светильниками своими, т. е. свет веры и добрые дела, в самую полночь готовы будут изытии в сретение жениха.

И как же впрочем было бы сообщить нам свыше определенное сведение о времени суда Божия? Для сего нужно было бы сообщить нам самое всеведение Божие, беспределную любовь и столь же неограниченную правду Божию. Св. Апостол Петр, предвижая в последние дни мира ругателей, которые будут говорить: «где есть обетование пришествия его (Иисуса Христа)? Отнележе бо отцы успоша, вся тако пребывают от начала создания»⁵⁷, – Апостол Петр ясно разрешает нам тайну, почему не должно быть известно ни для кого из нас второе пришествие Христово. Едино же сие да не утаится вас, возлюбленных, – слово к верующим, – яко «един день пред Господом яко тысяча лет, и тысяча лет яко день един. Не коснит Господь обетования, якоже неции коснение мнят: но долготерпит на нас, не хотя, да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут»⁵⁸. В последних словах Апостол ясно сказывает таким образом, что назначение времени конечного суда Божия сопряжено непременно с усмотрением спасения человеческого. Суд настанет тогда, как все имеющие спастись спасутся, все до

единого; а у других не останется уже и никакой надежды ко спасению. Сего требует любовь и правда Божия. Как же знать такое состояние рода человеческого без всеведения Божественного? Что же касается могущества Божия; то измерений времени для него нет никаких. Бог может, — изъясняется Апостол, — сделать то в один день, что не сделалось в тысячу, и наоборот, делается в продолжение тысячи лет то, что могло бы сделаться в один день, в один из дней, в одно мгновение. В таком точно виде были малые опыты частных судов Божиих над миром, еще во времени, — опыты, которые, как говорит другой Апостол, «предлежат в показание огня вечного суда подъемше»⁵⁹. «Яко же бысть во дни Ноевы, — говорит Сам Господь Иисус, — тако будет и во дни Сына человеческаго: ядяху, пияху, женяхуся, посягаху, до негоже дне вниде Ное в ковчег; и прииде потоп, и погуби вся»⁶⁰. Провидение видело тогда одного только праведного Ноя, с семейством, достойного спасения: для всех прочих людей, современников его, ни к чему уже не послужили предизвещения Праведника Божия о предстоявшей казни⁶¹. «Такожде и яко же бысть во дни Лотовы, — продолжает Господь, — ядяху, пияху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху: в онъже день изыде Лот от Содомлян, одожди камык горящ и огнь с небесе, и пагуби вся». Господь видел здесь одного только праведного Лота с домочадцами, принадлежавшим к числу спасаемых, и, если говорится в Писании, что Сам Господь приходил в Содом видеть, аще по воплю, доходящему до небес, совершаются в нем дела жителями несчастного города, то так говорил Господь и приходил воззреть — для того только, дабы показать нам самые опыты, как поистине дошло уже там разращение до самой низшей степени⁶². «По тому же будет, — заключает слово Господь, — и в день, в онъже Сын человеческий явится»⁶³, т. е. внезапно застигнет суд Божий людей, которые ни мало о том не помышляли и помышлять не будут, а имеющие остаться праведники спасены будут.

И так внезапность будущего суда Христова, братия мои, не просто будет внезапность для нас, но вместе и кончина века, разрушение всего видимого мира, в котором живем мы ныне. Со

стороны Судии нашего она – отнюдь не намерение, повторю, не намерение застичь нас в неготовности к суду, или – что то же, – во грехах наших, но – усмотрение Всеведущего, что уже никто в целом мире, кроме имеющих спастись тогда, спасаться более не может, по своей свободной воле, ни при каком Божием попечении, и что за сим остается уже поступить с целым миром нашим так же, как некогда поступлено с Содомом и Гоморром или с людьми допотопными, т. е. истребить самое место их пребывания. В тот день, – провозвещает Первоверховный Апостол Петр, – в тот день «небеса убо с шумом мимо идут, стихии же сжигаемы разоряются, земля же и яже на ней дела сгорят»⁶⁴. И что же в такое время должны чувствовать, делать все мы смертные люди? Сим убо всем разоряемым, когда т. е. дела на земле, стихии, небо и земля станут разрушаться, – продолжает Св. Апостол слово ко христианам, – кацем подобает быти вам во святых пребываниих и благочестиих⁶⁵? Чем менее ныне здесь помышляем мы о том, чем менее внемлем столь благим и благовременным внушениям Слова Божия: тем более все то будет поразительно, ужасно. Что будем чувствовать в то время, как внезапно откроется столь страшное позорище, – разрушение всего мира, и нам первое всего представиться должно тогда действенное откровение Самого Бога, что беспредельное долготерпение Его уже кончилось, и каждый из нас принадлежит или к числу спасаемых, или к числу тех, которые не хотели, а теперь и не могут наконец прийти в покаяние?

Суд будет всемирный. Грозные опыты судов Божиих на земле, временные, бывшие доселе, были опыты частные. Напр. истребляемы были огнем небесным Содомляне: а невдалеке, в горе Сигор было еще спасение; на всем прочем пространстве земли, кроме того, которое казнилось, оставались люди в спокойствии. Но на страшный суд предстанут все народы, все племена земные: истребляться будет мир, нынешняя земля и небо. Предстанут на сей суд не живые только, но и мертвые, мертвые, – все минувшие роды с начала мира до скончания его. Места покоиться им в недрах земли не будет. Судия есть Господь живых и мертвых, Бог всех народов, Царь

царствующих. Труба Ангела Его призовет всех с пределов земли до пределов ее; глас ее сотрясет и возбудит всех ныне покоящихся под землей. Недостает ныне пространства в воображении нашем для такого позорища: но тогда позорище сие будет всем нам видимо, удобообъятно во всех его частях и подробностях. Изменятся чувства и душевые способности наши для существования без так называемых условий пространства и времени, кои сам разум ныне считает пределами, в которых врачаются наши познания. Все увидим друг друга тогда, увидим всех и каждого. Станут рядом с нами те, которых мы знаем ныне только в Истории, или и совсем никак не знаем; станут с нами рядом те, которые достойны были и вечного бессмертия, но которых мы осудили было на вечное забвение или даже на вечный позор: станут с нами рядом те, которых память иногда превозносили мы здесь, которым следовали, но которые были того недостойны: станут с нами рядом наши ближние, с которыми мы жили и имели многоразличные сношения: некоторых из них мы прямо обижали здесь, других обманывали, иных втайне презирали, иных свели в могилу, иных преследовали даже в их потомках или не щадили и в их предках. «Раб и владыка, Царь и воин, богатый и убогий станут друг подле друга в равном достоинстве», как напоминает Св. Церковь. Словом – все там станем вместе без различий уже или преимуществ званий, состояний, вероисповеданий, племен, веков; станем со своими каждый делами, со всеми делами и по званию, и по дарованиям, – со способностью, повторяю, видеть каждого и всех, всех и каждого, равно как и самим быть видимым от всех и каждого, от каждого и от всех. Обыкновенных ныне и необходимых условий для познания и мышления, – условий, о которых говорят и мудрецы мира, т. е. пространства и времени, – будет там уже не нужно: их не будет. Там – беспредельная вечность, там – небо и земля новая, – говорит Апостол. И на сем-то столько и так всемирном позорище должны мы будем принять суд Божий по делам или состоянию каждого! Всякий суд и на земле, суд человеческий, наводит страх на подсудимого: но суды человеческие производятся втайне: они происходят только над некоторыми,

весьма немногими, между тем вся громада народа на свободе и занимается своими текущими делами, не обращая внимания на других: дела сии не более впрочем и значат здесь, как ничтожные нечистоты в море или в воздухе. Там не так. Суд будет для всех, для всех без изъятия вдруг и, повторю еще, с известностью для всех и каждого!

Суд будет справедливый. Ибо Судия всеведущ, всеправосуден. Подсудимые сами все будут в состоянии видеть правду суда Божия на самом деле, – каждый у себя, друг у друга, у всех сопредстоящих суду. Разгнутся книги, – говорит Писание, иначе сказать – раскроются самые совести человеческие, обнаружатся все сгибы тайных помышлений: и все будем в состоянии, повторю, видеть их у самих себя, друг у друга и у всех.

Неизъяснимое счастье, когда откроются перед всей вселенной, какой еще не бывало никогда видимо в одно время очами смертного, – блаженство неизъяснимое, когда раскроются перед лицом земли и неба добрые наши, сокровенные, даже еще неисполненные и, может быть, необразовавшиеся в голове мысли и намерения, не только добрые дела, кои в настоящей жизни могли быть воспрепятствованы, извращены, перетолкованы в противную сторону! Но что должно будет чувствовать нам грешным, когда развернутся пред лицом вселенной, пред лицом земли и неба, все наши порочные деяния, здесь прикрывавшиеся дальностью от глаз людских, званием, чинами, лукавством, умом, различными покровами? И не деяния только обнаружатся тогда, но и желания, мысли и намерения, помыслы, ныне совершенно тайные, – никому, кроме той души, где они рождаются, неизвестные, – часто такие худые, что и никак нельзя было не скрывать их здесь, при всем иногда бессовестности некоторых. Обнаружится все, все сделается без всяких покровов, все явится в той самой силе и степени худости, как что есть или было по самому существу своему. С тем вместе откроются и все наши способности, все силы, при которых мы могли бы делать то или иное доброе, но поступали превратно, делая злое. В судах земных для преступников есть еще свои надежды

к оправданию: предстоящие суду человеческому прикрываются обстоятельствами, которых исследовать нельзя, ссылаются на свидетелей, которые могут затмить истину, успокаиваются в недальновидности судей, слагают вину на недостаток своих сил, полагаются на самое время, которое может прекратить позор последствий суда. В иных судах на земле много помогает виновным или знаменитость рода, или высокость звания, или слава, связи, покровительство, богатство, ум, возраст, пристрастие самих судей. Там ничто не поможет; там ни на что не посмотрят; там ничто это не нужно; там ничего этого не будет. Всеведущий взор Судии, как молния, осияет наши совести, и они, всякая сама собой, чувствовать будут свое состояние, свою участь, свое назначение, приговор себе по всей Божественной правде. Что сказали бы мы, что почувствовали бы, если бы столько раскрылись наши душевые, внутренние виды, хотя на минуту, хотя между нами одними, между предстоящими теперь во святом храме сем, – теперь, как мы стоим на месте святом, как нарочито занимались святыми делами службы Божией? Нет сомнения, что некоторым из нас пришлось бы гореть со стыда, и всем придти в самое тяжкое замешательство!

Суд Божий будет решительным на всю вечность. Решительный, братия, – или на всю вечность блаженную, или на всю вечность злополучную, на мучения адovy. Решение – праведное, решение Судии, Который видит все наше прошедшее и видит все наше будущее, видит наши силы, все средства к деланию добра, видит так, как надоно Творцу, чтобы создать какое-либо творение Свое вновь или иначе. Мы грешили здесь, – о грешниках наиપаче слово перед покаянием, – мы грешили здесь против Существа бесконечного и вечного, оскорбляли здесь Бога всесвятого и всеправедного, презирали здесь самую Любовь во всей ее полноте и беспредельности, отвергали все неистощимые средства к нашему спасению, всю тайну смотрения о нас Божия в искуплении нас кровью Единородного Сына Божия сочли за ничто! Как же не решительно или неечно быть там наказанию за такие грехи? И человеческий суд судит также, – что чем выше лице, против

которого учинен грех и чем более было убеждений или средств к неделанию такого греха, тем большей казни подвергается виновный. Придите же теперь, братия мои, приблизьтесь мыслями своими, хотя сколько-нибудь, на черту той беспредельности века, которая откроется тогда самой вещью взорам нашим. Здесь, что ни случилось бы с вами и самого бедственного, – болезнь, страдание, посрамление, изгнание, плен, мучение; во всем еще виден предел, переход обстоятельств, часто на самые счастливые, по крайней мере непременно окончание всего рано или поздно – смерть. Там не будет уже никаких пределов. Мучься десять лет, мучься сто, тысячу, миллионы лет: все еще начало только мучения, средины и конца не будет! Ужасное состояние, даже при нынешнем нашем весьма ограниченном сознании! Как оно покажется при тогдашнем, не столько ограниченном сочувствии!

Не дай вам Бог довести себя до столь ужасного и непременяемого состояния! А сего-то именно и не хочет Бог, чтобы мы, братия, довели себя до такого состояния! «Живу Аз, – говорит Он, как бы с клятвой, – живу Аз, не хощу смерти грешника, но еже обратитися, и живу быти ему». Но мы сами будем причиной своей вечной погибели, когда одни даже по неверию Слову Божию, другие по ожесточению сердца во грехах, по нераскаянности, по легкомыслию, по дурным привычкам и страстям, совсем уже и не мыслят о своем исправлении, а ведут себя так только, как и куда влекут их греховые склонности поврежденной природы. Очувствуемся, братия мои, покаемся! Милосердие Божие еще продолжается для нас, текут еще времена благодати, чередуются вновь и вновь дни спасения. И сегодня по Св. Евангелию Церковь предвозвещает нам слово Господа нашего Иисуса Христа о страшном суде, будущем не с тем, чтобы Господь или она желали подвергнуть нас оному, но чтобы благовременно напомнить нам о будущем и вразумить в том самых невнимательных и бесчувственных из нас к делам Божиим и к своему душевному спасению. Се ныне время еще благоприятное к покаянию! Се ныне еще день спасения, – грядет спасительный пост, проповедник покаяния и очищения от

грехов! Воспользуемся милостью Господней, восплачемся перед Богом здесь лучше во времени, чем плакать безутешно и мучиться в вечности! Предстанем здесь тайному еще и таинственному суду, покаянию перед Ним при едином только свидетеле суда, или паче при молитвеннике и наставнике. Не слова, впрочем, только принесем пред Бога в покаянии своем, но самые чувства, сокрушение сердца, обет исправления жизни. Блудный да престанет от распутства и расторгнет, при помощи Божией, навсегда пагубные связи; мытарь корыстолюбивый да бьет в перси свои, и фарисей гордый да смирится духом перед Господом; немилосердый к меньшим братиям своим да смягчится сердцем и да помогает им. Мы упоминаем теперь о таких людях, о которых приточно для всех упоминает Св. Евангелие, и из Евангелия – Св. Церковь, в настоящие подготовительные к посту дни! Многие из нас имеют еще иные и иные бесчисленные страсти, кроме плотоугодия, корыстолюбия, гордости и жестокосердия: от всех да очистимся все покаянием, и да творим потом плоды, достойные покаяния истинного; да препровождаем жизнь по-христиански, целомудренно, праведно и благочестно. А когда так будем мы располагать себя в жизни, то и будущий страшный суд Христов будет нам в истинное, полное и вечное утешение. Приидите, – скажет нам тогда Царь неба и земли, – «приидите, благословенныи Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира»⁶⁶. Там уже, там только истинное благополучие; здесь еще – подвиги, братия, подвиги! Пост и покаяние – подвиг; но за ними – светлый день Пасхи, образ жизни и радостей будущего века! Аминь.

Беседа в Неделю сыропустную

Сказана в Донском кафедральном соборе в 1846 году

Нощь убо прейде, а день приближися; отложим убо дела темная и облечемся во оружие света.

Рим.13:11,12. Слова из читанного сегодня Апостольского послания.

Св. Апостол Павел пишет таким образом к Римлянам: нощью называя время жизни их в неверии, а днем – состояние в христианстве, в которое вступили они, бывшие недавно иудеи и язычники. Св. Церковь, распределяя свои чтения из Слова Божия, по соображению со днями, назначила чтение сих Апостольских слов в настоящий недельный день в самом преддверии Великого поста с тем, без сомнения, дабы напомнить нам, братия мои, что время бывших перед сим веселостей мирских было временем похожим на ночь, а приблизившийся пост святой есть время дня и света, время истинного делания, исполнение дел благочестия. «*Довлеет вам, – пишет другой Первоверховный Апостол ко христианам, также новообратившимся из идолопоклонства, – довлеет вам мимошедшее время жития, волю языческую творившим, хождшим в нечистотах, в похотях, в пьянстве, в козлогласованиях*»⁶⁷. В самом деле, инде, не у вас, бывающие на прошедших днях между христианами особенные веселости, по мнению нравонаблюдателей, суть остатки еще языческих обычаев, в которых живали древние наши предки по плоти. Обычаем сим доселе платятся как бы оброки какие несколько дней в году, подобно как оброцы греха смерть, по слову Апостольскому⁶⁸. Но теперь, говорим, время их уже прошло и у христиан: приблизились другие, святые дни христианского жития. Стоя ныне на пределе того и другого времени, размыслим мы, слушатели, по разуму слов Св. Апостола, взятых сегодня за основание беседе, что в самой вещи, когда бы то ни было, жизнь несообразная с Евангелием, жизнь греховная, подобна времени ночному, – состоянию мрака и опасностей. Сегодня, для краткости, слово только о нощи.

Во тьме ночи все видимые днем предметы скрываются от очей наших, и ничего видеть нам нельзя, кроме того только, что слабо, изблизи освещается искусственными светильниками нашими: так и для ума нашего в собственном его мраке, в каком он бывает при греховной жизни, исчезают из вида прекрасные произведения Божии и явления не только царства благодати, Царства Божия, Небесного, но и видимой природы. «Невидимая бо Божия, — сказывает Св. Апостол, — от создания мира твореными помышляема, видима суть, и присносущная сила Его и Божество»⁶⁹. Но мудрецы мира языческого, — продолжает Св. Павел, — осутишася помышлениями своими, и омрачив неразумное их сердце; глаголющиеся быти мудри, объюродеша. Отсюда-то, — еще далее говорит он, — произошли все роды языческого нечестия, идолопоклонство до обожания даже гадов, распутство до самых омерзительных его видов, разлияние всякой неправды, злобы, зависти, рвений, злонравия, гордости, непокорливости, пренебрежения всего святого. Мудрецы сии изобретательны, — упоминают между прочим слова Апостольские, — но изобретательны только на все злое. По такому изображению языческого мира судить можно и о нас, христианах, когда застигает некоторых из нас мрачная ночь нравственная, — страсти порочные, даже иногда неверие, вольнодумство, растление нравов, продерзательство, решимость на все похоти сердца и уклонение от всего священного. Со стороны нельзя не изумляться всему тому, нельзя не ужасаться; но преданный страстям ничего худого не видит за собой и не чувствует. «В нощи житие мое преидох присно, — говорит в Великом покаянном Каноне очнувшийся наконец грешник, — тьма бо бысть и глубока мне мгла нощь греха!».

Из описания греховного состояния людей у Апостола приметить надобно в особенности, братия мои, что сколько люди в том состоянии бывают омрачены и бесчувственны для всего доброго, столько же напротив деятельны для всего порочного. Ночью, с прекращением действия света на наше зрение, которым всего более сообщаемся мы с видимым миром, при некотором сокращении деятельности и иных, кроме

зрения, телесных чувств, мы собираемся, так сказать, в самих себя и в тесный круг самой частной своей жизни. Ощутительно, как и говорит врачебная наука, ощутительно возвышается тогда в каждом человеке жар крови. Природа предназначила порядок сей для того, чтобы приготовлять нас к благотворному отдохновению во сне с совершенным ослаблением наконец всей деятельности чувств и усилием в то же время внутреннего своего попечения о хранении жизни нашей в состоянии подобия хладной смерти, как называют сон. Но человек, преданный страстям, вместо того, чтобы спокойно пасть на ночь в такое лоно матери природы, благодетельные распоряжения ее к ночи обращает напротив в содействие своим порочным склонностям. Известно,очные гулянки,очные попойки,очные игры и иные, по выражению Писания, дела темные бывают самые усиленные, иногда отважные, даже отчаянные, упивающиеся, в нощи упиваются, – замечает Св. Апостол⁷⁰. Когда же, подлинно, действуют прямо порочные люди, тати, разбойники, гробокопатели, как не по ночам? Свет дневной не столько мешает, сколько стыдит их делать зло. Самые насекомые нечистые, тайно водворяющиеся в домах наших, – и они из подполий, щелей, углов своих выползают для причинения нам неприятностей и иногда пакостей в темноте ночной. В сие же время и в великом доме нашем, в видимой природе, выходят на добычу из логовищ своих звери плотоядные. «Бысть нощь, – пишет священный Певец Израильский, – бысть нощь, в ней же пройдут вси зверие дубравни: скимни рыкающие восхитити и взыскати от Бога пищу себе. Возсия солнце, – продолжает Псалмопевец, – и собрашася, и в ложах своих лягут»⁷¹. При расположениях души страстных что будет и самый сон, который волей-неволей одолевает нас в夜里? Что как не образ, опять, греховной жизни? Между тем как праведники Божии, по выражению Св. Церкви, «и сонным безмолвием просвещаются зренiem судеб Божиих», что во сне представляется душе, преданной грехам? – или приятные на вид мечтания, или тяжкие страхований: первые – лживообольстительны; другие – более, чем во время бдения страшны. Во сне представляет себе иногда миролюбивое

воображение горы золота, царства почестей, цветники прелестей: но лишь разбуждается человек, — грезы мгновенно исчезают, а остается в душе глубокая пустота и крушение духа. Мечтается ли что-либо во сне страстное; все представляется гораздо ужаснее самой действительности предметов кажущихся. Малейший шорох, коль скоро он ощущается во сне, обрушивается на голову бедой; самая неприметная в другое время несвободность дыхания или минутный прилив крови чувствуется почти удушением: событие, которое на деле могло бы быть в минуту, тянется в сновидениях несколько часов. Подобным образом жизнь греховная наяву представляет нам предметы или в прелестных, или в самых ужасающих видах. Люди думают тогда, что они богаты, славны, кругом в наслаждениях, с вечными надеждами на свое благополучие: между тем бессмертный дух человеческий томится всеми недостатками в сродных ему утешениях, и нередко, — при смерти же и непременно, — чувственные удовольствия становятся истинно сониями востающего; все вдруг исчезают из сердца, оставляя по себе только скуку и мучение совести, предоощущение вечных мучений по смерти. Случись при таком состоянии какое-либо хотя самое малое прискорбие; грешник, не имея в душе своей никаких запасных сил, ни утешений, тотчас падает духом под всякой неприятностью: болезнь, лишение имущества, какое-либо унижение кажутся для него невыносимыми. Отсюда — ропот, уныние, пренебрежение самого первого дара Божия — жизни, словом — казни еще на земле адские.

И просто сон в ночи может быть изображением жизни нашей, настоящему только миру приличной, если сим даром природы пользоваться невоздержно, без осторожностей. Кто пользуется сном только как средством к обновлению сил природы, после честных трудов и для предстоящих вновь трудов: тот, без сомнения, не грешит; тот пользуется самой милостью Божией, «давшею нам сон во упокоение немощи нашей». Но кто спит для того, чтобы спать, ничего не делать и только нежить себя ленью: тот, очевидно, поступает вопреки учреждению Божию и собственной пользе; тот только

расслабляет себя и делается неспособным к трудам. Когда при том, как не при всей беспечности спящих, как не в отсутствие всякого бдения нашего, подходят к нам тати, подкапывают дома и обкрадывают их? Так точно бывает с нами и по нравственному нашему состоянию, при нравственной беспечности, когда мы ничего худого, по-видимому, не делаем, но не заняты также и ничем добрым. В сии-то случаи одолевают нас праздность, мечтательные помыслы, иногда – уныние, охлаждение ко всему, или напротив – непринадлежащие нам замыслы, всякая решительность на дела порочные. Все порочные страсти рождаются и зреют именно при таком состоянии беспечности человеческой, во время душевного сна. Темный дух наводит тогда на людей собственную сферу искусственных обаяний и держит их в ней, как во мраке. Бдите убо и молитесь, да не внидете в напасть», – говорил Господь ученикам Своим против таких искушений, – искушений, хотя и временных, но иногда на веки пагубных. «Сие же ведите, – внушал Господь в другом случае, – яко аще бы ведая дому владыка, в кую стражу тать приидет, бдел убо бы, и не бы дал подкопати храма своего»⁷². «Трезвитеся, бодрствуите, – убеждает Св. Первоверховный Апостол Петр, – бодрствуите, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, искит кого поглотити»⁷³. «Темже убо да не спим, – пишет другой Первоверховный Апостол, – да не спим, якоже и прочии, но да бодрствуем и трезвимся: спящии бо, в нощи спят», – присовокупил Св. Павел⁷⁴. Самый сон без времени и воздержания или умеренности, без правил природы, есть уже пищей страстям, также как и всякие иные невоздержания или излишства. В таком состоянии сна нравственного, как сна, по-видимому, обыкновенного и беспорочного, едва ли не все мы находимся, братия, по обыкновенной своей жизни. Прямо не делаем мы, кажется, в таком состоянии ничего худого, особенно грубо, нагло, преступно худого, злодийственного; но не делаем также ничего и доброго положительно. Не бодрствуем, не спим, а дремлем, в полусонном находимся состоянии. Что ни происходит в мире Божием великого, назидательного, грозного, благодетельного; многие ничего того не чувствуют, не видят, ни на что не смотрят

по своему спячemu состоянию. Идут ли в духовном Царстве Божием по святой вере и обыкновенные чреды священных воспоминаний, для нашего именно упражнения в делах благочестия и освящения душ: многие как бы не видят их, не слышат в сонном своем спокойствии. Если некоторые обращают и внимание на то, обращают не с тем однако же, чтобы принять истинное, живое участие, как в деле прямо каждого касающемся. По Церкви, напр., идет время приготовления к посту и всеобщему покаянию: у многих те же игры, те же шумные веселости, тот же разлив удовольствий, – еще теперь наиболее, нежели когда-либо. Наступает святой великий пост: на столах у православных христиан и в пост те же яства, что и во всякоe другое время, прямо против правил веры. Спешат в постное время православные христиане во храмы Божии на утреннюю молитву: некоторым еще никогда было и пробудиться после вечерних забав. Вот будут во храмах Божиих сонмы кающихся и приступающих ко святому Причащению: придут и те некоторые, кои жили все прочее время в волях сердец своих; но как? С тем же, если еще не с большим хладнокровием в сердце, с мирской борзостью по наружности, как вели себя всегда и не в день годичной Исповеди или Причащения страшным Христовым Тайнам. Они сами знают, разбуждалась ли когда-либо и в сии великие дни, каков день Исповеди и святого Причащения, разбуждалась ли совесть их от греховного усыпления? Сотрясались ли, хотя на минуту, страхом сердца? А о том, оставили ль они беспечность свою по жизни впредь, страсти, привычки, соблазны, прегрешения, кратко – беспробудный сон греховный? О том едва и упоминать можно. Кажется, самые священные обязанности христианские, едва в год только раз исполняемые, отправляются многими, как во сне, в полусонном, по крайней мере, состоянии. Что же посему действительного или истинно спасительного, братия мои, принесут нам все наши и такие действия по святой вере? Продолжение вновь того же глубокого, еще более крепкого сна греховного, по меньшей мере сна беспечного, какой был и кроме времени благочестных, по-видимому, упражнений! Совесть человеческая при таких случаях более и более становится

жестче еще время от времени. Что же и сказать о прочем времени жизни нашей или житейских наших занятий, по соотношению оных со святой верой?!

Пусть, впрочем, так было бы навсегда, навсегда продолжилось бы одинаково время на земле, в этой области темной, как сказал Господь. Но вот в чем дело: время непрерывно идет все далее и далее вперед; ночь становится глубже и глубже: что же будет с нами, как настанет уже самая полночь такого времени? А о ней-то особенно предупредил сказать нам, братия, Господь Иисус Христос, что то время требует наибольшего внимания нашего, хотим ли мы или не хотим входить в него. В полночь, в ту страшную полночь разбудит всех нас труба Архангела, и не нас только живых, но и всех спящих доныне во гробах смертным сном. Сие самое спокойствие, в каком живем мы по своему нравственному состоянию, ведет, ведет нас далее по времени, которое и вообще называется у Апостола днями лукавыми, и доведет до того, что истинная вера Христова, по слову Христову, совершенно оскудеет на земле, и Господу Богу останется только закрыть весь нынешний порядок жизни судом Своим праведным над всеми нами, кончиной самого мира. Для сего Сам Он паки приидет на землю, – и приидет, как Сам извещает во Евангелии, тогда, когда воздремлют все люди и будут спать, т. е. истинная христианская деятельность прекратится. «В сем отношении уподобится Царство Небесное, – сказал Господь, – десятим девам, кои должны готовиться к сретению жениха. Коснящу же жениху, – продолжает Господь, – воздремашася вся и спаху: полунощи же вопль бысть, се жених грядет, исходите в сретение его!» Пять мудрых дев, – души христианские, имея в готовности елей и горящие светильники, т. е. свет веры и елей добрых дел, встретили Его: пять буиних⁷⁵, хотя и имели также светильники, веру во Христа, но светильники погасавшие, за неимением елея, т. е. добрых дел, не удостоились быть на браке с небесным Женихом. «Бдите, – окончил приточное слово о них Господь, обращая речь к душам нашим, братия, – бдите, яко не весте дне, ни часа, в оньже Сын Человеческий, Сам Он приидет»⁷⁶. «Да будут чресла ваша препоясана, и светильницы

горячии, – напоминает Господь всем почти без притчи, – и вы подобни человеком, чающим Господа своего. Блажени раби тии, – присовокупил Господь, – ихже пришед Господь обрящет бдящих»⁷⁷. Иначе: всякого беспечного раба, не занимающегося данным ему от Господа поручением, растешет его, и часть его с неверными положит⁷⁸. Такой-то участи, сей-то страшной полунощи греховной убоимся, Братья мои! Время сие будет нечаянно, потому что во греховной своей жизни люди уже не станут обращать и внимания своего на дела и судьбы Божии; беспечность греховной жизни будет беспробудная.

Господь Бог, один Господь Бог знает сие время. А нам, само собой, известно только то, что с течением лет оно близится к нам, а не далее становится. Достоверно знаем и то, что для каждого из нас, ежечасно, полночь сия весьма близка: для каждого из нас настает она смертью; а смерть у всякого порознь и у всех нас вместе – очень недалеко, у некоторых, может быть, уже за плечами, следует по пятам. «Приидет же нощь, егда никтоже может делати»⁷⁹, – говорит Господь. Это – ночь смерти, после которой мы уже не сможем ничего сделать к своему спасению. Еда повесть кто во гробе милость Твою, Господи! Вопиет Царепророк: во аде же, в могиле, кто исповестся Тебе⁸⁰. И потому-то, несмотря на рассуждения, кои касаются всех людей вообще, всего рода человеческого, всего нынешнего мира, надобно нам, братья мои, озабочиваться каждому в особенности за себя самого. Круг таких рассуждений для себя собственно не может быть слишком обширен или не обозрим: напротив, он должен быть весьма близок к сердцу и ко глазам каждого из нас. Очнемся, не покрыла ли нас тьма греховная? Не тяготеет ли на нас тот сон, истинный образ хладной смерти, как называли сон и мудрецы века, – тот сон, которым спят, по выражению Апостольскому, мертвые прегрешенми⁸¹? Воспрянем, да не застигнет нас в таком состоянии и самая смерть, да не покроет нас в нем сень смертная, гробовая доска и земля. За гробом – или невечерний, никогда не смеркающийся день, день Царствия Небесного, или – бесконечная ночь, тьма, тма кромешная, по слову Господа: ту будет плач и скрежет зубов, присовокупил Христос⁸². Пока мы

еще здесь, пока текут дни покаяния и спасения; озаботимся, братия, по убеждению Слова Божия, заблаговременно не приобщаться к делом неплодным тмы еще настоящего мира, паче же и обличать⁸³ их, обличать в себе особенно, в себе единственно, не осуждая никого из близких своих, т. е. считать дела порочные за порочные, не иначе, и непременно исповедоваться в них, если по неосторожности или слабости своей и впадем иногда в такие дела темные. «*Востани спай!*» – взывает слово Апостольское к каждому из нас⁸⁴, Братия, призывая к покаянию и исправлению жизни, – востани спай, и воскресни от мертвых, и осветит тя, осияет светом Своим Христос! Аминь.

Беседа в Неделю сыропустную

Сказана в Петрозаводском кафедральном соборе в 1834 году

«Пост! Завтра уже пост!». Приметьте каждый у себя, братия мои, как слово сие падает на слух ваш и сердце? Так ли, как слово уже ожидаемое, или как будто нечаянное? Так ли, как слово радостное, или как прискорбное? То или иное ощущение свидетельствовать будут духовный вкус наш, расположение души к внушениям святой Веры! В других случаях не говорят о вкусах так, чтобы один вкус охуждать, в другом настаивать; но в настоящем случае нужно сказать, что пост всем нам, христиане, должен быть по вкусу, приятен.

Приведем себе, хотя ныне, на мысль истинных подвижников Веры, которые непрерывный пост считали для себя собственной своей стихией, подобно как, напр., птицам стихия – воздух, или рыбам – вода. С наступлением поста для всех чад Церкви и вне Обителей общего, им казалось, что самая природа вещей для всех тогда переменялась. Воздух, кличами празднующих, самым круговращением ликующих смущаемый, вся буря суёт мира теперь становится в тишину велию: поваренные беспокойства, беганья при столах, хлопоты прислужников, многоразличные трудности самых пирователей теперь умолкают. Животные, произволом людей суete подвергнутые, в покое радуются теперь, и, мнится, благодарят Бога за перемену дел между людьми. Так или подобным образом говорил Св. Василий Великий и ему подобные, – те, которые хотя не радовались вместе с миром, но при радости мира беспокойными делами мира, по выражению Апостольскому, мучились душею своею за него⁸⁵.

Мы, христиане, хотя каждый за себя восчувствуем ныне тишину в душах своих, в домах и на стогнах, с успокоением себя от шумных обязанностей жизни мирской. «Есть всякой вещи время под солнцем», – говорит преиспытанный в удовольствиях Мудрец⁸⁶. Было и нам по состоянию нашему время веселиться. Бог предоставил нам и такое время: Он дал

множество средств исполняться пищей и веселием сердцам нашим⁸⁷ из всей обильной сокровищницы земных благ Его. Ныне настает иное время, когда надобно упраздниться каждому для Самого Господа и для собственной души своей, которая, при торжествовании плоти, казалось, забыта была. Станет ли еще кто и на сие иное время сетовать, как бы желая, чтобы душу свою вовсе оставить навсегда без внимания и позабыть даже Самого Бога, благодетеля своего? Не сами ли вы, давая детям своим время для отдохновений и утешений, назначаете опять время и для дел, отзывая их от занятий только приятных? Вонмите ныне сами гласу Отца Небесного и гласу святой Матери Церкви, – гласам, коими убеждают Они нас перестать уже забавляться, а заняться делами душеполезными! Скорбеть ли еще и на то, почему не попущены мы Отцом своим на все без внимания? Почему печется Он и Сам располагает времена для добрых дел наших? Не была ли бы такая скорбь похожа на скорбь детей, которые, имея добрых родителей или воспитателей, отвлекаются от забав прочь, тогда как на стогнах остаются еще сверстники, которые не имеют таких попечителей, кои напомнили бы им о делах, – дети счастливые только своеюлием, между тем и по наружности, не только по невежеству своему и будущему состоянию несчастные? Чадца! – когда же наконец послушаем мы внушений Господних, если не ныне: – чадца! «не любите мира, ни яже в мире? Все бо, еже в мире, похоть плоти, похоть очес и гордость житейская»⁸⁸!

Се ныне время благоприятно, братия, се ныне день спасения⁸⁹. Помажем главы своя, и лица свои умыем, по слову Господа нашего, когда вступаем в пост, – не сетующе⁹⁰. В другое время, когда бы мы сами избрали пост, был бы оный только пост, а – ныне и послушание, которое еще паче поста и молитвы. И послушание в чем? О том ли сетовать, что «нощъ убо прейде, и день приближися»? – что время отложить дела темная, и яко во дни, ходить благообразно⁹¹! Пусть так, в начале не без горести для поврежденной природы нашей всякое доброе предприятие к ее исправлению; но сие-то и есть признак начала нашего благополучия, когда ленивая наша природа чувствует направление склонностей своих не туда,

куда они превратно влекут ее. Больной не с сладостью принимает врачевание, тем менее, когда оно действует, потрясает болезнь его в самом корне, но внутренне утешается желанием получить здравие. Так делается и со всеми нами ныне: пусть немощная плоть содрогается от горьких подвигов поста; но дух, бодрый дух должен предчувствовать спасительное действие его и заранее уже восхищаться о своем истинном благополучии.

Между тем священная добродетель потому и ценна, что она сопряжена с трудностью и принуждением склонностей наших. Царство Божие нудится, — говорит Спаситель, — и те, кои нудят себя, восхищают оное⁹². А оно, по слову Апостольскому, «несть брашно и питие, — кроме коих многие не знают иных источников наслаждения, — но правда, и мир, и радость о Дусе Святе»⁹³. Что, подлинно, сравниться может с той легкостью тела, с той ясностью чувств, с той чистотой мыслей, с той непорочностью желаний, с тем восхищением сердца, какие чувствуют люди, которые, по выражению священному, наслаждаются воздержанием? Чудное наслаждение! — наслаждаться тем, чтобы удержаться от всякого земного удовольствия или по крайней мере ограничить себя сколь можно более! «Брашна чреву, и чрево брашном; Бог же и сие и сия упразднит», — говорит Св. Апостол о небесном нашем состоянии⁹⁴. И по сей-то мере, братия, как внешний человек тлеет, внутренний обновляется, по сей-то мере, как душа наша упраздняется от земных удовольствий, — исполняется она благами небесными и сама возвысится превыше земного. Такое состояние уже давно не есть только умозрение, но опыт, опыт бесчисленного множества подвижников святой нашей Веры, которые постом, бдением и молитвами прошли весь путь, не часть только, настоящей жизни, весь путь до неба.

Если за помощью Божией и мы сколько-нибудь, хотя по временам, понудим себя к тому же; скоро и у нас может обратиться то в удовольственное стремление, что в начале кажется некоторой тяжестью. А окончание сего подвига близко и известно — всерадостный праздник Воскресения Спасителя! Так будет и за окончанием всех наших земных подвигов по вере, —

невечерний день Царствия на Небесах для всех тех, кто здесь подвигом добрым подвизаться будет. Ныне же, как бы в сближение уже с Господом нашим и со святыми Его Угодниками, ныне же в начале поприща постного, после за Вечерней, будем мы лобызать святые их изображения. Да сподобит нас Господь Бог явиться к Нему во время свое и лицом к лицу, вместе с ними! Аминь.

Беседа в Неделю сыропустную, на вечерни

Сказана в Петрозаводском кафедральном соборе в 1829 году

Всем ли известно, братия мои, что теперь мы сделали? Что за обычай Церкви в нынешний вечер – лобызать святые иконы и прощаться друг с другом? Обычай это древний и назидательный! Он начался у древних святых подвижников благочестия по тому в особенности случаю, что некоторые из них, для большего безмолвия, с настоящего вечера удалялись из общих обителей во внутреннейшие пустыни и там препровождали все время Великого поста до последней недели. Время не малое и для подвигов духовных особенное! Посему, расставаясь с обителями и братией, подвижники Христовы ныне в особенности испрашивали себе напутния и молитв у святых Угодников Божиих, лобызая мощи и святые их изображения, ныне в особенности просили молитв и прощения друг у друга, когда т. е. надлежало каждому наиначе во время покаяния просить прощения во грехах своих у Отца Небесного.

Праведников проникали совершенно слова Господа Иисуса Христа, сегодня во Евангелии на Божественной Литургии читанные⁹⁵: «аще отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный. Аще ли не отпускаете человеком согрешений их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших». Хотя люди, о которых ныне слово, и не были подобные нам грешники; однако ж были подобострастны нам, а чистота чувствий еще тем более смиряла их, чем выше жили праведники. Подумаем же в особенности мы, братия, о таком внушении евангельском на святой пост, когда каждому из нас в особенности предлежит, с наступлением поста, долг очистить свою совесть покаянием. Обычай взаимного прощения друг друга, в присутствии Бога и Ангелов Его, пусть будет и у нас тем, чем он был первоначально по происхождению, – излиянием чувствий сердечных, искренним всепрощением друг другу!

Кто из нас не пожелал бы себе прощения во грехах от Господа Бога, когда будем каяться? А каяться во святой пост непременно всем будет надобно. Видите же, Господь Бог столько готов даровать всем нам прощение, что каждому вручил прощение Свое даже в собственное наше произволение. Прости ты: прощено будет и тебе. Не простишь ты: нет и тебе прощения, – сказано в сегодняшнем Евангелии. Если бы Христос, христиане, заповедал нам для очищения грехов наших что-нибудь великое и многотрудное, велел бы по крайней мере за всякий наш грех исполнить противоположную греху добродетель: никто из нас и тогда не мог бы не чувствовать всей справедливости и нужды в таком способе очищения. Но Господь дал к тому способ как нельзя проще и легче: «отпущением обид другому получишь ты отпущение себе во грехах», – сказал Он. Чего ближе и вожделеннее такого расположения духа, если мы точно искренно хотим искать его покаянием и для себя у Господа? Мы должны бы так поступать и без всякого воздаяния, кольми паче без столь великого вознаграждения, каково прощение всего от Бога нам самим!

А когда так мы расположимся друг ко другу; то сегодняшний святой обычай древних подвижников, обычай прощения, исполнится и по другой части. Нам, братия, удаляться со своих мест некуда и нельзя по образу нашей жизни. Тем однако ж не менее и на нас лежит обязанность, и нам есть возможность почтить наступающие дни святого поста особенным безмолвием. Спаситель, говоря об уединении для последователей Своих, собственно указывает на одно уединение, – уединение в клети нашей, уединенно в сердце нашем⁹⁶. Все можем иметь сию, впрочем самую внутреннейшую, пустыню. Она в нас. Она откроется вся перед душевными нашими очами, как скоро отпустим от сердец друг другу согрешения. Тотчас почувствуется там некоторый особенный простор, легкость, тишина и приятность. Теперь чем наполнены наши души? Положим, много там разнородных впечатлений от всего, что есть в мире, как говорит Апостол, – от похоти плоти, от похоти очес и от гордости житейской: но едва ли не во всех тех впечатлениях отливаются вместе так или

иначе неприязненные расположения к людям? Чем в обращении по большей части занят язык,— поучение сердца, как называет его Слово Божие? Пересудами, укоризнами, злоречием, осмеяниями. К чему наиболее отверст слух? К тому же, чем наиболее заняты языки. А глаза как часто наливаются завистью, подозрениями, пренебрежением, тщеславием, гневом и прочими нечистотами сердца! Исторгнем, братия, с корнем такие зла, отпустим от сердец друг другу прегрешения; они исчезнут, — и мы точно увидим в душе своей новое пространство, выполненное безмолвия и тишины. С какой легкостью и удовольствием тогда можем мы удалиться в свою собственную пустыню, дабы по-христиански провести в молитвах и посте время святой Четыредесятницы! Безмолвие на стогнах, безмолвие в домах, безмолвие наипаче в нас самих! Се время благоприятное! Се дни спасения! Тогда с сыновней нежностью потечем мы ко Господу во святой Его храм, с сыновней надеждой и, следственно, со всем утешением сердца вознесем к Нему молитвы о себе, — плоды всеобщего покаяния. Ибо во глубине души будет уже то давно дарованное Сыном Божиим уверение, которое, по слову Апостольскому, есть свидетельство Духа Святого⁹⁷, что аще отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный.

Так, братия мои! Не люди родили обычай сегодняшнего взаимного прощения на пост: те святые древние люди взяли обычай из самых оснований жизни о Христе. Во всякое время прекрасен, в наше время он еще, смею сказать, и прекраснее, даже приличнее для нас. После того, как была веселость, рассеянность, гулиость, так сказать, на перерыв одних перед другими, как все то было особенно в предшествовавшие дни, когда видим теперь в настоящий вечер христиан в церкви Божией, повергающихся перед Богом, угодниками Его и друг перед другом, мнится мне, невольно у всех нас изливается теперь одно чувство перед Господом, какое чувство приносят Отцу дети, коим дозволено было повеселиться, но кои слишком уже много развеселились. «Отец наш! Ты дозволил нам утешение, сам дал нам вещи и средства к тому! По склонности нашей к таким утешениям мы более и более надлежащего

предались им. Уже собственный Твой глас отзывает нас от них. Прибегаем к Тебе! Прости нашей неумеренности и забывчивости; мы постараемся за то быть более терпеливыми и внимательными на деле, которое угодно Тебе будет назначить нам!». Когда так или подобным образом скажут дети со всей простотой и любовью отцу своему: кажется, всякий отец простит их. Я хочу сказать к вам, слушатели-христиане, что Отец наш Небесный, Сам Господь Бог, любвеобильное сердце Свое к нам открыл Словом Своим в подобии сердца отца земного, и притом такого отца, который любит и худого сына, когда он, оставив порочную жизнь, к нему обращается. Недавно, в одну из предуготовительных ко времени покаяния Недель, читано было Евангелие Христово о таком отце и таком сыне. Когда сын, оскорбивший отца, удалившись от него, проживший все имение в распутстве, доведший себя до презрительной крайности, сделал наконец еще одно доброе дело – возвратился к отцу: «еще ему далече сущу, – говорится в Евангелии, – узре его отец его, и мил ему бысть, и тек нападе на выю его, и облобыза его»⁹⁸. Так поступит и с нами Отец наш Небесный, христиане, – веруем Слову его, темже и глаголем, – если мы действительно с раскаянием ныне прибегаем от прежней нашей жизни и припадаем к Нему.

Оставим же рассеянность, изжнем ее даже из мыслей своих: приидите восплачемся и припадем пред Господом; принесем Ему чистосердечное покаяние перед служителями Таинств, благочестно совершим святую Четыредесятницу, десятину дней целого года в очищение всех дней года. И кто с искренним расположением души желает сего, тех да благословит Господь богатой Своей милостью, а и неимущих такого расположения да привлечет к Себе благодатью Своей! Аминь.

Беседа в неделю первую святого Великого поста

Сказана в Донском кафедральном соборе в 1843 году
Облецьтесь во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати
противу кознем диавольским.

Еф.6:11.

И на обыкновенной брани воины принимают особенные меры военного искусства, когда хотят наступать на противников своих, или, напротив, видят их наступающими. В том и другом положении, и в наступательном, и в оборонительном находимся ныне мы, христиане-братия, на духовной нашей браны. Мы пошли особенно ныне, во святое время поста, противу врагов нашего спасения, против духов злобы поднебесных; и они сами тем наиболее, должно быть, ожесточаются против нас в такое время, стараясь сделать, дабы оно было еще и поводом у нас к новым с нашей стороны уступкам, к победам врагов над нами; что делается, когда мы и самое сие спасительное время, поприще христианское, проходим не так, как следует. Их мучит всякое наше предприятие к исправлению себя, как Ангелов наоборот оно радует. Посему ныне особенно, во святой Великий пост, предлежит нам дивная духовная брань, о которой говорит Апостол: «*несть наша брань к плоти и крови, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тьмы мира сего, к духовом злобы поднебесным*» (Еф.6:12). Почему ныне особенно нужно нам быть готовыми к такой брани. Слово Апостольское, напоминая о ней, подает нам и оружие, – оружие, приличное для такого ополчения, всеоружие, полное вооружение Божие: да возможете, – сказано при сем, – вся содеявше стати, противостать, устоять, стать победителями. На всякой брани, конечно, великое дело – оружие; с ним воин еще до сражения в духе мужествен, благонадежен. Обратим же мы ныне особливое внимание свое на оружие, которое устроил Сам Бог для нашего ополчения против врагов спасения. Все оружие пересмотреть вдруг не достанет нам времени, потому что оружия воинства нашего, как говорит Слово Божие, *не плотская*⁹⁹, и следственно

нужно рассматривать их умом и верой, а не телесным оком или испытанием рук. Рассмотрим таким образом, хотя одно, первое.

«Станите убо препоясани чресла ваша истиною» (Еф.6:14), – так начинает исчисление оружий евангельских Апостол. Прочие оружия суть: броня – правды, обувение – готовность благовествования мира, щит – веры, шлем – спасения и меч – глагол Божий. Первое – истина! Так: сколь первое всего во всяком оружии нужно быть ей именно! Устраивается ли и обыкновенное оружие и для обыкновенных воинов; истина первое всего нужна в самом устроении всякого оружия, и непременно включаться должна во всяком. Когда воин принимается за оружие, или только избирает еще оружие себе, он прежде всего смотрит так ли оно устроено, хорошо ли, прочно ли, соответственно ли назначению? Он вникает таким образом, есть ли в оружии – что? – истина? Ей первое всего, не иначе, должен был устраивать оружие и художник. Что сделал бы он, если бы не знал, как и для чего какое оружие устроить нужно? Что уже и говорить о самом действовании оружием на брани? Можно ли воину действовать им, не зная к чему, и как, и в каком случае нужно употребить оружие в дело? Итак, не истина ли, не знание ли, не свет ли должен в самом деле быть первым вооружением воина, – оружием, как уже сказали мы, включающимся во все иные бранные орудия, составляющим, можно сказать, силу их?

Так, братия-христиане! Что можно сделать и малого, не только чего-либо великого, без внутреннего света Божия, нам данного, – без ума? Что можно сделать даже без видимого или чувственного света, в общей природе вещей разлиянного? Особенно что можно делать без них на брани в военном искусстве, где не довольно и умов частных, а надобно быть одному особенному уму, уму предводителя, и самым прозорливым, быстрым соображениям, часто мгновенно решающим всякие обстоятельства брани? Если воин пользуется иногда и темнотой ночи или идет в сражение, не рассуждая ни о чем, то тем еще более в таких случаях действует свет, знание; оно и самую тьму, осмотревши все заранее, употребляет в

оружие истины, из слепой доверенности составляет самый высокий и всеобщий ум, перед которым все падает!

Когда так в делах брани обыкновенной, то тем более, во-первых, нужно на брани духовной оружие истины, – знание, свет, просвещение! Такое оружие есть самое соответственное брани духовной, и само собой должно так или иначе заключаться во всем всеоружии Божием, во всех иных оружиях. «Ибо брань наша, – говорит Слово Божие, – к началом, и ко властем, и к миродержителем тьмы века сего», – тьмы века сего, к миродержителям тьмы (Еф.6:12). Прозирать их ухищрения, ухищрения духов злобы поднебесных, проникать в намерения их, видеть нападения, называемые искушениями, приближающиеся к нам, не только во всем окружающем нас в мире, но часто в собственной нашей плоти, беречься их среди всей видимой безопасности, тогда-то еще и более беречься их, – о! сколько требуется для сего истины, света, прозорливости, благоразумия!

Самый ум, который в других случаях должен быть первым нашим орудием ко всему, что нам нужно делать в жизни, как напр., – видели мы, – участвует он в устройстве всякого оружия для воинов обыкновенных, самый ум наш может быть у врагов наших обращен на духовной брани нашей в оружие против нас же собственно и во врага самого злковарного, опасного. Он может учинить засаду против нас в самых сокровенных и средоточных местах нашей природы, в самых твердынях ее, в голове и сердце, во всем естестве нашем. И аще свет, иже в тебе, – говорит Господь, тма будет; а тма кольми¹⁰⁰: то, что было бы с нами на брани духовной, если бы мы остались даже и с оружием истины, но с одним собственным только умом или познаниями, без света свышнего, который «просвещает всякого человека грядущего в мир»¹⁰¹, без веры со своей стороны, без веры, привлекающей на себя тот истинный свет? Какое оружие духовное знали бы мы тогда? Как стали бы действовать каким-либо оружием, если бы и узнали? Итак необходимо для нас, братия, оружие истины, необходимо первое всякого иного, необходимо оружие, как говорит Апостол, Божие, свет истинный, Божий!

Но, казалось бы, оружию истины надлежало быть уготовану для головы и возложену на голову; там должен быть свет, там познания, там ум, там соображения, столь нужные для брани: а Св. Апостол оружием истины велит нам препоясать не голову, но чресла свои! «*Станите убо препоясани чресла ваша истину*», – говорит он([Еф.6:14](#)). Слово Божие, без сомнения, сказали таким образом верно, а недоразумение наше нас собственно касается, братия! И потому усугубим внимание, при осмотре оружия истины, для чего и как такое оружие надобно нам возложить не на голову, а препоясать оным следует чресла, где надобно быть обыкновенному препоясанию по древнему обычая.

Припомните, братия! Таким точно образом, в препоясание по чреслам употреблено в первый раз оборонительное оружие противу врага спасения нашего. Прародителю нашему, – как скоро узнал он истинного врага своего – диавола и победу его – грех, – представилось первое к защищению себя далее оружие – стыд, самое слабое, почти ничтожное в наше время оружие. Стыд – оружие легкое: но для чувствительного сердца человеческого он, – сознание, совесть, внутренний свет души, – должен быть в самом деле всегда сильным и всегда первым оружием противу греха. Кто стыдится греха, кто понимает, кто чувствует в себе голос совести, внушение Божие и повинуется оному, тот, – слава Богу! – еще в безопасности, еще в собственном своем оцеплении. Но слово теперь в том особенно, каким образом праотители наши видимо вооружились таким оружием. Они вооружались первее всего им именно и возложили на себя препоясание по чреслам. Они препоясали себя, и чем же? (Как робки они сделались за свою безопасность!) Они препоясали себя листвием смоковным, препоясали себя и все свое будущее потомство. Дотоле человек облачался весь в самую истину: наг был и не стыдился; потому что все было в нем так непорочно, что не от чего было закрываться, и в теле, не только в душе, или, в частности, в уме, был весь естественный свет, но и свет Божий, – истина. Так праотец наш первое надел на себя оружие, – препоясание по чреслам из листвия смоковного. Но каково же было такое

оружие противу духа злобы, – препоясание из листвия смоковничного? Какая в нем защита? Какое от него спасение, когда потерян первобытный свет разума и чистота природы? Таково оружие противу греха и диавола у всех тех, братия мои, кто хочет ополчаться против него собственным своим естественным измышлением и силами! Данный потом закон дел прикрыл, правда, гораздо более немощи человеческие; но было и в законе немощное, «*в немже немоществоваше плотию*», как говорит Апостол¹⁰². Прейдем, впрочем, мимо все такие доспехи, уже давно неупотребительные: мы стоим теперь над новыми, над оружием истины, которое устроено для нас Евангелием Иисуса Христа в приспособление к самому духу нашему, к самой существенности нашего состояния. Бог дал нам законы Своя в мыслях наших, – говорит Св. Писание, – и на сердцах наших написал их¹⁰³. Он дал наш святую Свою истину, которую мы можем и должны усвоить себе верой в Сына Божия. Сын Божий – свет мира: Он – «*путь и истина и живот*»¹⁰⁴. В Его правду, в Его крепость должны мы облекаться.

И если дело касается вместе самих нас собственно; то первое оружие, оружие истины, должны мы, подлинно, возлагать не на главу, но на чресла свои. Собственные возношения ума надобно нам, по выражению Апостольскому, низлагать¹⁰⁵, опускать ниже. Действительный грех начался с плоти, со вкушения от древа познания добра и зла: посему с чрева надобно и начинать нам укрепление нашей природы. Хотя родовое место истины голова; но в теперешнем расстроенном нашем состоянии природы бывают явления и там по состоянию чрева. Когда чрево не обременено брашнами, то ясно, чисто и в голове. А когда оно наполнено напр. вином; винные пары, восходя в голову, известно, совсем тогда помрачают ее и даже делают иногда бесчувственной. Какой же тогда быть истине в голове? Итак, обуздаем прежде всего чувственную природу свою; востягнем ее препоясанием воздержания: с того начать надобно нам вооружение себя противу врагов спасения! С того собственно начинает нас укреплять противу них Евангелие. С воздержания начинаются, по слову Апостольскому, все плоды или действия духовные. «*Плод духовный есть любы, радость,*

мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание», — сказал Апостол¹⁰⁶. Представьте себе, слушатели, слова сии лествицей к совершенству, к любви, которая называется в Слове Божием¹⁰⁷ соузом совершенства, совокупностью добродетелей; первая ступень той лествицы, — смотрите, — воздержание. Им, как нижним концом, духовная лествица доблестей утверждена у нас на земле. По сравнению отношений наших ко врагу спасения нашего и к брани его противу нас, воздержание, говорим, должно быть первым нашим на такой брани оружием. Так: сколь обыкновенно и обыкновенные воины должны быть в таком вооружении, — в воздержании? Не воздержание ли, не терпение ли часто возносит их превыше всех трудных обстоятельств бранного времени? Но что и говорить о воинах, когда даже любители мудрости мира, Пифагоры, Сократы, Зеноны, как свидетельствует древняя история, с высотой умосозерцаний непременно соединяли строгость над чувственной природой своей? А сколь обыкновенно истинные подвижники евангельской жизни за первое средство к снисканию истинного во Христе просвещения, к побеждению врагов спасения оружием истины считали воздержание плоти тому свидетельством — жизни всех их, тому свидетельством — все их опыты. Подвижники обыкновенно для сего оставляли так или иначе мир, часто убегали в уединения, в места лишения и скорбей. Мир и плоть наша — это самые тесные союзники врагов нашего спасения, миродержителей тмы века сего. Обыкновенно так и считают их всех вместе — «мир, плоть и диавол».

Знать надобно, слушатели, что в восточных обычаях препоясание или пояс означал особенно сан воинский. В жизнеописаниях мучеников нередко встречается выражение, что такой-то или такой из мучеников «принял на себя, возложил, или сложил с себя воинский пояс»; а это значит, что тот или иной из мучеников вступил в службу воинскую или оставил ее. Знаменитым и заслуженным воинам пояс, как отличительный знак воинского достоинства, даваем был самими царями, разумеется, с богатыми украшениями. Даже в обыкновенной жизни в восточных обычаях препоясаться поясом значит быть

готовым к какому-либо особенному делу, как видеть можно из самых сказаний евангельских. Спаситель, говоря в притче о том, как надобно последователям Его быть в готовности к сретению Его, Господа нашего, упоминая о бдении для сего, сказал между прочим: «да будут чресла ваша препоясана, и светильницы горящи»¹⁰⁸.

В довершение же слова нашего должен я сказать вам, братия, что понятия, какие изложены вам ныне о словах Св. Апостола из читанного сегодня послания: «станите убо препоясани чресла ваша истиною», не произвольно нами набраны, но все заимствованы из истинного истолкования Слова Божия, из самого Слова Божия. Что истина в упоминаемых словах Апостольских есть свет, знание, вера, что она есть особое оружие духовное, что оружием сим надобно препоясаться, и в таком точно смысле, как мы изъяснялись, — тому изъяснением прямо служит слово Апостола Павла, в другом месте о том же предмете сказанное. Св. Павел, писав послание к Римлянам (мы сегодня говорим о словах из послания к Ефесеям) и возбуждая в них чувство священного удовольствия о том, в каком прекрасном состоянии находятся они теперь, как утвердились в вере во Христа, в сравнении с тем состоянием, как были в языческом неверии или только начинали еще веровать, и с тем вместе поощряя их к истинному христианскому поведению, воскликнул между прочим: «Но ѿ убо прейде, а день приближися; отложим убо дела темная, и облечемся во оружие света. Яко во дни, благообразно да ходим, не козлогласовании и пиянсты, не любодеянии и студодеянии, не рвением и завистью: но облецьтесь Господем нашим Иисусом Христом, и плоти угодия не творите в похоти»¹⁰⁹.

Чувствуете ли? Все ли мы чувствуем, братия мои, каково наше препоясание истиной и что оно? Цари земные жаловали некогда избранных воинов драгоценными поясами, как первыми знаками высокого всегда воинского достоинства. Нам всем, христиане, Царь наш Небесный дал препоясание с Себя Самого, что свидетельствует в обычаях человеческих верх любви и внимания. Нет, Он дал нам препоясание не с Себя, но,

можно сказать, из Себя Самого – святую Свою истину, свет Свой, которым одевается, по выражению Пророка Псалмопевца, как ризою¹¹⁰, и которым, по выражению евангельскому, есть Сам Он.

Не забудем же никогда, братия мои, снискивать себе святое просвещение во Христе Иисусе, иметь истинную веру в Него. Что можем делать, чего можем желать, не зная? С тем, между прочим, так часто бываем мы здесь, во храме Божием, чтобы приобретать христианские познания по урокам здесь, в училище Христовом. Здесь слова и священные действия – уроки наши. Вникните, как напр., сегодня Св. Церковь в особенном обряде, на сегодняшний день положенном, настоит об истине, о чистоте Веры нашей, о православии, об истинном исповедании догматов Веры! Столь необходимо правильное знание или исповедание учения христианского! Слово о том Церкви сегодня уже и грозное, и клятвенное: но она всякий раз, когда собираемся мы сюда, преподает нам такие или ныне уроки свои, – слово истины. Будем же всегда с полным христианским вниманием ко всему, что здесь делается, сказывается, обучаясь между тем высокому в знаниях человеческих искусству, – искусству воинскому, но не для обыкновенных браней, а для брани со врагами спасения нашего и Божиими. На брани сей и вождь и оружие – Сам Единородный Сын Божий. Дома никогда не забудем воздержания, станем упражняться в нем, как занимаются вне училищ ученики или так называемой задачей, или приготовлением себя к новым урокам! Аминь.

Беседа в первую неделю святого Великого поста

Сказана в Петрозаводском кафедральном соборе в 1829 году

Святой пост, христиане, продолжается: оставили вы мирские увеселения; воздерживаясь от пищи и пития, на сие время запрещенных, с умеренностью употребляете пищу и питие постные; с особенной готовностью, чаще и во множестве посещаете святой храм. Дела, истинно, времени и благочестию христианскому приличные! Некоторые сделали уже и более. Как скоро настало настоящее благоприятное время, некоторые тотчас поспешили исполнить наипаче всего приличные настоящему времени, всегда первейшие христианские обязанности: исповедались и приобщились святых Таин. Церковь радовалась, видя в том плоды, достойные общего покаяния. Никто из вас самих не мог оставаться равнодушным к зрелицу, какое видели здесь, когда собратия ваши приступали к алтарю для принятия Тела и Крови Христовой. Во многих ясно приметно было расположение души, подобное тому, какое бывает в алчущих или жаждущих, когда они видят других вкушающих пищу или питие. Поспешите и вы, так блаженно алчущие и жаждущие, к тому же, чего возжадала душа ваша, – к «Богу крепкому, живому»¹¹¹! Источник бессмертный и неистощимый! Все, христиане-братия, все до единого, смотря друг на друга, поощряя друг друга, сделайте во время поста то же, что некоторые уже сделали. Для тех, которые не расположены к сему, и которые, может быть, несколько годов уже не причащались и даже не исповедовались, долгом моим почитаю пастырски напомнить, что по крайней мере единожды в год и наипаче в Великий пост исповедаться и приобщиться святых Таин есть непременный долг всякого христианина. Сегодня побеседуем о необходимости исповеди, в другое воскресение, аще Бог изволит, – о святом Причащении, с присовокуплением в обоих случаях, почему в Великий пост наипаче исполнить дела сии надобно.

Известно, братия, что приняв святое Крещение и с ним очищение от грехов, мы обязались жить так, как требует закон Бога, во имя Которого крестились. Но со всей точностью не можем мы жить таким образом, по слабости природы своей. Так, Господь Бог и по обновлении нас, как называется святое Крещение, оставил природу нашу со слабостью; но с намерением премудрым и благодетельным, – для того т. е., чтобы настоящая жизнь была испытанием наших желаний к добродетели, ни трудов, или лучше, чтоб она была опытом благодати Его, коей силы в немощах совершаются, к той славе, да премножество силы будет Божия, а не от нас¹¹². Такое намерение открыл Сам Бог, когда на усильное моление Св. Апостола с жалобой на пакостника плоти, который был и у Св. Павла, сказал, что причина смущения уничтожена не будет: «довлеет ти благодать Моя, – говорил Бог Павлу, – сила бо Моя в немощи совершается»¹¹³. Посему и в тех смущениях, кои чувствуем, братия, в душе и в тех склонностях, кои влекут нас к беззаконию, заключается убеждение прибегать нам ко Господу со смирением, подобно как слабость детей привязывает их к родителям. Будет сын с силами, часто и забывает долг свой к ним. Не можем противостоять порочным склонностям? Согрешаем в мыслях, в желаниях, в словах, в поступках? Тем более убеждаемся иметь сокрушенное сердце; а любовь Отца Небесного, к которой мы прибегнем, находит в том еще случае являть избыток благодати своей. Она не только не отгоняет от себя грешника, но сама призывает его к себе и обещает прощение, лишь бы только грешник признал и исповедал свое изнеможение. И когда грехи суть нарушение завета Божия с нами, нарушение обетов наших, в Таинстве Крещения данных; то Бог установил и Покаяние для нас, или отпущение грехов так, чтобы средство обновления завета нарушающего соответствовало силе оного. Для сего-то, для соблюдения т. е. силы Таинства Крещения, установлено также Таинство, – Таинство Покаяния, совершающееся при посредстве строителя Таин.

Для кого, братия, не тяжек, не ненавистен грех? Как не желать тотчас очиститься от него, как скоро грех сделан? И есть

сердца богообязненные, кои не только при каком-либо проступке, но и при одном праздном слове, при одной нечистой мысли приходят в сокрушение и каются. Столько ли чувствительны мы к своим беззакониям? Но если бы, впрочем, и были мы столько чувствительны; мало было бы и такого покаяния. Кто успеет столько оплакать себя, сколько вновь и вновь имеет причин плакать о том же? Другие назначают для рассмотрения себя особенные времена: с нарочитым исследованием входят в свои поступки; находя их порочными, чувствуют отвращение от них, и, вознося сокрушенное сердце к Богу, просят от Него помилования. И сей образ покаяния в некоторых христианских обществах принимается за единственный. Хорошо, — каяться перед Богом! Все перед Богом, не перед людьми каемся! Есть, подлинно, в писаниях и житиях св. отец такой образ покаяния; он оставлен и нам в правило. Святые мужи так велят нам делать, чтобы в каждый вечер, при отхождении ко сну, поверять свою совесть, и за добрые дела благодарить Бога, относя всякое добро к Его помощи, а в худых приносить раскаяние, с намерением вести себя на будущее время исправнее и осторожнее. Правило весьма полезное, соблюдаемое даже и в делах другого рода, в жизни общественной, когда т. е. занимающиеся делами, имеющими свой известный оборот, пересматривают дела по прошествии дня и сверяют! Польза очевидная! Поступки наши, находясь перед глазами, лучше могут быть рассмотрены; множество их не обременит силы рассуждения и удобно можно видеть, как лучше поступить далее. Но довольно ли и такого покаяния, если бы и подлинно кто неупустительно исправлял оное? Если грехами, как сказали мы прежде, нарушается таинственный завет Крещения; то видите, что такое покаяние, сколь ни похвальное, недостаточно к вознаграждению и обновлению прежнего завета.

Но и можем ли, все ли можем, всегда ли можем правильно испытывать свою совесть, особенно, когда взять во внимание, сколь обыкновенно может быть в таком случае пристрастие к себе, а при нем порочные навыки могут находить себе у нас самих извинение и выгодное изъяснение? Св. Апостол сказал о

собрании первых христиан: «о чесом помолимся, якоже подобает, не вемы»¹¹⁴: кольми паче трудно нам знать, как истинно судить свою совесть? Судии себя не судят. Больные и врачи сами себя не лечат, по осторожности ли от пристрастия к себе, или лучше, по недоверию к своему знанию, при возмущении сил природы от болезни. Для сего-то ко врачеванию духовному у пустынников есть образ ежедневного собственного покаяния, но при наставнике. Там каждый брат имеет руководителя, которому каждодневно открывает свои поступки и самые мысли, и получает по роду их наставления. Правило очень полезное, достойное подражания и для мирян, чтобы каждому иметь у себя друга, не для сообщения только чувствий по жизни обыкновенной, но наипаче для взаимного совета по встречающимся случаям в делах совести! Довольно ли, впрочем, и сего покаяния? Припомните опять, что должно делать покаяние? Оно должно вознаграждать, сказали мы прежде, нарушение таинственного завета Крещения: как же ограничиться теперь одним только частным наставлением касательно будущих согрешений, что только и может исполнять наставник, не принявший дара благодати решить и вязать совести человеческие? Спаситель, говоря к избранным ученикам Своим: «имже отпустите грехи, отпustятся им; и имже держите, держатся», сказал к ним прежде: «приимите Дух Свят»¹¹⁵. «И аще кто согрешил, – говорит Св. Апостол, – ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа праведника»¹¹⁶. Но Иисус Христос установил для сего известных строителей Таин Своих: и им-то, как говорит Апостол, дал служение примирения, в них-то положил слово примирения¹¹⁷.

Видите, христиане, что нет еще полного таинственного Покаяния – ни в покаянии, известном у некоторых под именем скитского, без священнослужителя, – ни в покаянии собственном, частном, хотя бы оно было и ежедневное. Такие виды покаяния показывают только то наиболее, как необходимо покаяние, и как оно должно быть неотложно; между тем ведут нас к нужде Покаяния собственно так называемого, известного в числе семи Таинств Церкви. Известно, в чем состоит оно и как совершается? Здесь в духовнике имеешь ты и наставника, и

свидетеля, и посредника, и молитвенника. Служитель Тайны, держа в руках скрижали закона Божия, представляет их кающемуся как зеркало, в котором должно себя видеть. Видя сокрушение твое, он приложит на рану пластырь утешения из Слова Божия, или, видя твое ожесточение и закоснение во грехе, умягчит душу твою страхом суда Божия. Как посредник между Богом и тобой, – посредник, которому вручено, по слову Апостола, слово примирения, он объявит тебе решение суда Божия, или лучше, по заповеди Божией, соединит свою молитву с твоей о прощении тебе грехов. «Аминь глаголю вам, – сказал о сем Христос, – яко аще два от вас совещаета на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, Иже на небесех»¹¹⁸. Правда, Господь не имеет нужды в посредниках, слышит и тайное вздохание, видит и несодеянное; но мы имеем в них нужду. И когда угодно Ему было соединить нас друг с другом взаимным служением и в делах благочестия, когда и в судьбах Промыслы Своего творит Он Ангелов слугами Своими, и в Церкви Своей учредил служителей Своих и строителей Таин Своих; то мы и не можем назначать себе иных способов к своему спасению, а должны держаться тех именно, какие Сам Он установил.

Тем паче мы, которые живем в мире, среди соблазнов и искушений, которые не имеем правила или обычая каждодневно беседовать с кем-либо о падениях совести, которые в суетах и рассеянности не делаем собственного ежедневного испытания себя, тем паче мы прибегнем, хотя в известное время, к Покаянию, к какому призывает нас Церковь. Ах, братия! Вместо убеждений к сему со стороны Церкви надлежало быть нашим воплям к ней о своих грехах и испрашиваниям средств к очищению! Убеждают ли больных желать себе здоровья? Отлагают ли больные время выздоровления, когда можно выздороветь тотчас? Как мало озабочиваемся мы о душе своей, как мало знаем состояние душевное; когда сделалось нужным говорить больным душой, что они больны и должны принять средства к своему исцелению!

Грехи суть болезни, и болезни самые лютые, опасные, смертные. Оброцы греха смерть¹¹⁹. Не смотрите на то, что вы

чувствуете себя как бы в благосостоянии и с силами для исполнения дел ваших. И во всякой болезни обыкновенной есть у больных силы, и силы часто большие в своем роде. Не говоря о том, что болезненный жар или оскудение ума придают телу особенную деятельность и крепость, самое лежание больных в изнеможении показывает у них избыток некоторых сил, потому что здоровый, когда силы его устремляются на истинную деятельность, не может лежать с такой продолжительностью. Так судить надобно и о душевном состоянии. По-видимому, здоровы наши чувства, не поврежден ум, сердце спокойно, душевые склонности в порядке: но поверим себе не по тем делам, кои делаем, а по тем наипаче, кои должно делать. Кто из вас не считает, напр., должным ходить во храм Божий? Но часто нога не спешит сюда, все тело чувствует тяжесть, душа не расположена: не признаки ли это слабости душевой для дела Божия? Надобно здесь с сердечным участием выслушать внушение о пользе душевой, пробыть службу Божию со вниманием ко всему тому, что читается и поется на ней; и с чувствиями или сокрушения о себе, или благодарения Богу, или прославления величия Его; но слух столько тяжек для таких впечатлений, что никак не может удерживать или и принимать их; очи и ум далеко уклоняются от предметов благочестия: не расслабление ли это чувств для дела Божия? Вопиет обиженный, просит беспомощный, представляется страждущий: равнодушие, с которым взирают на всех их, не охлаждение ли это души для ближнего? Одно слово другого воспламеняет иногда гнев, один взгляд разжигает тотчас вожделение; не огневица ли это душевная? Осуждение ближнего, злоречие, сообщение мыслей порочных; соблазн во всех его видах, – не проказа ли это прилипчивая? Как и исчислить все роды душевых наших болезней, кои врачевал Спаситель, как видим в Евангелии, первее телесных, так как телесные проистекают от душевых? Последствия всех их – смерть. «Оброцы бо греха – смерть», – говорит Слово Божие, и смерть не телесная, какая бывает за болезнями телесными, но душевная и вечная. Итак самое равнодушие, с которым некоторые живут в рассуждении душевного состояния, должно убеждать их вникнуть в себя и

рассуждать так или подобным образом: «Отчего я так беззаботен о душе своей? Отчего так мало думаю я о погрешностях своих, о коих другие, святые люди, сокрушились? Отчего я так легко сужу о том, что Слово Божие ставит великой опасностью? Может ли отец хулить поведение сына, когда оно хорошо? Так ли взыскателен Отец Небесный, что умножает мои вины перед ним излишней строгостью закона Своего?» Ах, братия! Бесчувственность во грехах, пренебрежение средств к очищению от них есть самое жалкое состояние, с призываия которого первее всего надобно начать нам покаяние! Во святом Апокалипсисе говорит негде Господь, свидетель верный и истинный, к человеку, живущему со всем равнодушием к своему состоянию: «*Вем твоя дела, яко ни студен еси, ни тепл: не да студен бы был, ни тепл! Тако яко обуморен еси, и ни тепл ни студен, излевати тя от уст Моих имам. Зане глаголеши, яко богат есмъ, и обогатихся, и ничтоже требую: и не веси, яко ты еси окаянен, и беден, и нищ, и слеп, и наг. Совещаю тебе купити от Мене злато разжжено огнем, да обогатишися; и одеяние бело, облечешися; и да не явится срамота наготы твоей; и коллурием помажи очи твои, да видиши. Аз ихже аще люблю, обличаю и наказую; ревнуй убо и покайся*»¹²⁰.

Отчего же у нас такое отупение чувств для ощущений самых живых, каковы ощущения греха в совести? – Оттого, слушатели, что долго мы не поверяли ее покаянием. Недужный от одной продолжительности времени считает наконец состояние болезненное за обыкновенное. Есть во грехе, по слову Апостольскому, лесть, которой ожесточается сердце¹²¹, когда бы не предостеречься от первых ее действий. Представьте себе душу, как изображает ее Слово Божие под именем внутреннего человека, человеком видимым. Когда мы обыкновенно умываемся, наблюдаем чистоту за собой, за одеждой, пищей, домом и всеми вещами, то все у нас и чисто. Вообразите кочевого человека, который не умывается, не очищает около себя ничего так часто, как обыкновенно делается у нас; грязь, смрад, безобразие его быть может подобием внутреннего человека и в нас, когда мы часто не очищаем себя

от грехов. Грех есть самая великая нечистота! «*Возсмердеша и согниша раны моя, от лица безумия моего*», – говорит человек в том чувстве, что беззаконие его превзошли главу¹²².

Посему, собственно говоря, и не должно быть назначение времени к покаянию; во всякое время должно быть оно, как скоро кто тяжко согрешил перед Господом Богом. Отлагается ли время для выздоровления, когда кто сделается болен? Но, по милости Божией, предполагая, что истинный христианин, яко рожденный от Бога, по слову Апостола, не согрешает, но блюдет себе¹²³, – не согрешает, т. е. грехами смертными, – Св. Церковь поставила правилом, чтобы хотя единожды в год все чада ее очистились покаянием и в тех грехах, кои происходят от обыкновенных слабостей человеческих. Пусть слабости, слушатели, подобны песчинкам; но из множества и песка составляются горы! Такое точно сравнение употребил некто из святых наставников пустынножителей, когда видел брата, считающего проступки свои мелочными. Совесть каждого из нас должна сказать о том, не обременена ли она самой бесчисленностью согрешений? Что же, если застанет кого из нас какое-либо душевное бедствие? Что, если постигнет смерть в самом глубоком усыплении нашем – во грехах, на краю бездны, к которой приближает всякого нераскаянность?

Но и самое общество, в котором живем, Церковь, в недрах которой находимся, смотрит, как кто из нас хранит свою совесть: кто как исполняет первые в жизни обязанности, обязанности христианские? Когда бывает нужно в судилище правосудия твое слово: в первых в основание верности его полагается то, исполняешь ли ты христианские обязанности. Очищаешь ли совесть Исповедью и святым Причастием. Для чего? – Для того, что в таком только случае, когда ты верен Богу, можешь быть верен и человекам; когда боишься Бога, побоишься солгать и человекам. Тогда всякий с безопасностью может положиться на христианскую совестность. И без таких случаев Церковь ожидает всякого сына к судилищу Покаяния. Чем удостовериться ей в твоей к ней искренности, когда ты избегаешь спасительных средств к твоему назиданию? Не от сего ли наконец усиливается уклонение от нее, что некоторые

время от времени теряют с ней связь в открытии ей совести своей и принятии от нее очищения? Сын скоро забудет отца или мать, когда будет терять искренность к ним и упование на их благословение!

А когда же лучше нам принести исповедь, как не в святое время поста Великого, которое и называется временем очищения, временем покаяния? Все ныне способствует к тому. Удаление мирских увеселений, воздержание от пищи и пития, воздержание наипаче от страстей, взаимное друг другу прощение должны произвести в душах наших некоторую ясность, при которой лучше видно состояние их. Пары из чрева, которое не обременяется брашнами и питием, не поднимаются в голову и не помрачают ее. Соблазны не бросаются в глаза и не помрачают чистоты оных. Зов Церкви возбуждает в тебе мысль о каком-то ее сетовании, рождает и в тебе печаль, яже по Бозе. Приходите вы сюда, и слышите, о чем сетует Церковь? – о наших согрешениях. Пение, чтение, священнодействия, все внушиает нам чувства покаяния. Что она делает? – отверзши покаяния двери, ждет каждого на покаяние. Что она делает? – в чтении, в пении, в священнодействиях показывает образы покаяния. На одной первой седмице двукратно повторялась за службой Псалтирь, высочайший образец человека, сокрушающегося о грехах, кающегося и переходящего к утешению. Повторен и будет еще повторен великий плач покаяния, каким каялся один из помилованных на самом краю бездны погибели. В сем правиле исчислены все древние, в Слове Божием описанные примеры благочестия и нечестия, с тем, чтобы каждый из нас столько крат говорил душе своей, как там говорится: «Виждь, душе, кому уподобилася еси? Кому подражала еси, окаянная душе моя!». На конце поста читаться будет все Евангелие Христово. Вместо ветхозаветных пророческих убеждений возгласит во уши наши Сам Спаситель первое его к людям воззвание: «покайтесь, приближися бо Царство Небесное!» Откроется в Евангелии зрелище, как мытари, блудницы, прокаженные, бесные приходили в сокрушение о грехах и делались сынами Царствия Христова. Напоследок придет время и воспоминания страданий

Христовых. Можешь ли ты оставаться и тогда столько хладнокровным, чтобы не представить, сколько и за твои грехи страждет Спаситель мира? Не слышит тот Евангелия о страданиях Христовых, не знает распятого Господа, кто не чувствует, что и за его грехи распинается Господь и кто не прибегает к покаянию в них. Как такой христианин после будет праздновать и Пасху Божию, не очистив ветхого кваса своих беззаконий? Церковь повторит слова Св. Павла: «*Пасха наша за ны пожрен бысть, Христос. Тамже да празднуем не в квасе ветсе, ни в квасе злобы и лукавства, но в бесквасии чистоты и истины*»¹²⁴. Пусть лучи радости Воскресения Христова озарят все, проникнут на время сердце и спящее, и почти умершее прегрешенми¹²⁵: но тот ли только, по намерению Господа, возлюбившего нас до смерти, должен быть плод Его воскресения – временное и преходящее только восхищение сердца, какое только и может быть, когда во глубине сердца будет хлад нераскаянности, когда смрад грехов застарелых будет проникать сквозь самую чистую радость праздника? Она и продлится для тебя недолго. Скоро исчезнет, когда сердце чисто не созиждется и дух правый не обновится во утробе твоей.

И что же со стороны нашей для предотвращения скорбей души и для приобретения душевной чистоты требуется? – трудное ли? – великое ли? – долговременное ли? – многоценнное ли? – Что ж показали бы мы, если бы Бог назначил ежегодное испытание нам в другом роде, если бы он сказал: «дайте отчет в том, что вы сделали через год великого и спасительного? Столько ли дали вы движения талантам Моей благодати, сколько было можно?» Вот, подлинно, было бы трудное для нас испытание! Но чего Он требует? Одного только искреннего исповедания, исповедания худых наших дел! Правда, оно должно быть от души, не на языке только; ибо Господь знает грехи наши и без нас: ждет исповедания, как мы сами знаем их? Но самое время говения, по благодати Божией, расположит к тому, когда мы пожелаем и будем просить сего у Господа. Что значит неделя в наших занятиях и промыслах для того, чтобы приобрести душевную чистоту, спокойствие совести,

уверенность во спасении? Те, которые отлагают сие далее и далее, за недостатком якобы времени при других упражнениях, едва ли когда исполнят долг свой самым делом. Одно такое неусмотрение в целом году одной недели для души своей показывает что-то странное. Это должен быть какой-нибудь сокровенный извет самой души, которая боится света покаяния, да не обличатся дела ея, яко лукава суть¹²⁶, да не обличатся перед ней самой так, что должно будет расстаться с ними.

Если убо вожделенно вам душевное спасение, поспешите неотложно, братия, снять с пути покаяния все препятствия. Друг друга предупредите в том. Слово Божие особенно ублажает тех, кто первее других исполняет дела добрые. Остальные из одного стыда не захотят остаться без исповеди. Им будет стыдно дать другим понятие о себе, что или они не якоже прочии *человецы*¹²⁷ или хотят быть во грехах. Недра Церкви отверсты к принятию. Отверсты объятия Отца Небесного. Ангелы ждут той радости, какую будут иметь, когда увидят, что не один грешник, – множество нас, все каемся. Сами все мы возрадуемся о спасении своем. «*И елицы правилом сим жительствовать будут, мир на них и милость*»¹²⁸ – благословение Божие! АМИНЬ.

Беседа во вторую неделю святого Великого поста

Сказана в Петрозаводском кафедральном соборе в 1829 году

Желаете сегодня, слушатели благочестивые, собеседовать о святом Причащении. Когда есть такое желание, то оно уже показывает расположеннность вашу к исполнению того, о чем беседовать надобно, к самому т. е. причащению святых Таин. И нет предмета столько для христиан известного и так всегда близкого, как Таинство святого Причащения. Когда ни бываете вы здесь за Божественной Литургией, бываете при совершении Таинства Причащения, видите его и, без сомнения, столько же случаев имеете размышлять о нем. Ибо Литургия не иное что есть, как совершение сего Таинства. В нем состоит существенное наше Богослужение; прочие молитвословия, хотя также и в церкви, в вечер или утро исполняемые, суть службы приготовительные. Отчего же так существенно Таинство Евхаристии в христианском богослужении? Оттого, что сущность самого христианства есть со стороны Божией избавление рода человеческого от вечной смерти смертью Единородного Сына Божия, а со стороны нашей – исповедание сего великого таинства, – благодарное исповедание всех великих благодеяний к нам Божиих, запечатленных наипаче той Божией любовью, по которой Бог не пощадел и Единородного Сына Своего, но за нас всех предал есть Его¹²⁹. А Таинство Причащения заключает в себе воспоминание такого Божия благодеяния, и должно быть благодарением нашим, как то и называется оно иначе – Евхаристией, что на подлинном священном языке значит благодарение. Многими именами оно называется. Все взяты с действия Самого Спасителя нашего, когда Он совершил и предал Церкви Своей сие Таинство. Известно вам, что перед страданием Своим на последней с учениками вечери Иисус Христос принял в пречистые Свои руки хлеб, показав оный Богу и Отцу, благословил, благодарил, освятил, преломил и подал ученикам Своим, как то самое Тело, которое вскоре

раздроблено страданиями на кресте. Потом подал он также и чашу с вином, как чашу крови Своей. Почему и называется священнодействие Тела и Крови Христовой приношением, благословлением, благодарением, Святыми Тайнами, Преломлением хлеба и Причащением. Во исполнении сих самых слов, взятых с первого действия Учредителя Тайны, состоит обряд Литургии. Приносится Богу хлеб и вино, растворенное водой, в изображение того хлеба и вина, какие приняты были в пречистые руки Спасителя и вознесены пред Бога, как дар. Над сими дарами, как над веществом, которым поддерживается истинная жизнь наша во Христе Иисусе, совершаем хвалу Богу в песнопениях наших здесь. Над сими дарами благодарим Бога за все Его благодеяния, оказанные в сотворении нас, в помиловании после грехопадения, в даровании вещей, для бытия нашего потребных, в доставлении средств, для души нашей нужных, каковы, напр., Божественное Откровение, служение Ангелов и пр., наипаче же – в даровании нам Единородного Сына Своего и в удостаивании нас самого сего служения. Все исчисляется в молитвах, кои приносит священнослужитель после возглашения к вам: благодарим Господа!

Подлинно, когда мы, по выражению Слова Божия, вместо того, чтобы сказать, что имеем или делаем доброе, можем говорить, что то принимаем свыше; чувство благодарения к Богу должно быть беспрерывное и есть самое приличное. Им начинали Св. Апостолы в посланиях своих всякое христианское учение¹³⁰. Но что же было бы и всякое наше благодарение перед Богом, если бы мы приносили его сами по себе? Приятно ли и нам приношение от человека нам враждебного? Вечная Святость не может иметь общения с грешниками. Но Единородный Сын Божий Сам сделался посредником между Богом и нами; Сам Себя принес в жертву умилостивления Богу, умерши за весь род человеческий, или лучше, сим священнодействием человечества Своего от источника жизни Божества Своего подал жизнь всему роду человеческому. Что ж убо истинное христианское благодарение или богослужение? – Воспоминание, братия, того спасительного священнодействия

Христова, благодарение наше за сей наипаче дар, с которым открыто сопряжена уверенность, что если Бог Сына Своего «не пощаде, но за нас всех предал есть Его, како убо не и с Ним вся нам дарствует»¹³¹? И воспоминание, слушатели, так приблизил ко всем нам Божественный Спаситель, что время не удаляет и нас от самого источника спасения нашего. И теперь, как первым последователям Своим, представителям помилованного человечества, вопиет Он: «приимите, ядите: сие есть Тело Мое. Пийте от нея вси: сия есть Кровь Моя – во оставление грехов. Сие творите в Мое воспоминание. Елижды бо аще ясте хлеб сей и чашу сию пиете, – изъясняет Св. Апостол, – приняв также от Самого Господа, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет»¹³². Кратки слова: но они, как видите, составляют существо всего нашего богослужения, существо христианства. Принимаем ли мы слова сии таким образом, христиане, находясь при богослужении? Чувствуем ли, что ко всем из нас вопиет Спаситель: *приидите, ядите, пийте от нея вси – во оставление грехов?* Что душа твоя чувствует в каждый раз при таком приглашении? Вспоминает ли она спасительное страдание Христово и за тебя? Когда не выходишь ты отсюда с оглашенными, и однако же не приступаешь к Таинству с верными; причащаешься ли в каждый раз хотя произволением или желанием, как говорит Св. Златоустый? Жалеешь ли, по крайней мере, о своей неготовности? Освящаешься ли, как говорит тот же святой учитель, самыми молитвами, при совершении Таинства приносимыми?

А были времена, христиане, когда все присутствующие во храме при Божественной Литургии, все без изъятия приступали ко святой Тайне. Быть на Литургии значило быть у святого Причастия, как видно из описания собраний христианских у св. Павла в послании к Коринфянам¹³³, и лишение Причастия было истинным наказанием. Св. мученик Иустин, писатель второго века, говорит, что были у христиан, кроме особенных случаев, непременные собрания всех в городе и по селам в каждый воскресный день, что все причащались св. Евхаристии, что она, по окончании богослужения, диаконами относима была и к тем

из христиан, которые не могли быть в собрании, находясь в темницах или на одрах болезни. То же обыкновение продолжалось в третьем, четвертом и пятом столетии, как видно из писаний св. Отцов Церкви, хотя в больших городах, каков, напр., Константинополь, конечно, по рассеянности жизни, и упадало уже сие святое обыкновение, как нередко имел случай с жалобой говорить св. Златоуст. Впрочем, из бесед сего святого учителя видно, что христиане приступали ко святому Причащению по крайней мере в великие праздники, как и упоминается у св. Златоуста о том при празднике Крещения Господня, Св. Пасхи, Великого Четвертка. Памятником необходимости и учащения святой Евхаристии остается доныне Литургия, так называемая Преждеосвященных, в среды и пятки Великого поста совершаемая. Поелику время Великого поста не позволяет в другие дни, кроме праздничных, совершать Литургии полной, так как во время духовного сетования или покаяния, каково есть время поста, не может быть дозволено даже и духовное торжествование, каковым по справедливости почитается Литургия в полном ее чине; а молитвенное терпение христиан требует частейшего духовного подкрепления хлебом жизни: то и установлен с самых Апостольских времен обряд Причащения святыми Тайнами Преждеосвященными.

Так говорит история христианства. Мы говорим ныне к вам, христиане, что единожды в год все вы должны приобщиться святых Таин. Представьте же себе: если бы кто возвратился в наш век из скончавшихся в первые века христиан и услышал у нас такое учение; он изумился бы и сказал: «Господи Боже! Что теперь говорят в церквях? Говорят, чтобы единожды в год христианам приобщаться? Сообразно ли такое учение с древним, когда требовалось столь частое приобщение?». Так, братия мои, сделал бы древний христианин упрек самому учению нашему к вам. Но мы вынуждены были бы сказать ему, что и однократного в году приобщения исполнить не могут, не хотят некоторые из нынешних христиан, а некоторые и совсем не имеют в богослужении своем святого Причастия. «Что же тут за христианство?» – сказал бы муж праведный, разумеющий всю важность дела.

Действительно, слушатели, сколь ни тяжко слово сие, к сожалению, оно было бы самое справедливое. «*Аще кто духа Христова не имать, сей несть Его*», не Христов, не христианин, – говорит Св. Апостол¹³⁴. Труп без души уже не живет. Как же дух Христов может пребывать в нас и оживотворять? – о сем Сам Спаситель сказал так: «*ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем*»¹³⁵. Далее изъясняет Господь слово Свое подобием пищи и пития, т. е. как пища и питие поддерживают обыкновенную жизнь человека, и неупотребление их неминуемо вело бы к прекращению жизни: «так плоть Моя, – говорит Христос, – истинно брашно есть, и кровь Моя истинно есть питие. ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, иметь живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день. И хлеб егоже Аз дам, плоть Моя есть. Аминь, аминь глаголю вам, – подтверждает Христос, – аще не снесте плоти Сына Человеческого, ни пиете крове его, живота не имате в себе». Ясно. Говорить более нет нужды, когда вы веруете словам Господа. Иначе значило бы сказывать людям, что если вы хотите быть живыми, то употребляйте пищу и питие; в противном случае вы умрете. Нужно ли это доказывать? Так излишне было бы доказывать и то, что сказал Спаситель о брашне и питии духовном, о Теле и Крови Своей. Те, которые хотят определять все и в делах Божиих собственным умом, не примечают, како могут сия быти¹³⁶? – и недоумевают, како может Сей нам дати плоть Свою ясти¹³⁷? Возлюбленный! Спасителю лучше нашего представлялось затруднение для разума в сем и подобных установлениях: посему не мог ли бы Он не подвергнуть тебя таким недоумениям, если бы не было дело сообразно истинной премудрости Божией? Почему не спросишь ты: не мог ли бы Господь так устроить природу нашу, чтобы она не требовала поддержания ее и теми простыми способами, кои требуют изнурительного труда и беспрерывного возобновления? Однако же, когда тот закон питания положен не в камнях, не в других каких-либо неизживаемых вещах, но в пище слабой; кто стал бы рассуждать, почему это так? Наипаче же в делах духовной нашей природы мы не можем определять, чему как быть? В том

ли недоумение, что духовное брашно и питие подаются под видами обыкновенными? Сего требовала немощь собственных наших чувств, кои не могли бы принять пищи и пития не в виде брашна и пития. Записан в истории случай, что некто желал явственнее того, как виды сии называются: явилось тело; но причастник не мог принять его, и с раскаянием о своей дерзости просил Бога о преложении Тела в тот самый вид, в каком угодно Господу преподавать нам Тело Свое, и потом с радостью причастился, когда сделалось по молитве все в том виде, в каком быть Причастью назначено. Требуют иные приобщения только духовного: все в тебе, христианин, освящено, не душа только, но и тело. В видимом преподано брашно, о коем глаголы *дух суть и живот суть*¹³⁸, брашно и для духовной и для телесной природы, так как и Бог Слово стал для нас плотию, когда совершил тайну избавления.

Пристойнее нам и гораздо нужнее входить в размышление о том наипаче, какие спасительные плоды происходят для нас от Таинства Причащения. «*Елижды аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете*», – говорит Слово Божие¹³⁹. Вспоминаем во святой Евхаристии смерть Христову. Все христиане читают в Символе веры и знают, что Сын Божий распят за нас, страдал и погребен. Довольно ли однако ж устного или исторического только воспоминания о сем, как, напр., воспоминаем иные дела древние? Иные события могут быть воспоминаемы потомками, как древние, как чужие, по крайней мере как события отеческие; воспоминать спасительное событие искупления рода человеческого таким образом не довольно: ибо всяк из нас собственной верой, а не чужой спасается. Как ни веруют другие, или как ни веровали первые уверовавшие во Христа: их вера вменилась в правду им; нам надобно иметь свою. Гражданское спасение, напр., спасение отечества от врагов, могло быть совершено предками и за потомков: спасение душевное не может. Ибо каждый из нас сам по себе находится в том состоянии, от которого спасаться нам должно, т. е. в состоянии греха и смерти; если каждый сам избыть их не попечется. Для сего-то Спаситель наш не удовлетворился тем, как сказали мы прежде, что пролил за нас

кровь Свою на кресте: Он оставил ее для каждого из верующих, до конца века быть имеющих. Для сего-то, скажем здесь, дабы воспоминание искупления было всегда живо и действенно, мы должны приступать к действенному воспоминанию искупления. Называется сие Приобщением или Причастием: приобщаемся Телу и Крови Христовой, усваиваем т. е. себе спасительные страдания Христовы и соединяемся с Самим Иисусом Христом так, как соединяются члены с главой своей посредством оживляющего их духа жизни. Как пища и питие обыкновенные обращаются в питание тела; так брашно и питие духовные обращаются в питание Души, или как сказал Апостол, творят *возвращение¹⁴⁰*, – и не только в собственной твоей природе, но и во всем таинственном теле Христовом, каковым называется повсеместное общество христиан¹⁴¹. Если будет с живой верой воспоминание смерти Христовой; «вы несте, – говорит Св. Апостол, – во плоти, но в дусе, понеже Дух Божий живет в вас. Аще же Христос в вас, плоть убо мертвя греха ради, дух же живет правды ради»¹⁴². С тем вместе получается живая уверенность в любви к нам Божией и наше к Богу дерзновение, в котором сердце разумеет Бога Отцом своим, по слову Апостольскому, с таким же услаждением, с каким дитя привержено к своему родителю¹⁴³. С тем вместе возвышаются наши чувства, очищаются помышления, самую плоть проникает спасительный страх, что мы уже не свои, но члены тела Христова. Следственно, как же мне взять члены Христовы, рассуждает христианин, и сотворить их удами неправды в беззаконие¹⁴⁴? Все же такие и подобные дарования или утешения во Христе увенчиваются живым упоманием жизни вечной.

Правда, спасительные действия Приобщения бывают тогда, когда кто приступает к нему с испытанием себя, с должным вниманием: иначе, ядый и пияй недостойне, не рассуждая или не уважая Тела и Крови Господни, не только не получает плода, но и суд себе яст и пietet, по Слову Божию¹⁴⁵. От сего бывает самое ужасное нарушение совести; а от него проис текают самые плачевые последствия. Но сия-то самая внимательность, которая должна быть, уже весьма много

отняла бы у нас поползновений ко греху. С какими чувствами, с какой осторожностью проводите вы неделю, в которую готовитесь к Причащению! Сколько прошло бы недель в таком христианском расположении духа, если бы вы помышляли, что скоро будет день, в который не только надобно идти в церковь, но и приступить к Приобщению! Столько ли кто будет дерзок, чтобы по Причащении не остерегся от грехов с особенной внимательностью, хотя на некоторое время? Вот опять приобретено время для Бога и твоего спасения! В таком, слушатели, расположении духа проходила жизнь христиан первых веков, когда они часто приобщались. С опущением сего стало слабеть христианство в делах благочестия; вместо духовных утешений умножились чувственные. Обязанности мирского приличия, часто пустые, но самые обременительные, заступили место исполнения обязанностей по христианству. Не сделать поклона известным лицам в известное время сделалось непростительным упущением; а оставить принести подобающую честь и поклонение Господу Богу исполнением спасительных Его учреждений сделалось почти непримечательным.

Приличен веку просвещенному союз взаимных наших отношений друг к другу: но наиપаче не должно терять союза между собой христианского. Внешний часто состоит только в учтивости, покрывающей расположения души совсем другие. Союз духовный, союз сердец христианских – кто не одобрил бы его? Он созидается, держится и укрепляется общением нашим в делах благочестия. Когда видим мы друг друга здесь, в храме Божием, на общей молитве; когда знаем, что тот или другой согражданин держится тех же самых заповедей Божиих, какими руководствуются и другие, чает с нами равно будущей жизни: не можем не чувствовать связи между собой самой крепкой. Сей-то союз в жизни духовной составляет самое видимое общение наше, когда мы все к единой трапезе Христовой приступаем, все от единого хлеба и чаши причащаемся, как говорит Апостол, выводя из того самую тесную христианскую связь и убеждая хранить ее. Не видите ли, сказал бы и самый неверный, незнающий наших Таинств, что, когда христиане приступают ко

святыму Причащению, все составляют какое-то единое семейство. Сие семейство – Отца Небесного, то именно собрание людей, среди которого присутствовал Сам Христос и познавался в преломлении хлеба. И Церковь уверяется в союзе твоем с ней, когда видит тебя окрест трапезы сея; и всякий из нас уверяется в братстве друг со другом, когда видит друг друга за сей трапезой, когда видит, что тот или другой из нас знает христианство и подвергает совесть свою суду, или лучше, оправданию Божию в принятии страшных пречистых Таинств Христовых! Таким союзом крепко было первое христианство. Таким союзом питалась удивительная любовь и взаимная общительность в нем. Возникали между первыми христианами какие-либо взаимные неприятности (где и когда не могли они быть?), – они не застаревались, тотчас рушились и обращались в случаи взаимного прощения и нового единения, когда перед временем приближения по святыму Причастию, воспоминая слова Спасителя о прощении обид, христиане, приступая к Самому Иисусу Христу, повергались друг перед другом с таким или подобным чувствием: «прости, возлюбленный брат, мое оскорбление тебе, якоже и Господь простил обоим нам!», «Как приступлю к чаше общения и оставления грехов моих и я», сказал бы тот, «когда бы не желал оставить тебе долг твой, который впрочем, по множеству собственных моих долгов перед Отцом Небесным, убеждает меня просить тебя наипаче о прощении мне, – мне, который собственной неустроенной жизнью подал повод к твоему оскорблению!». Представьте себе, слушатели, на что тогда походило собрание христиан, когда стояли в нем все с тем, чтобы всем приобщиться? После возглашения: «возлюбим друг друга!» – возглашения, которое остается у нас только в слове, едва внимаемом, тогда действительно все обращались друг ко другу с лобзаниями мира и взаимными объятиями. Нарушение молитвенной тишины в храме Божием самое прекрасное! Нет его. Оно вывело из обычая; оно уже и не может быть, когда нет причастников! По крайней мере, когда вы присутствуете здесь при жертве мира, воспоминайте, братия, ходатайство ее у вас о взаимном друг ко другу миролюбии, воспоминая златые времена общительности

христианской, – и с миром исходите отсюда, как и напутствует вас желанием сим Церковь при окончании Литургии.

При таких благотворных действиях, при таких намерениях учреждения, при такой силе Таинства Приобщения, о чём же говорим вам, возлюбленные? О том, чтобы вы хотя единожды в год приступали ко святому Причащению! Пищей обыкновенной каждодневно насыщаемся: единожды в год вкусите брашно духовное. Пусть хотя единожды освятится годичное кругообращение времени жатвой плода духовного, воссиянием в душах ваших Солнца правды. Все в видимой природе во свое время обновляется: зима проходит, земля одевается растениями, дерева украшаются плодами; солнце оживляет все. Все это для тебя, человек, для твоего употребления и утешения: и никто еще не сыскался, кто захотел бы отказываться от употребления даров Божиих в природе вещей. Но тот же Бог, Который дал столько даров, подал нам еще единый и единственный дар. Тот же глас, который сказал: «да произрастит земля былие травное», – и оно произрастает, тот же глас, который сказал: «да будет свет», – и бывает, тот же глас сказал: «сие есть тело Мое, сия есть кровь Моя», тот же глас сказал: «приимите, ядите, пейте от нея вси!» Не находим ли времени в целом годичном кругообращении, действительно, воспомянуть тот малый час, на который как бы единый приходил на землю Сын Божий, – час смерти Его, и, вместо других обыкновенных даров, принять, воспользоваться новым и единственным даром, – даром самого Тела Его и Крови? Апостол сказал о Боге Отце, что Иже Единородного Сына Своего не пощадил, но за нас всех предал есть Его, како убо не и с Ним вся нам дарстует? Подобно можно сказать о Самом Сыне, что Тот, Кто предал нам самое Тело и Кровь Свою, ни в чем не откажет нам по любви Своей!

Время для принятия единственного дара Божия уже найдено, братия! Мы уже видели прежде, что первые христиане принимали святые Дары Христовы во все воскресные дни, потом в великие праздники, когда особеннейшее творится воспоминание чего-либо из земной жизни Спасителя: святая Четыредесятница всегда была нарочитым для сего временем,

как то свидетельствует и Литургия Преждеосвященных, в пост совершаемая. Говоря о покаянии, мы сказали, как оно прилично настоящему времени и удобно; то же сказать надобно и в рассуждении святого Причащения. Очищаясь постом и молитвами, мы имеем более удобства приступить к престолу благодати с возможным рассуждением или благоговением. С Покаянием соединиться должно и Причащение. Нельзя удовлетвориться только одним первым, как некоторые думают. Ибо как для больного не довольно только принять врачество против болезни: надо принять и средства к возобновлению или укреплению сил: так Покаяние можно уподобить врачествам, брашно и питие духовные – средствам укрепления сил. Во святую Четыредесятницу творится нарочитое воспоминание страданий и смерти Христовой; перед ними было установлено Господом Таинство Евхаристии. Посему тем полнее сотворим мы воспоминание о установлении при том Таинства и спасительной смерти Господа, когда истинно исполним воспоминание делом! За временем покаяния наступит торжество. Вы услышите перед Пасхой Апостольское благовестие: яко пасха наша за ны пожрен бысть, Христос. Душа христианская должна будет скорбеть, если она не вкусит от сей истинной пасхи. «Отцы ваши, – говорил Христос иудеям, – ядоша манну в пустыни, и умроша. Но Отец Мой дает вам хлеб истинный с небесе, – даяй живот миру. Аз есмь хлеб животный»¹⁴⁶. То же самое слово Христово еще более приложить должно будет и к нам, христиане, когда пасху нашу составят только брашно и питие, а не хлеб животный. Впрочем, вы знаете, что не причаститься даже на святую Пасху – почитается в правилах Св. Церкви за самое тяжкое духовное наказание: и сам ли кто себе сделает такое наказание?

Когда говорят нам о приятностях чувственных, рождается от слушания желание тех приятностей. Чувствуете ли вы подобный позыв, когда говорим о сладостях духовных? Если так, то чувство для них не закрыто. Если нет, то надо молиться Богу, чтобы Он раскрыл наше чувство сердца. Примечено, что некоторые, по-видимому, и имеют такое чувство, но с чрезмерной, так сказать, нежностью. «Я не достоин!» – так

говорят многие. «Как мне приступить?» «Истинно ли ты с чувством сожаления о своем недостоинстве говоришь таким образом?» – спросил бы я рассуждающего таким образом. Если нет, то это повод, чтоб только уклониться от Причащения. Если истинно, то такое-то именно чувство, в сопряжении с горячим желанием Приобщения, и есть расположение души самое нужное для Приобщения. Нельзя сказать иначе никому никогда: «я достоин». Это было бы расположение души самое недостойное. «Несмь достоин, да под кров мой внидеши», – говорил некто Иисусу Христу в Евангелии; и Христос Сам вызвался идти к нему. Какое же иное исповедание сердца и должен всякий из нас принести перед Причащением, если не то же, какое повторяли и Св. Василий Великие и Златоусты? «Несмь достоин, да под кров мой внидеши; вем, яко недостоин причащаюся. Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго, пришедый в мир грешные спаси, от нихже первый есмь аз» – говорили они. Никто никогда не может очиститься до такой степени, чтобы мог соответствовать чистоте Божества. Конечно, страшно приступить без испытания себя, не рассуждая Тела и Крови Господни; сие значило бы, по слову Апостола, суд себе ясть и пить: но, при таких чувствиях недостоинства, когда ты желаешь очищения; то для сего-то и приступи, чтобы очиститься и освятиться. Св. Тайны и подаются во оставление грехов. При том, когда духовный отец, которому ты чистосердечно открыл свою совесть, не возбранил тебе Приобщения, но и еще убеждал к Приобщению, то за сим остается тебе еще со своим рассуждением было бы уже грех, грех неверия силе Таинства Покаяния, которое вручено выше строителю Таин.

Есть люди совсем другого расположения, – люди, о которых, подлинно, нельзя не поболеть душой, сколько они заблуждают в мыслях! Удалившиеся от Церкви совсем не причащаются и не имеют Причастия, даже утверждают, что нет его нигде. Нет у них, нет нигде, – вот их рассуждение! Каково ж оно? Спаситель, установив Тайну Причащения, заповедал совершать ее, как говорит Апостол, дондеже приидет, т.е. до самого второго пришествия Своего. Не говорят и те люди, что

Христос уже пришел; но говорят, что Св. Причастия уже нет. Кому же верить? Словам ли их, хотя бы, по слову Апостольскому, и Ангел благовестил оные, или словам Апостола и Самого Спасителя? Как же, говорят им, не исполнять вам такого установления Спасителева, каково Причащение? «Мы исполняем, — ответствуют опять, — как исполняли древние пустынники, Петр Афонский, Онуфрий Великий, Мария Египетская и другие, которые в уединении своем по нескольку лет не видались с людьми, принимали, однако ж, святое Причастие от рук Ангелов». Что вы говорите? Святые Отцы велят приступать, и сами приступали ко Св. Причащению не иначе, как с исповеданием крайнего недостоинства, с исповеданием греховности своей до того, что каждый считал себя первым из грешников: а вы говорите, что вы непричащением своим подражаете первым в христианском мире по подвигничеству праведникам! Мария Египетская во время молитвы своей видена была стоящей на некоторой высоте от земли, ходила ногами по поверхности вод: сему ли Ангелу во плоти вы себя уподобляете? Но и св. Мария перед кончиной причастилась от рук старца, который послан был по судьбам Божиим для ее погребения. Можно ли, впрочем, случай чудесные жизни необыкновенной брать за правило для всех? Те, которые удалились от мира, хотя отнюдь никогда не удалялись духом своим от Церкви, без пищи по многу времени жили; один финик питал иного: так ли мы живем? Напротив, не лучше ли бы нам брать пример для себя, хотя также великий, однако ж наиболее обыкновенный, — брат пример с тех пустынников, которые, удаляясь в уединение от общежития, за правило имели приходить на праздничные дни в собрание собратства для общей молитвы и для принятия святого Причастия!

Но едва не уклонился я от вас, любезные собратия мои, в чувстве моего попечения и о тех, которые не суть от двора сего, которые не ходят с нами единомыслием в дом Божий и живут без хлеба животного, одобряя свою мертвеннность даже для других! Впрочем, и всем нам забывать таких людей не надобно, наипаче, когда, соединясь со Иисусом Христом при чаше

общения, не видите здесь некоторых ближних своих, некоторых собратий своих. Паче же всего сами православные, да приступаем все ко Святому Причастию неопустительно. Собственным примером, когда т.е. и чуждающиеся вас увидят, что все мы до единого причащаемся ежегодно, внушим им понятие о необходимости такого долга христианского. Наша холодность еще более укорит их в их равнодушии. Пусть сделается у нас общим чувством то, что нельзя быть христианину без Причастия. Такое чувство может возбудить и в удаляющихся от Церкви сперва внимание, потом и подражание. А Господь Бог всегда готов с божественной Своей радостью принять и удалившихся, и подать всем вам за любовь к ним благословение Свое. Аминь.

Беседа во вторую неделю Великого поста

Сказана в Петрозаводском кафедральном соборе в 1842 году

Глаголаше им слово.

Мк.2:2.

Возвратитесь вниманием вашим, братия, к божественному слову, которое предложено было сегодня в евангельском чтении, – к слову об отпущении грехов. Во время общего покаяния особенно нужны нам такие уроки. Даже по некоторой особенности случая, описываемого там, нельзя было не обратить нам к нему такого внимания, которое тотчас, думаю, готово возвратиться к чтению. Сказывалось о несчастном человеке, о расслабленном, которого носили чужие руки, и для которого решилась сострадательность послужить наконец необыкновенным, даже странным образом.

«Господь Иисус, пришед в Капернаум, предлагал в доме слово Свое к народу, которого тотчас, лишь стало быть известно о том, собралось так много, что нельзя было всем помещаться и при дверях: вдруг сверху на среду собрания опускают лежащего на одре больного. Люди, которые носили расслабленного, не имея возможности пройти дверью, поспешили взобраться на верх дома, и сделав отверстие в крыше, свесить человека оттуда пред лице Врача душ и телес». Что же делает, что говорит при сем случае Господь Иисус? Как смотрели на то бывшие при сем люди? Какое должны извлекать из события назидание мы, христиане, – вот предмет, в который надобно, говорю вам, вникнуть ныне ближе.

«*Видев же Иисус веру их, – написано во святом Евангелии далее сказанного теперь, – глагола расслабленному: чадо, отпускаются тебе грехи твои»*(Мк.2:5). Не того, кажется, желали недужный и носившие его; не того ждали и присутствовавшие тогда люди. Все, без сомнения, ожидали исцеления от болезни; а Врач сказал недужному почти так: «*успокойся в совести твоей, а с твердой, с чистой душой надейся лучшей жизни в ином мире!*» Слово о кончине, братия,

конечно, таково, что оно сегодня, или завтра, или когда-нибудь скоро должно непременно со всяким исполниться; но некоторые из бывших в доме книжников, слыша, что таким решительным и властным образом говорилось теперь о душевной судьбе человека, подумали про себя об Иисусе Христе: «что сей тако глаголет хулы? Кто может оставляти грехи, токмо един Бог?»(Мк.2:7) Думали про себя таким образом люди, которые еще не веровали тогда в Господа Иисуса Христа, как Бога. Что же Господь? – «И абие разумев Иисус духом Своим, – сказывается далее, – яко тако тии помышляют в себе, рече им, что сия помышляете в сердцах ваших?» При таких словах слушатели Христовы невольно уже должны были почувствовать, что говорил теперь, действительно, Сердцеведец. Господь продолжал: «что есть удобее, реши расслабленному: отпускаются тебе грехи, или реши: востани, и возми одр твой, и ходи?»(Мк.2:9) Если бы вопрос сей касался в самом деле человека или человеков, то одно другого в нем, подлинно, было бы неудобнее. Сказать, конечно, легко все, но что слово без дела? Что в слове: «востани, возми одр твой и ходи»; когда б расслабленный не мог встать и начать ходить? «Но вы сами думаете, – как бы так говорил теперь Господь к слушателям Своим еще далее, – вы сами думаете, и думаете справедливо, что никто, кроме Бога, не может отпускать грехов. А грехи-то и причиной того несчаствия, в каком видите вы лежащего перед вами человека. Почему я и обращаюсь прямо к самому источнику злополучия, к уничтожению грехов. Можно б, даже надобно бы и удовлетвориться врачеванием их собственно, оставя тело, как и сказано было сейчас людям, которые столько полагали во Мне надежды, столько трудились для расслабленного, взносили его на крышу, разбирали покровы дома, с тем, чтоб больной получил исцеление телесное. О целении душевном никто не помышлял и не думает, между тем как греховное состояние по душе несравненно тяжестнее всякого видимого телесного недуга, и есть, повторю, причиной самой болезни. Впрочем, дабы вы не остались в тех мыслях, – еще изъяснение слов Господа, – что слово Мое: «отпускаются грехи», без силы и

действенности, Я присовокупляю и врачевание телесное, в свидетельство и опыт исцеления душевного. Но да увесте, – написано слово в слово в Евангелии, – яко власть имать Сын Человеческий на земли отпущати грехи: глагола расслабленному: тебе глаголю, востани и возми одр твой, и иди в дом твой». Известно, слушатели мои, что слово сие было тотчас делом. «*И воста аbie, и взем одр, изыде пред всеми*», – сказано о расслабленном в заключение: все кончилось общим от всех прославлением Бога и Господа нашего Иисуса Христа(Мк.2:12). Таков общий смысл читанного сегодня Евангелия: и какие в нем полезные для нас, утешительные истины, братия! Прежде всего Таинство Покаяния, к которому прибегаем мы в нынешнее постное или в иное какое-либо время, представляется для нас при настоящем случае во всей своей божественной и спасительной силе, в опыте! Ему именем Своим повелел быть навсегда в Церкви, в нем отпущение грехов совершают через служителей своих Тот, Кто говорил некогда: «отпускаются грехи, восстани, возми одр», – и неподвижные больные тотчас вставали, ходили; Кто говорит прокаженным: «хощу, очистись», – и прокаженные очищались; кто говорил даже мертвцам, раз четверодневному, во гробе смердевшему: «востани!» «Гряди вон» – и они воскресали. С какой же посему живой верой должны мы обращаться к Таинству очищения грехов без всякого недоразумения, может ли Божественный Учредитель оного отпущати грехи? Усомнишься о посредниках, которым Господь вручил благодать отпущения грехов? Но для принесения благодати сея миру Господь Сам прежде сделался человеком, терпел уже неверие людей, дабы ты не колебался принимать ее, когда небесная струя течет и после через уста человеческие. Но препираться ли еще нам, что средство уничтожения грехов так легко и просто, после того, впрочем, как оно основано на смерти за нас Сына Божия и проистекает из Его крови! Одолевают некоторых понятия чувственные? – Смотрите и на предметы чувственные: не все ли и в природе вещей также только – посредства Божии? Не воздухом ли, напр., поддерживает дыхание наше Господь? Не хлебом ли Сам Он питает? Не водой ли очищает? Что же

дивного, что Творец присовокупляет еще к средствам Своим видимым и иные, высшие, или соединяет их с обыкновенными? Для исцеления от проказы однажды еще в Ветхой Благодати, велено было некоторому знаменитому сириянину, Нееману, погрузиться семь раз в водах реки Иордана. Нееман ждал для целения столь важной своей немощи каких-либо великих способов благодатного врачевания и уже гневался было на пророка, который именем Господним велел только омыться в Иордане, не употребив ничего другого, ни даже устной молитвы и слова. «Что за средство к очищению проказы Иордан? – рассуждал Сирияний. Не лучше ли его и всех вод земли Израильской – реки Дамаска, моего отечества? Не лучше ли бы уже в них омыться, когда средство врачевания состоит только в воде?» Совопроснику напомнили, что когда средство врачевания столь просто и легко, то потому-то и принять его надобно. Больной послушался и тотчас получил исцеление¹⁴⁷. Если же и вещи неодушевленные бывают, братия, у Бога сосудами или орудиями особенной силы Божией; если и все они, даже в обыкновенном своем состоянии для обыкновенных потреб ваших, суть только виды благодеяний Божиих, и вся мудрость человеческая не может объяснить, как всякая из них действует в тайне природы своей, а все видим только действия, что, напр., вода очищает, семена питают и пр.: то какому недоумению может быть место в том, что Господь служителями и строителями Таин Своих для высшей нашей природы, для душ наших, употребляет разумные создания Свои, хотя и слабые, но такие, кои в видимой природе нет уже ближе к Нему? И сколько же, напротив, еще более было бы затруднений наших и причин к уклонению от очищения грехов своих, если бы средство к тому было какое-либо возвышенное, многотрудное, а не такое, какое ныне?

Убеждения нужны еще и еще к тому разве, братия, чтобы мы неопустительно пользовались средством благодати столь спасительным, каково Таинство очищения грехов, величайшее в настоящем нашем состоянии благодеяние Господа нашего, после Крещения самое необходимое для возрастных, как средство возобновления завета Божия, столь обыкновенно

нарушающего всеми! Ах, как между тем мало знаем мы то, что столь особенно касается нас! Когда случится с нами какое-либо чувственное злополучие, напр., болезнь телесная, сколько тогда забот против нее! Подобно упоминаемым в Евангелии капренаумлянам, мы готовы тогда не только искать врача, какого бы ни прочули где лучшего, но и взлезать на все крайности, разрушать, какие ни представляются, преграды к получению исцеления; а не от болезни ли души немощи наши, не о таких ли собственно болезнях надобно и заботиться всегда и наиболее, – о том едва и думает большая часть из нас без крайностей. Но грехи-то именно, в каком бы ни находились мы положении по прочему, в благополучии или несчастии, суть истинное и единое зло наше. Все прочие бедствия, и болезнь, и нищета, и бесчестие, и самая смерть – злоключение только условные; они – злоключение в том только предположении, если они сопряжены со грехом. Слово кажется странным. Положитесь, братия, на опыт, действенный глагол Божий. Вы знаете, что бедствий и не существовало в мире, пока не находилось греха между нами. Они – собственно наше произведение, а не творение Бога всеблагого. Правда, они приражаются ныне, иногда обрушаются и на праведников; на них еще чаще и более. Даже единственный Праведник, Тот, Который греха не сотворил, подвергался злоречию, преследованиям, страданиям, смерти: но Он – за грехи мира. Что ж до праведников-человеков, то злополучия и у них были также всегда против греха именно. Злополучия служили праведникам средствами или к предохранению от грехов, или к очищению от них, или к возвышению себя над ними в нравственном усовершении души. Посему избранные Божии не только не страшились злоключений видимых, но обыкновенно считали их благодетельными Божиими попущениями. Мы, обыкновенные люди, чаще сетуем в них, – от чего? От того, что заняты только телесным и временным своим состоянием. При таких расположениях духа злоключения, конечно, идут на нас, – мнится нам тогда, – как препятствия нашим наслаждениям, или уже как наказания, последствия грехов. А известно, что и для тела врачевания самые полезные бывают тем неприятнее, чем

они действеннее. Что ж до души в прискорбиях, то при греховных ее склонностях у нас тогда – различные недоумения, опасения почти безнадежные, даже сетования на них, ропот. Таким образом несчастные случаи становятся, в самой вещи, злом, но злом опять не иначе, видим, как от греха, который тогда проникает бедную нашу душу и делается еще пагубнее для нее, нежели когда-либо прежде; подобно как в болезнях тела еще вреднее становятся те причины, от которых такая или иная болезнь последовала, ежели не удалять их, а усиливать. Примем же тогда, братия, иное расположение духа, – раскаяние в своем поведении, покорность судьbam Божиим, упование на милосердие Божие, преданность в волю Божию, прежде всего очистив себя от всякия скверны плоти и духа¹⁴⁸. И что ж тогда прискорбного останется в злополучиях наших? Что сделало Иову лишение имения, детей, здоровья, утешений, когда он во всех приключившихся ему ничтоже согреши пред Господем¹⁴⁹? Что болезнь, обыкновенно говорили и другие истинные подвижники благочестия, как не очищение внешнего человека в пользу внутреннего? Что изгнание, когда везде Господня земля и исполнение ея? Что лишение имения, если нельзя отнять истинных сокровищ сердца? Конечно, невозможно, братия мои, слабой природе человеческой не стенасть в своих горестях; но стенания стенаниям рознь. Если стенаем тогда о бедствиях только, бедствия растут, растут; если же о грехах в особенности, то мало-помалу исчезают самые причины несчастий; зло вырывается с корнем; жала смерти, силы греха нет уже.

Положим наконец, что злоключения наши при всех добрых наших расположениях сердца и не проходят: но пройдут непременно, братия! Что в мире долговременно? Не гораздо ли скоротечнее еще наши благополучия здесь? Снимем мы с себя во время свое почести наши, забудем все удовольствия земли, оставим имения вовсе, разлучимся с присными на веки, все сложим, при гробе, с телом своим. Останется один бессмертный дух наш, с тем, что мы ныне собираем в него, находясь в теле, которое должно некогда соединиться опять с душой во время, представляемое свыше. Тогда-то, увы нам со грехами! –

бедствие, которое не кончается, а только еще начинается тогда в новом своем состоянии – вечности! Между тем о чем теперь все наши заботы? Необходимо, конечно, заботиться и о временном, нужном в жизни настоящей; она – первоначальный дар Божий, которым дано нам пользоваться для приобретения всех прочих даров Божиих и для вечности: но не об одном только том – надобно, и не с забвением души. Кая польза человеку, – непрерывно напоминает нам Евангелие и собственный наш опыт, – аще приобрящет мир весь, душу же свою отщетит, – себе погубив¹⁵⁰? Ее наипаче, вечную свою собственность, сохранять надобно, братия, ее снабдевать свойственными ей благами, какие преподает нам Евангелие Иисуса Христа. Евангельских благ много, но, по свойству природы нашей, по грехолюбию, по самому чувству необходимого для нас смирения, все они в сущности своей суть различные средства очищения грехов, и из числа их, следственно, нужнейшее для нас – самое Таинство Покаяния.

Вникните, братия, по Евангелию, что делал и чему учил на земле Иисус Христос, в особенности касательно так называемых бедствий человеческих. (Благополучие, кажется, не имело никогда и нужды в пособиях Иисуса Христа). Исцелял ли Христос недужных, подавал ли зрение слепым, очищал ли прокаженных, восставлял ли даже мертвых: все сие делал не для того, собственно, чтобы подавать такие только милости, но чтобы расположить через них людей к лучшей жизни, к жизни добродетельной, небесной и вечной. Ибо везде с тем вместе требовал Господь, или видел веру, исправление сердец, очищение душ. Без того не подавались и целения. Какое, поистине, блаженное было время на земле, когда был на ней Господь видимо, когда различные благодеяния бедствующему человечеству лились от Него реками, и когда для сообщения их не нужно было ни вещественных средств, ни времени, но достаточно для того было возложение рук Его, слова, мания, воззрения, движение духа и – издали! И почему ж бы, казалось, не продлиться таким действиям божественным в царстве благодати навсегда, подобно как в царстве природы непрерывно Бог, по Слову Своему, сияет солнцем Своим¹⁵¹,

велит произращать земле былия¹⁵², изводит ветры от сокровищ Своих¹⁵³, дает во времена свои¹⁵⁴, – все, что когда нужно к настоящей нашей жизни? Но в этом, братия, равно как и в скоротечности жизни, в гиблемости благ мира настоящего, оставил нам Господь свидетельство Свое, что настоящая наша жизнь не составляет всей цели небесного о нас смотрения, а должна только вести к другой, вечной жизни. И что же? В самом Евангелии, где надобно быть описану во всех видах служению Небесного Милосердователя человечеству, записано столько и таких только опытов милосердия к страждущим, сколько и какие нужны только к изъяснению собственно спасения душ, вечного нашего блаженства, в различных к нам отношениях и видах. По сему-то время всяких иных чудотворений, кроме тайны спасения душ, и должно быть не иначе, как преходящим только явлением, образом благ духовных во Христе. Оно скоро, очень скоро минуло; но истина одна и та же осталась с нами навсегда, как скоро мы ищем от Господа милостей душам своим. Господь близ призывающего Его, всем призывающим его во истине¹⁵⁵. Он с нами, по уверению Своему, «во вся дни, до скончания века»¹⁵⁶, когда слово о душах наших!

Не оставим же, никто да не оставит, братия, в забвении душу свою, – предмет всех особенных попечений Спасителя нашего! Собственная забота наша о ней должна быть, казалось бы, в самом даже обыкновенном порядке дел наших. Непрерывно истощается в силах своих телесная природа наша, и мы ежедневно возобновляем силы ее пищей и питием, движением и покоем. Истощается непрестанно и душевная наша природа, часто до изнеможения. «Несть мира в костех моих от лица грех моих», – вопиял иногда Псалмопевец¹⁵⁷. Яко беззакония моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне; возсмердеша и согниша раны моя! Посему внимательные к себе христиане для возобновления сил души своей, к непрерывному также прибегают покаянию перед Богом в глубокой таинице совести, чем обыкновенно и оканчиваются у них занятия каждого дня. Никому нельзя не делать сего по крайней мере по временам, без опасения потери душевного своего благосостояния. В особенности когда настают дни

очищения, или частные, как напр., в приключающихся с некоторыми из нас болезнях и иных каких-либо бедствиях, или общие, как времена святых постов, особенно поста нынешнего, Великого; всяк из нас, братия, прежде всего имеет нужду озабочиться, чтобы исповедать грехи свои перед Богом уже не во глубине только совести своей, что должно быть, говорим, чаще, ежедневно, но в известном тайнодействии веры.

Об одном еще теперь слово по любви моей к вам: надобно сделать сие не по долгу просто, кольми паче не по обычаю только, не как-нибудь, по порядку вещей, или из стыда, для избежания неприличия быть примеченным в неисполнении общих христианских обязанностей, но – по совести, с искренним расположением, с говением, с сокрушением сердца. Может ли быть надежда на уврачевание и телесных болезней; когда бы кто из недужных не изъяснился о болезни своей, в чем она? где? от чего и пр.? Кольми паче – в болезнях душевных, сокровенных в сердце, во всех сгибах нашего самолюбия, не может быть прямого пользования без чистосердечного раскрытия состояния своего. А чтобы лучше чувствовать себя тогда, для сего, между прочим, необходимо действительное пощение, при чем область души проясняется, равно как и необходимо с тем вместе усердное упражнение в молитвах, по крайней мере в продолжение седмицы. Душа у каждого из нас, братия, стоит внимания и попечения, хотя на одно такое время в целом году, тогда как на дела плоти идут годы за годами. Аминь.

Беседа в Крестопоклонную неделю святого Великого поста

Сказана в Донском кафедральном соборе в Новочеркасске в 1845 году

Среди поста, времени всеобщего покаяния нашего, се ныне перед очами нашими, братия, особенный предмет благочестия христианского, — святой и животворящий Крест Господень! Церковь изнесла его сегодня из внутреннейшего святилища своего и приблизила ко всем вам на целую седмицу дней. Какая отрада и утешение для кающихся Крест Господень, какие спасительные внушения делает он нам в исполнении христианского долга покаяния, — вот о чем в особенности сказать я теперь должен, и всем нам, слушатели, размыслить надобно! Побеседуем.

Когда в известном странствовании из Египта по пустыне древний народ Божий пришел на такое место, где крайне много было змей; то Моисей, вождь народа, по Божию повелению, устроил змию медяную и поднял ее на древке воинского знамени, с тем, дабы всяк, кто будет уязвлен змеями, тотчас смотрел на змею медяную и тем исцелялся бы от уязвления. Так и было: уязвленные исцелевали, как скоро поступали по повелению Божию¹⁵⁸. Это один из тех непрекаемых опытов, на основании которых народ израильский доселе так тверд в своем веровании, к общему всех удивлению. Невозможного, впрочем, и нет здесь ничего, а чудно, конечно, все, что делает Бог. Что когда повелевает Бог, то всегда и делается. Слово Его живо и действенно, зиждительно. Словом Господним и весь мир из небытия пришел в бытие. Рече Бог: будет свет, — и бысть тако, и бывает так. Так и там было. «Не вещию зrimою, — говорит Премудрый к Богу о действии змеи медяной, — не вещью зrimою обратившийся целящийся, но Тобою всех Спасителем»¹⁵⁹. Сам Господь Иисус Христос, братия, упомянул во Евангелии, что там было так, и что то был образ иного спасения, — спасения нашего душевного и вечного. «Яко же Моисей вознес змию в пустыни», — сказал Христос¹⁶⁰, — тако

подобает возвестить Сыну Человеческому, да всяк веруя в Он не погибнет, но имет живот вечный. Так Он Сам вознесен был на древо, – на древо Креста, и оставил нам сие знамение спасения, Себя на Кресте, дабы мы, взирая на Него душевными очами, очами веры, не гибли душой от уязвляющих нас наших змей, но имели бы живот, живот душевный, вечный. Что змей для душ наших? – Грехи наши, братия, – грехи, коими приразился к непорочному некогда человеку сатана под видом змия. После того «все есмы в бедах»: все пространство жизни нашей на земле, в пустыне лежащей перед небом, землей обетования вечного, наполнено, преисполнено такими змеями. И кто же из нас не знает, не чувствует уязвлений их? Но се нам знамение спасения, – распятый на Кресте Иисус Христос! Каким кто ни уязвлен жалом греха; все будем взирать верой на распявзитого за грехи наши Господа, Своей смертью дарующего нам жизнь вечную; все будем взирать, – и все спасемся от уязвлений грехов. Уязвлен ли кто жалом гордости: воззри верой на Господа, смирившегося до смерти, смерти же крестной. Уязвлен ли кто жалом любострастия: воззри верой на Пресвятого, принесшего святейшее Тело Свое и Кровь в жертву умилостивления Бога за нас. Уязвлен ли кто жалом зависти, сребролюбия, корысти, клеветы, лености, уныния; словом – каким кто ни уязвлен жалом страстей: воззри верой на Сына Божия, предавшаго, – как всяк из нас имеет право сказать с Апостолом за себя самого, – предавшаго Себе по мне. И когда же в особенности сделать все сие надобно, как не ныне, когда мы проходим поприще Великого поста, путь очищения от грехов, когда мы пришли на место покаяния и непременно видим множество грехов, душевных змей, может быть впившихся уже в некоторых из нас, – видим и желаем исцеления от уязвлений их?

При воззрении на Крест Господень, сколь, подлинно, близкие надежды на исцеление от грехов должны исполнять каждое сердце кающихся! Ни множество, ни величость грехов не могут теперь приводить дух наш в сомнение, тем наименее в отчаяние. Сын Божий привес Себя в жертву на Кресте за все, какие ни были бы грехи, за грехи всего мира. Что в сей

беспределной милости всепрощения и величии Жертвы избавления, что и все множество и вся великость грехов каждого из нас, братия мои? Менее, чем нечистый пых изо рта в воздухе, капля нечистоты в океане!

О! Грехи наши сами по себе и многочисленны, и велики, крайне велики; потому, что все они суть оскорблении для Бога, Существа беспределного и всевысочайшего. Смотрите: они стоили, они требовали снисшествия Сына Божия на землю, позорной смерти Его на кресте! Никто другой не мог и снять с нас тяжесть их, кроме Сына Божия: Его токмо сила и действие могли быть полным удовлетворением правде и святости Существа беспределного. О! Велики, безмерно велики грехи наши сами по себе! По сему-то, взирая на Крест, грешник, приступающий к покаянию во грехах, должен всем сердцем своим, всей крепостью и всей мыслю своей отрястись от них в страхе Божием, сокрушиться духом и совестью, почувствовать цену своего искупления, кровь, крестную смерть Господа своего!

А когда таким образом, братия мои, будем мы расположены к покаянию, то все и всякое бремя грехов легко и с дерзновением можем повергнуть в бездну любви и милосердия Божия. Там они ничто: там одна только нераскаянность. Именно одна только нераскаянность – грех; других нет уже. Сомневаться ли кому, что Единородный Сын Божий мог исходатайствовать нам прощение в них от небесного Правосудия, когда Он Сам объявил о сем грешникам? Его ходатайство еще далеко, далеко, бес前所未有но более тех долгов, в искупление которых оно сделано. Долги наши перед Богом, грехи, все грехи еще ограничены: а ходатайство Единородного Сына Божия силы беспределной: Бог беспределен. И не имеет ли власти отпускать нам грехи Тот, Кто и закон дал, и Евангелие открыл, и самые меры взысканий с нас определил единой Своей властью?

Такие и подобные размышления должны бы успокаивать дух наш и тогда, братия, если бы нам было только сказано Словом Божиим о прощении нам грехов во имя, о имени, от имени, именем Ходатая Сына Божия. Но что же для сего

сделано? Сын Божий снисшел на землю, принял наше человечество, явил беспредельную Божию любовь к людям, избавлял их от всяких бед, в каких ни прибегал кто к Нему, утешал смущенных совестью, – и что же? – свидетельствовался во всем том Сам, что единственno для грешников и приходил Он в мир наш. «*Не приидох, – говорил Он, – призвати праведники, но грешники на покаяние*»¹⁶¹. В самом деле, взирая по Евангелию, как был Он другом мытарей и грешников, не устранился прокаженных, прощал явных блудниц, ясно видим, что Он особенно любит грешников кающихся, и что, следственно, простит и нам все, когда и мы прибегнем к Нему. Довольно было бы, если бы от Бога сказано только было нам о сем. Но не те еще одни опыты милосердия Божия, какие видим в продолжение всей земной жизни Сына Божия, не те одни опыты снисхождения ко грешникам представляются очам нашим здесь, при Кресте. Сын Божий принял напоследок за грехи и за грешников позорнейшие страдания и смерть на Кресте. Воззрите: Христос распростер здесь руки, для того, чтобы собрать в объятия любви Своей, как сказывает Св. Церковь, всех рассеянных, заблуждших, удалившихся от Него всюду чад Адамовых. «*Тако возлюби Бог мир, – напоминал Сам Сын Божий до Креста Своего, – яко и Сына Своего Единородного дал есть*»¹⁶². После Креста, сказал Апостол как бы далее: «*составляет же Свою любовь к нам Бог, яко еще грешником сущим нам за ны умре, – за нечестивых умре*»¹⁶³. Какое действенное уверение для самых чувств наших, христиане!

Станем, кающиеся, станем верой еще ближе у Креста Христова и примем здесь от Него Самого «оставительная прегрешений наших!» Не убоимся. Хотя у Креста сего прилично стать только Пречистой Матери Иисуса с будущими мироносцами, и ученику, егоже любляше Иисус, как и стояли они¹⁶⁴: но еще ближе к Нему, можно сказать, были здесь два злодея, сраспятые с Ним, един одесную, а другой ошуюю. Оба – великие грешники, разбойники. Один каялся Богу, каялся перед самым жертвеннником, перед самой Жертвой спасения, перед Крестом и Распятым на нем. Кто не знает из нас,

христиане, что одно слово покаяния разбойника во мгновение даровало ему рай в сей самый день? Что же? Погублены ли и прочие грешники? Истреблены ли по крайней мере распинатели, как задрожала земля от готовности пожрать их живыми? О, нет! «Отче, — вопиет с Креста распятый Сын Божий на небо, в особенности о распинателях, — Отче Святый, отпусти им; не ведят бо, что творят»¹⁶⁵! Слышите, христиане, видите — как возлюбил Бог мир в Сыне Своем! Какую составляет Он любовь Свою ко грешникам, к нечестивым! С каким, посему, упованием на нее можем и все мы, все и каждый, принять здесь оставление грехов своих верой в спасительную смерть Сына Божия, если будем каяться при Кресте Его, взирая очами веры на спасительную смерть Христову!

Да: предстояние у Креста Христова, мысленное предстояние духом, верой, или иначе сказать, сердечные размышления о спасительной смерти за нас Христовой должны во всякое время составлять для нас поучение ко всему добруму, христианскому, особенно же поучение к истинному покаянию. Обратите внимание ваше, православные христиане, как для сего первее всего и везде и со всех сторон окружены, или лучше, обложены мы Крестом! В крестную смерть Христову, по слову Апостольскому, крестились мы при вступлении в христианство; Крестом святого Мира запечатлены мы по всем членам нашего тела на жизнь христианскую; Крест возложен тогда на выю нашу; Крест вручен в наши руки для воззвижения его на себе, для изображения на себе крестного знамения во всякое время и на всяком месте, где вам будет нужно Божественное ограждение. А где оно не нужно? Нужно и при вставании с одра и возвращении к нему, и при возврении на свет дневный и захождении оного, и при выходе из дома и вхождении в дом, и при взятии дел в руки и оставлении оных, и перед начатием стола и по окончании, словом — на всяком шагу жизни сколько-нибудь особенном, как делали с самой первой христианской древности, по свидетельству ее, христиане. Когда так Крест должен быть у нас везде, то что и говорить, как он есть здесь, в Церкви, в делах собственно веры? Св. Церковь и основана на Кресте, и увенчана Крестом; Крест внутри ее во

святынице, на престоле; Крестом благословляет она чад своих; Крестом совершаются и все прочие ее Таинства святые, – сверх вступительных, Крещения и Миропомазания, о которых мы уже говорили. Приношение Тела и Крови Господней на Литургии есть именно воспоминание Иисуса Христа, возвращение, как изъясняет Апостол, возвращение смерти Христовой, воспоминание действенное. Видимо, Крестом знаменуются все молитвы Церкви и наши; словом – в Церкви везде и все Крест, Крест. Крестом освящена и вся наша общественная жизнь, христиане! Крестом, крестным благословением устроены между вами супружеские союзы; другие из вас Крестом по присяге вступили в исполнение общественных должностей; Крестом по присяге все сделались чадами Царя и Царства. Самое строение тела нашего есть крест. «Человек по образу Креста сотворен, – говорит некто из святых учителей Церкви, – егда бо руки распространят, крест в себе изобразует». А когда Сын Божий принял нашу природу, когда тело Свое простер наконец на Кресте по всем нашим природным протяжениям, дабы «всего мя, – сказать должен род человеческий, – всего мя спаси человека»: то в сем самом виде, в образе Креста и оставил Он нам Себя до скончания века. «Крест во Иисусе почтаем, – говорит тот же святой учитель церковный, – Крест о Иисусе почтаем, и Иисуса в Кресте нашего ради спасения.» Припомните это, когда и в самую Пасху Крест будет образом Воскресшего; в Кресте явится Он нам из гроба; в Кресте будем все поклоняться Христу в Воскресение, будем осязать Воскресшего, не по неверию, но любовью, лобзаниями. Таков предмет христианского благочестия – Крест, братия! И не должны ли мы пройти теперь, когда хотим или должны каяться, пройти у себя все пути нашей жизни, нашей природы, где везде поставлен Крест, святыня веры, образ Иисуса Христа в самом особенном Его положении, в распятии нашего ради спасения? Не должны ли мы осмотреть всех самих себя, внутри и окрест, когда хотим принести покаяние Богу во всех своих делах, во всех помышлениях; а там везде у нас, может быть, были доселе одни поругания Иисусу Христу, Спасителю нашему? Слово Божие говорит, что те, которые просвещены единою, и вкусили

дара небесного, и причастниками сделались Духа Святого, и добра гостили Божия глагола и силы грядущего века, и отпали, второе распинают Сына Божия себе¹⁶⁶. А не исполнилось ли это со многими из нас, даже отчасти со всеми? Не все ли мы просвещены Крещением, не все ли приняли Святого Духа в Миропомазании, не все ли многажды вкушали Дары небесные, Тело и Кровь Иисуса Христа, не все ли вкушаем глаголы Божии в учении Церкви? Только одного этого не сделали еще мы, что не отдали: но в таком случае не возможно бы уже было, по слову Апостольскому, и обновляти нас паки в покаяние. Между тем при одной нераскаянности своей и теперь мы едва ли не более распинателей виновны перед Богом. Они не знали еще Сына Божия и оскорбляли Его в неверствии¹⁶⁷. Мы знаем Его с младенчества, освящены Его смертью, снабдены многоразличными дарами благодати Его, везде окружены, сами устроены в образ Креста, во Христа облеклись: и – однако ж столь много не внимали иногда ничему! Везде на месте святе, где должен быть Крест, святыня веры, у нас уже давно, может быть, – мерзость запустения!

Покаемся же, и о Кресте собственно покаемся: ибо мы в себе, на себе и окрест себя против Креста ближе всего грешили! В нем Сам Иисус Христос оскорбляем был грехами нашими. И теперь, когда Св. Церковь торжественно изнесла пред очи наши видимый Крест Господень, она сделала нам напоминание о Таинстве Креста, о самой смерти Сына Божия, о способе спасения нашего крестной смертью Его! Она хочет, чтобы мы истинным покаянием восставили везде окрест и внутри себя образ нашего спасения, животворящий Крест Господень!

Когда мы сделаем это, когда чистосердечно покаемся во всем Господу Богу нашему: не забудем и после во всякое время перед очами своими иметь везде Крест Господень. Пусть будет он тогда оружием против враждебных сил, ограждением от грехов. Бытописания верующих свидетельствуют, что когда подвижники веры встречались с какими-либо опасностями, тотчас изображали на себе Крест, и – тотчас же при сем нестрашными делались смерти, теряли силу свою яды, притуплялись мечи, охладевал огонь, твердили воды под

ногами, особливо – погасали внутренние ражжения страстей, утихали бури душевных волнений, исчезали самые тонкие духовные искушения. «Им же можеши и ты, о душе моя,— да речет душе своей всяк из нас, как говорит в великом каноне Покаяния кающийся Богу, — можеши и ты, о душе моя, Крестом великая совершити!» Аминь.

Беседа в третью неделю святого Великого поста

Сказана в Донском кафедральном соборе в 1846 году

И аще кто согрешит, Ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа Праведника: и Той очищение есть о грехах наших, не о наших же точию, но и о всего мира.

1Ин.2:1,2.

Говорит нам таким образом избранный благовестник любви Божией к человекам, особенный наставник наш в любви к Богу и друг ко другу, – возлюбленный ученик Иисуса Христа. Св. Богослов, рассуждая о нравственном состоянии человеческом, состоянии не вне, а уже в недрах христианства, сказывает, что природа человеческая и здесь, хотя она и возрождена о Христе Иисусе, не может еще быть безгрешной: мыслить кому-либо иначе значило бы обманывать себя и не иметь истины, даже лжа творить Бога и не принимать святого Слова Его. Конечно, не с тем изъясняем вам, – продолжает Евангелист Иоанн, – столь неизбежную в человечестве действительность, чтобы так и жить уже всем во грехах; отнюдь не с тем. «Чадца моя, – восклицает святой девственник и друг Христов, – чадца моя, сия пишу вам, да не согрешаете! Для сего и говорю я, – говорит он, – о прирожденности греха в людях, дабы все вы, христиане, все боялись греха, всемерно остегались бы его и избегать старались!» «Вемы, – говорит Богослов на конце своего послания, – яко рожденный от Бога, не согрешает: но рожденный от Бога блудет себе, и лукавый не прикасается ему»¹⁶⁸. Впрочем, если когда и случится за всеми вашими усилиями противу греха впасть в грех по слабости природы: не отчайвайся никто; – «Ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа Праведника: и Той есть очищение о грехах наших, не о наших же точию, но и о всего мира»(1Ин.2:1,2). Вот, братия мои, вся сила и все наше упование в Таинстве Покаяния, к которому мы прибегаем ныне во святой пост. Вникнем в сие божественное ходатейство Христово, вникнем с той особенно стороны, каким образом каждому из нас усвоить его надобно себе в Покаянии, –

вникнем со вниманием, какого требует святейший предмет христианского благочестия и наше вечное спасение!

Какое тяжкое для чувствительности нашей дело, когда мы идем на Исповедь, идем объявить себя многовидными преступниками святого закона Божия, между тем, как уже Сам Судия наш от века совершенно знает не только все дела наши, но и желания, и самые глубокие помыслы! Таким образом мы идем к Нему для того только, чтобы принять святой приговор Его по грехам своим. Но ободритесь, утешьтесь, кающиеся христиане! В таиницу Божию, на суд Покаяния нашего идет вместе с нами, — или нет, давно уже присутствует прежде нас там, — Ходатай наш, Сам Единородный Сын Божий. Мы впали в прегрешения; мы повинны вечной смерти за них: но Он, Ходатай наш, уже очистил преступления наши, удовлетворил за них Небесному Правосудию собственной Своей смертью, умер за нас смертью крестной. Тайна в христианстве первая и всем известная! Итак, что ж мы идем теперь делать, на суд Покаяния? То только, чтобы принять, усвоить каждому самому себе божественное сие ходатайство Иисуса Христа! Усвоить чем? Не оправдыванием себя, не очисткой какой-либо собственной, не заслугами или достоинствами; нет, — аще речем, что греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас: но — чистосердечным признанием грехов своих, глубоким сознанием необходимости и силы смерти Искупителя нашего к очищению грехов наших. Он только, Искупитель Господь наш Иисус Христос, — очищение о грехах наших. Что, подлинно, здесь, в бездне благости, любви, величия и силы Божией частные грехи наши; когда Он, по слову Апостольскому, есть очищение не о наших только грехах, но и всего мира?

«Такая жертва уже давно принесена Богу: и на что изъясняться нам перед Ним в том, что Сам он знает о нас без всякого сравнения лучше нашего?» — подумают, может быть, некоторые из сынов века, знакомых с мирской диалектикой. Так, жертва принесена: но она, по заповеди Самого Господа, в действенном воспоминании его должна приноситься и ныне, и до конца мира приносится та же самая, поскольку есть еще вновь и вновь требующие очищения от неё; а оно должно быть

принято собственной каждого из нас, а не чужой, чьей бы то ни было, верой. Несомненно и то, что Всеведущий знает наши прегрешения, вместе и наши силы, способности, расположения: но всякому из нас нужно познать и самому собственные грехи свои, восчувствовать все омерзение к ним и искать сердцем, всей крепостью души спасительного очищения от них. Не с камнями, не с растениями, не с бессловесными животными дело теперь; но с созданиями, одаренными свободой, разумом и словом. По сим свойствам души ценится у нас всякое дело, и доброе, и худое, – по свободному расположению духа, а не по врожденности или необходимости. Богоподобная душа человеческая без своего произволения и любви к добру или отвращения ко злу не может быть и блаженной. Сами добродетели ее без такого расположения духа, по слову Апостольскому, были бы как звук меди или звяцание кимвала; они были бы бесполезны, ничтожны, хотя бы самое тело, – говорит Апостол, – отдано было нами на сожжение, или глаголал кто-либо языками человеческими и Ангельскими¹⁶⁹. По свободной природе впали мы в первородный грех и впадаем в новые и новые грехи: по свободе надобно и выйти из них.

И вынуждаем ли это требование, чтобы открывать нам грехи свои на Исповеди собственным сознанием? Нет, – самое естественное. «Кто чем болит, тот о том и говорит», – гласит народное наше присловие. Почему если болящий душой, проникнутый страхом о грехах, пришел с ними на Покаяние: в состоянии ли он не исповедоваться со всей обстоятельностью, коль скоро их чувствует? Довольно ли и слов только, при сердечном сокрушении? Не сотрясется ли вся природа человека, проникнутого страхом Божиим? Возможно ли ему задержать в груди своей вздохания, стоны, – в глазах слезы, в устах рыдание? С каким чувством и как говорит всякий из нас и о вещах жизни обыкновенной, когда кто в беде, в страхе, с сожалением, с сокрушением, с искренней просьбой о чем-либо? Менее ли стоит заботы душа, внутреннее благосостояние ее, вечное спасение? Словом – не раскрывать на Исповеди самую душу свою, значит не исповедоваться и не просить, даже не

желать себе отпущения грехов от Бога: какой же будет и плод такой Исповеди, когда, собственно говоря, нет ее!

Каких бы даров благодати ни просили мы от Бога, как просим от Него при покаянии нашем отпущения грехов; и просить должны мы, и принять можем одним душевным чувством, которое называется верой, — чувство самого глубокого убеждения в том, что имеем истинную нужду просить чего-либо и полную надежду на получение просимого. Обратим внимание, как Господь Иисус искал, требовал такого расположения в людях, когда они прибегали к Нему в нуждах, подобных нашей нынешней нужде, — нужде испросить или принять от Него оставление грехов? Во время земной жизни Господа пришел к Нему однажды человек с сыном ужасно бесноватым, и изъясняясь, что «*многажды в огнь вверже его бес и в воды, да погубит, возопил:* но аще что можеши, помози нам, милосердовав о нас!» Господь ответствовал ему, — продолжает Евангельское сказание: «*еже аще что можеши веровати, вся возможна верующему*»¹⁷⁰. В другой раз Сам Господь располагается оказать помощь расслабленному, тридцать восемь лет неподвижно лежавшему, и что же? — Прежде спрашивает недужного, хощет ли он цел быти? Как не хотеть? Но нужно было собственное в том сознание человека, дабы к сему чувству, к сему, так сказать, живому месту можно было привить божественное врачевание. Словом — без веры людей не подавались никогда силы Божии. Кажется, самое Всемогущество ограничивалось там, где недоставало веры человеческой к принятию чудес Его. Господь Иисус пришел некогда в отечественный город свой, и жители, вместо того, чтобы воспользоваться присутствием между ними Небесного Наставника и Врача, только блазнились о Нем по неверию своему, а далее, сказывает евангельская история: «*и не можаше ту ни единяя силы сотворити, токмо мало недужных, возложь руце, исцели. И дивляшеся за неверствие их*»¹⁷¹. Не иначе и первые служители веры Иисуса Христа о имени Его преподавали, или не почему иному не могли иногда преподавать целения телесные, врачевания душевые, не иначе, как или по вере, или по неспособности людей к принятию

даров благодати. В книге Деяний написано, что Св. Павел нашел однажды в Листрах хроморожденного: – и воззрев нань, – сказано далее, – и видев, яко веру имать здрав быти, именем Иисуса Христа тотчас поставил его на ноги. Приметьте – видел, яко веру имать здрав быти. Все такие ограничения сил Божиих, собственно, суть не ограничения оных, а только соображение с свободоразумной природой нашей, которую Само Всемогущество Божие даровало нам, а потому и охраняет ее, как собственное свое дарование.

После сего можно ли думать, что подобострастный нам служитель Таинства преподает нам от имени Божия разрешение грехов, как ни хладнокровно, бесчувственно, даже бессловесно, безверно ни покаялся бы кто, или правильнее, как ни был бы кто на Исповеди; когда Сам Господь не делает сего без нашего сокрушения? Для служителя Тайны в особенности нужно, братия, чтобы он видел на Исповеди нашей состояние души нашей и степень ее сокрушения о грехах. Без сего он не может сделать нам ни приличного по состоянию каждого наставления, подобно как не мог бы нам сделать ничего телесный врач, если бы не узнал болезни, – без того служитель Тайны Покаяния не может объявить нам ни праведного от имени Божия решения о грехах. Он – свидетель нашего покаяния перед Богом, и должны объявить по нему самую волю Божию, в Слове Божием и в правилах святых оного служителей на все обстоятельства и случаи жизни нашей вполне изложенную. И если предстанем мы на Покаяние с верой и сокрушенным сердцем: он даже и не свидетель только, но молитвенник перед Богом о грехах наших, видимый образ Того Пребожественного Ходатая, о Котором сказал в утешение верующих Св. Иоанн Евангелист: Ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа Праведника! Служитель Тайны действует по благодати, данной ему от Иисуса Христа, молится Богу о грехах наших и священнодействием своим прилагает каждому из нас, сообщает, преподает каждому благодать Самого Иисуса Христа, – дар оставления грехов. Так устроил Сам Христос: слово его живо и действенно, действенно и в молитве священнослужителя Тайны, и в его слове. Сила не в человеке, а в слове Господа Иисуса Христа. К чему кого-либо на

земле уполномочил Царь, того слово во всем том и действительно. «*Помилуй ны, Господи, Сыне Давидов*», – возопили однажды ко Иисусу Христу десять прокаженных, когда Господь был на земле видимо! «*Шедше покажитеся священником*», – сказал им Господь. «*И бысть идущим им, очистишася*», – сказывает Евангелие далее¹⁷². Св. Апостол Иаков, изъясняясь, чтобы христиане в болезнях своих призывали пресвитеров церковных, убеждает между прочим всех нас, и говорит: «*исповедайте убо друг другу согрешения, и молитесь друг за друга, яко да исцелеете: много бо может молитва праведного поспешествуема*»¹⁷³. Молитву пресвитеров называет Апостол 1) молитвой праведного, ибо Сам Бог оправдал их, дал право им молиться за других; 2) молитвой поспешествуемой, т.е. содействуемой свыше, сильной, действенной. «*И разделения действ суть, – говорит Св. Павел, – а тойжде есть Бог, действуяй вся во всех: вся же сия, во всех т.е. дарованиях духовных, действует един и тойжде Дух*»¹⁷⁴. Не иначе, не своей силой, а свыше, Божией действовали исполнители дел веры, в преподаянии даров благодати и Апостолы. Когда Петр и Иоанн мгновенно именем Господа Иисуса исцелили хромого от рождения, и народ дивился тому: «– что чудитеся о сем? – воскликнул Петр, – или на ны что взираете, яко своею ли силою и благочестием сотворихом его ходити? – Вера, яже Иисуса ради, даде ему всю целость сию пред всеми вами»¹⁷⁵. Так и всегда, братия мои, служители веры и строители Таин Божиих не своей силой или благочестием совершают дела их звания, но во имя, от имени, именем Иисуса Христа; посему и вера наша и упование в принятии священнодействий их да будет на Бога, да будет, как говорил тот же Св. Апостол при случае исцеления хроморожденного, – верою именем Иисуса Христа, верою его ради¹⁷⁶; Он исходатайствовал нам у Отца смертью Своей и обетование Отчее, Духа Всесвятаго, совершающего все христианские Таинства. Священнодействователи – не более, по слову Апостольскому, как только служители их и строители, раздатели¹⁷⁷.

Так: все дары благодати исходатайствованы нам, христиане-братия, смертью Сына Божия; все священные Тайнодействия Веры в ней имеют свое основание, и от нее заимствуют свою силу. Ходатай наш ей собственно очищение есть о грехах наших. Не о наших же точию, – присовокупил Богослов, – но и о всего мира, разумея именно всемирную жертву смерти Сына Божия. Очищение. В ветхозаветной скинии Божией самое священное место было святая святых, где стоял кивот завета, а и при кивоте самый священный предмет был верх оного, очистилище так называемое, венец, возложенный на кивот под распластанными крылами Херувимов славы. На нем кровью кропления очищались грехи народа Божия и всего мира: над ним являл Господь свет Своего присутствия избранным Своим; с него слышался иногда глас Божий к ним. Сюда-то единою в лето входил един Архиерей не без крове, юже приносил за себе и о людских невежествиих. Сие-то место было образом престола благодати¹⁷⁸, скинии небесной, совершеннейшей, нерукотворенной, в которую вошел единственный Первосвященник Нового Завета, Иерей вовек по чину Мельхиседекову, Архиерей грядущих благ, Господь наш Иисус Христос, и вошел, как продолжает Св. Павел, *ни кровию козлею, ниже телчею, но Свою кровию, вниде единою во святая, вечное искупление обретый.* Аще бо, – еще далее слово Апостола, – кровь козляя и телчая, и пепел юнчий кропящий оскверненые освящает к плотстей чистоте: *кольми паче Кровь Христова, Иже Духом Святым Себе принесе непорочна Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, во еже служити нам Богу живу и истину. И сего ради новому завету Ходатай есть*¹⁷⁹. Темже повторим и то, что к нам собственно, к нам по времени, в которое живем мы, относится, *темже и спасти до конца может всех приходящих через Него к Богу, всегда жив сый, во еже ходатайствовати о них*¹⁸⁰. А и кровь телчая, действительно, братия, очищала грехи. Свидетельствовали опыты, что напр., среди язвы приносилась кровавая жертва, и – язва тотчас прекращалась, народ умирать от язвы переставал. Кольми же паче бесценная кровь нашего Ходатая, христиане, Единородного Сына Божия, Агнца

закланного от сложения мира, кольми паче сия божественная кровь может очистить и спасти нас от смерти, когда она, она одна так действительна была и там в жертвах ветхозаветных только тенью своей и прообразованием! Ею только имеют силу и жертвы ветхозаконные. Без нее не было бы и там ничего; и в христианских Таинствах что могли бы мы получить спасительного? В Покаянии, напр., что получили бы мы без нее? Прибегли бы мы здесь и милосердию Божию: но сколь велико оно, столько же велика и правда Божия: а она требовала бы казни грешника. Но милосердие Божие побеждает правду, как? – кровью Сына Божия, милосердия ради милости за нас излиянной; ей любовь Божия торжествует над всеми нашими беспредельными свойствами Божиими: мы спасаемся ей! По сему-то особенно за Таинством Покаяния нашего следовать должно другое Таинство, источник всех прочих Таинств. Таинство Причащения Телу и Крови Иисуса Христа, как основание и печать во оставление грехов.

Так: все дары благодати исходатайствованы нам, христиане-братия, смертью Сына Божия; все священные Тайнодействия веры в ней имеют свое основание, и от нее заимствуют свою силу. Ходатай наш ей собственно очищение есть о грешах наших. Не о наших же точию, – присовокупил Богослов, – но и о всего мира, разумея именно всемирную жертву смерти Сына Божия. Очищение. В ветхозаветной скинии Божией самое священное место было святая святых, где стоял кивот завета, а и при кивоте самый священный предмет был верх оного, очистилище так называемое, венец, возложенный на кивот под распростертыми крылами Херувимов славы. На нем кровью кропления очищались грехи народа Божия и всего мира: над ним являл Господь свет Своего присутствия избранным Своим; с него слышался иногда глас Божий к ним. Сюда-то единою в лето входил един Архиерей не без крове, юже приносил за себе и о людских невежествиих. Сие-то место было образом престола благодати¹⁷⁸, скинии небесной, совершеннейшей, нерукотворенной, в которую вошел единственный Первосвященник Нового Завета, Иерей вовек по чину Мельхиседекову, Архиерей грядущих благ, Господь наш

Иисус Христос, и вошел, как продолжает Св. Павел, *ни кровию козлею, ниже телчею, но Свою кровию, вниде единою во святая, вечное искупление обретый*. Аще бо, – еще далее слово Апостола, – *кровь козляя и телчая, и пепел юнчий кропящий оскверненые освящает к плотстей чистоте: кольми паче Кровь Христова, Иже Духом Святым Себе принесе непорочна Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, во еже служити нам Богу живу и истину. И сего ради новому завету Ходатай есть¹⁷⁹*. Темже повторим и то, что к нам собственно, к нам по времени, в которое живем мы, относится, *темже и спасти до конца может всех приходящих через Него к Богу, всегда жив сый, во еже ходатайствовати о них¹⁸⁰*. А и кровь телчая, действительно, братия, очищала грехи. Свидетельствовали опыты, что напр., среди язвы приносилась кровавая жертва, и – язва тотчас прекращалась, народ умирать от язвы переставал. Кольми же паче бесценная кровь нашего Ходатая, христиане, Единородного Сына Божия, Агнца закланного от сложения мира, кольми паче сия божественная кровь может очистить и спасти нас от смерти, когда она, она одна так действительна была и там в жертвах ветхозаветных только тенью своей и прообразованием! Ею только имеют силу и жертвы ветхозаконные. Без нее не было бы и там ничего; и в христианских Таинствах что могли бы мы получить спасительного? В Покаянии, напр., что получили бы мы без нее? Прибегли бы мы здесь и милосердию Божию: но сколь велико оно, столько же велика и правда Божия: а она требовала бы казни грешника. Но милосердие Божие побеждает правду, как? – кровью Сына Божия, милосердия ради милости за нас излиянной; ей любовь Божия торжествует над всеми нашими беспредельными свойствами Божиими: мы спасаемся ей! По сему-то особенно за Таинством Покаяния нашего следовать должно другое Таинство, источник всех прочих Таинств. Таинство Причащения Телу и Крови Иисуса Христа, как основание и печать во оставление грехов.

Для большего же возбуждения в нас чувств веры к сему все высочайшему Таинству спасения, Св. Церковь из святилища своего, называвшегося в древнем храме Божием святая святых,

сегодня изнесла нам пред глаза на середину церкви, – так как посреде земли соделал Господь спасение наше, – изнесла Церковь самое то очистилище, на котором совершено кропление крови в очищение грехов наших, самый тот жертвенник, на котором в первый раз принесена спасительная оная жертва о нас, очистилище новозаветное – Крест Христов. Не оставим же воспользоваться таким ее напоминанием о самом образе ходатайства за нас Сына Божия. А самая та жертва – Пречистое Тело и Кровь Его – перед нами всегда здесь, на алтаре Церкви. Вы уже исполнили, братия, или исполните во святой пост сей обе главные и существенные христианские обязанности, – принесли или непременно принесете покаяние, и примете или уже приняли святое Таинство Тела и Крови Христовой. Когда сделали вы или сделаете сие с истинной христианской верой: очищение наше от грехов и спасение несомненно, как верно слово и всякого приятия достойно, яко «Христос Иисус прииде в мир грешники спасти»¹⁸¹: на чем основывался, успокаивался и Божественный Апостол Павел, сосуд избранный. – Его словами мы оканчиваем. Аминь.

Беседа в четвертую неделю святого Великого поста

Сказана в Петрозаводском кафедральном соборе в 1842 году

Сей род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом.
Мк.9:29.

Это род ужасного недуга, какой описывается в читанной сегодня Евангелии. С той ли стороны так говорится о нем, что недуг сей был по действию духа злобы, или с той, что он был из детства человека им одержимого, – не сказано: впрочем и последнее понятие, что недуг был из детства, в особенности выставлено там, братия мои! Сам Господь прежде всего выводит оное на вид для нашего примечания. «Колико лет есть, отнелиже сие бысть?» – сперва спросил Господь по приведении к Нему несчастного, – спросил не для того, без сомнения, что Всеведущему якобы не было известно, или Всемогущество Его могло сколько-нибудь остановиться над одной силой времени, но – для того, чтобы свидетелям настоящего случая привести во внимание, с какого времени могло начаться столь страшное наконец несчастье бесноватого. Это время – то, братия мои, которое часто оставляют многие из нас без должного внимания, но которое бывает иногда началом величайших бедствий, – время детства. Пусть описываемый в Евангелии случай крайне редкий и особеннейший: но он образцовая картина, в которой для примера со всей резкостью красок изображена в лицах несчастная судьба человека, судьба с детства, с тем, чтобы мы страшились и иных каких-либо могущих быть бедственных последствий с возраста, по-видимому, невинного. И обыкновенные наши страсти, – сие самое своенравие, которое готово кидаться иногда озерь, как скоро ему не удовлетворяют, сия самая ярость, которая точит пены с досады, вражда, которая скрежещет зубами, леность до оцепенения, сие самое корыстолюбие, которое идет даже в воду, в явную погибель, лишь бы приобрести что-либо, сие самое сладострастие, которое бросается в огонь вожделений (мы заимствуем черты

сии из сегодняшнего евангельского сказания), всякое такое и подобное состояние душ наших, братия, что, как не застарелые болезни душ, болезни, коих зародыши часто бывают еще в детстве, в своеолии некоторых, в неудержании порывов неразумия, в неограничении чувств от вожделений и подобных опасностей нашей юности? Я затрудняюсь теперь, слушатели, о чем бы продолжить еще сколько-нибудь слово к благочестию вашему: об охранении ли детей от порочных склонностей в самом нежном их возрасте или о врачевании уже заматорелых страстей в нас самих, братия мои? Но пусть будет беседа на сей раз общей и относительно детей, и относительно взрослых. Слово по Евангелию – о том именно, что и в детстве надобно предохранять людей от порочных склонностей, и в возрастных искоренять, по крайней мере обуздывать порочные страсти можно не иначе, как способами благочестными, молитвой и постом; по крайней мере при других способах нельзя обойтись без них в особенности.

«*Прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его*», – говорит нам Слово Божие¹⁸² и ежедневный опыт, равно как и опыт веков. И не против сего ли собственно должны быть все первые попечения о детях? Попечений уже не мало. Кому не известно, сколько и как в просвещенные веки стараются о направлении детей к добру с самого первого их возраста? К иным почти с рождения приставляют бдительных руководителей; иных отдают просвещенным наставникам; иных воспитывают в местах образования; иных держат и дома в некоторой непрерывной строгости поведения, преследуя каждый шаг замечаниями; иных, вместо игр, садят тотчас прямо за труды и пр. и пр. Прекрасно все: одно удаление праздности от детей есть уже удаление от них матери пороков, как издавна зовут праздность нравоучители. Но если все попечение о нравах детей ограничивается теми только или подобными способами, о которых сейчас упомянули мы, то средств сих для детства, положим, и весьма достаточно; но для жизни в зрелых летах очень мало, даже едва ли иногда не опасны они для нее? Братия! Вы непрерывно внушаете детям, иногда напр., что нехорошо себя держать, иногда, – что говорят невежливо,

иногда, — что поступают дурно: дитя искренно слушает вас и возрастает в ваших правилах, выправляясь в меру вашего образования. Но смотрите, не образуется ли таким образом только внешний человек? Не сглаживаются ли только наросты природы в лукавство? Не присмиревают ли врожденные склонности только до первой свободы? А действительная жизнь людей потом в самом деле представляет тысячи опытов, что под цветами и блеском образования давно затаивались коварство, лесть, происки, гордость, даже наглость; что все и подобное со временем становится уже совсем не детским.

Когда, впрочем, говорю таким образом, избави Бог, чтобы думал я худо мыслить о возрасте невинном, любезном Самому Господу нашему Иисусу Христу. О том и слово мое, чтобы вы, родители и воспитатели, не отчуждали сей святой возраст от Господа одними человеческими попечениями; но более и более близили его к Господу, и соединяли навсегда. Паче всего пусть дети знают Отца своего Небесного; пусть обращаются к Нему с детскими своими чувствованиями, находят особое удовольствие в том, чтобы беседовать с Ним в простоте своего сердца; пусть призывают благословение Его и в начале, и в конце каждого дня, перед столом и после стола, перед занятиями своими и после; пусть по дому своем более всего знают они дом Божий и священные здесь упражнения. Пусть умеют они и в домах своих соблюдать по силам святые учреждения веры, иметь к ним свойственное возрасту послушание, привыкать сколько-нибудь к священным лишениям, какие вера заповедует по временам в самой пище и питии. Такое общение с Богом и о Боге столько принесет им чистоты и света, что благодать просвещения, которого сподобились они еще в пеленах через святые Таинства веры, будет в них истинно тем, чем быть ей надобно, — духом, духом евангельским, Христовым. А сей дух будет неизъяснимо охранять их от заблуждений ума и от поползновений сердца. Переменится со временем состояние детей; они растут, встречаются с соблазнами мира, подвергнутся искушениям всякого рода с развитием возраста. Но когда они приобучили себя еще заранее обращаться к Спасителю Богу в простоте сердца, с испрашиванием от Него помощи, и самую плоть свою

воздержанием покорять духу: они предохраниются от множества опасностей жизни, и, когда впадут в какие-либо опасности от общей слабости человечества или искушений, не закоснят в них, но при помощи Божией станут доблестно своджаться от них.

Без помощи Божией, с одной стороны призывающей искренним возношением сердца к Богу и смирением духа, с другой – без ограничения плоти своей воздержанием в духе благочестия, возможно ли, братия мои, природу нашу, столь живую и пылкую, какова она особенно в юных летах, держать чем-либо иным в желаемой безопасности? Но сказать при том надобно, что сии-то самые средства спасения – молитва и пост – никогда так не могут быть удобны и действительны, как в тех летах, когда человек еще без предубеждений, и когда на не занятом ничем сердце легко может печатлеться все, что будет прикасаться его. Куда наклонится молодое дерево; туда оно и гнется далее в своем росте.

Говорю для того, что некоторым могут показаться такие дела благочестия ранневременными для детей. Нет, братия; история верующих свидетельствует, что многие из избранных соблюдали известные дни поста даже еще в пеленах, а молитвенные восхищения имели и в утробах матерних. Дети и там еще могут и должны быть приготовляемы к молитвам и посту. Когда Ангел благовестил жене доброго Маноя, одного благочестивого мужа еще по ветхому закону, что родится от нее сын; присовокупил далее в наставление будущей матери Сампсона: «*И ныне блюдися, и не пий вина и сикера, и не яждь всякаго нечистаго: яко се ты во утробе приимиши, и родиши сына, – яко Назорей Богови будет сие отроча от чрева*» (Суд.13:4,5).

Если же пост и молитва столь нужны еще в детском возрасте, даже в утробе матерней, для чистоты или очищения природы; то что сказать – для нас, возрастных? Укрепясь в летах и состареваясь в образе своей жизни, мы, конечно, обращаемся иногда, братия, размышлениями души к делам юности и думаем, как было бы хорошо, если бы не было у нас таких и таких привычек, кои вред и тяжесть сами в последствии

чувствуем с болезнью сердца, и как просто было избавиться от них в то время, когда сердца наши не ожестели еще в них? Между тем с течением времени из наших навыков образовались позади нас горы; горы сдвинуть надобно, если бы мы решились возвратить себе прежнее непорочное состояние. И думаем ли мы отодвинуть такие препятствия собственными силам, если бы и захотели? О! Кому не известно совершенное наше бессилие в том по природе! Святое Евангелие считает исправление грешников в ряду чудес благодати Иисуса Христа, каковы, напр., исцеления болезней неисцельных, воскрешение мертвых. Так, – и воскрешение мертвых. Когда Предтеча Христов, проповедник покаяния, должен был препроводить учеников своих ко Господу Иисусу и послал к Нему некоторых из них с вопросом, на который ответ нужен был для их удостоверения: Он ли ожидаемый Спаситель, или ждать иного? – скажите Иоанну, – ответствовал Господь, – «что слышите вы и видите: слепии прозирают, и хромии ходят, прокаженные очищаются, и глусии слышат: мертвии востают, и нищии благовествуют»¹⁸³. Благовествуют нищим, – как бы так на подлинном языке было сказано, – нищим духом, тем, которые ничего доброго в себе не имели: те ныне счастливы и прославляют свое блаженство. Сии счастливые люди, слушатели, по изъяснению святых толкователей Писания, – грешники, помилованные Господом!

И нам, посему, для исправления своей жизни, для искоренения в себе страстей надобно поступать не иначе, как прибегать ко Господу с искренним смирением и покаянием. Он один силен вновь создать в нас сердце чистое, и дух прав обновить во утробах наших¹⁸⁴. Что ни стали бы мы делать без сего, все будет напрасно. Пусть даже сегодня возвысишься ты силой своей воли; завтра падешь еще ниже. Положим, истребишь одно зло, впадешь в горшее. «От Господа стопы человеку исправляются», – говорит Слово Божие¹⁸⁵. «Якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе, отделясь от ствола, – глаголет Господь Иисус, – тако и вы, аще во Мне не пребудете»¹⁸⁶. Без Мене не можете творитиничесоже.

С нашей стороны довольно – одного только непрепятствования действиям благодати, и при том с ее же помощью, – удаления самого вещества, коим питаются, горят страсти, чем обыкновенно бывает не только излишество, но иногда и довольство пищи, пития, покоя. Дело совершенно похоже на врачевание болезней телесных. Мы прибегаем в них к помощи врача: врачевания и подаются; но они будут недействительны, если не будет с нашей стороны образ жизни воздержный. «Просите, – говорит нам Слово Божие относительно душевных наших нужд, – просите, и не приемлете, – а от чего? – зане зле просите, да в сластех ваших изждивете»¹⁸⁷.

О чём, впрочем, беседуем теперь, братия, о том одном непрерывно уже давно настоит в нынешнее особенное время общего нашего очищения Св. Церковь самым делом своим. Молитва и пост, пост и молитва – вот духовные упражнения, в коих особенно настоит святая Матерь наша в то время, как мы должны быть заняты испытанием себя, очищением и исправлением. Те же самые, почти одни такие упражнение увидели бы мы во всякое время и на особенных поприщах благочестия, где подвизались и подвизаются по Господу люди, единственно уже занятые своим спасением. Так существенны молитва и пост, пост и молитва в жизни по Господу! Нам, живущим в мире, надобно ныне, если можно, усугубить их: ибо чем крепче, долговременнее и опаснее какие-либо недуги; тем усиленнее нужны врачебные средства.

Примем же их с готовностью, употребим с точностью: польза несомненна; не бывало человека, который, по милости Божией, не получил бы от молитвы и поста душевной цельбы, когда кто истинно пользовался ими. Аминь

Беседа в четвертую неделю святого Великого поста

Сказана в Петрозаводском кафедральном соборе в 1831 году

Сей род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом.
Мк.9:29.

Обратим теперь, слушатели, особенное внимание на слова, кои составляют, можно сказать, печать описываемого в сегодняшнем евангельском чтении события, силу того евангельского сказания, – на слова, кои ныне отдельно взяли мы из чтения. Минуя историю о минувшем, повторяем ныне, братия, относительно к себе самим по времени настоящего собеседования, тот пребывающий во веки и всегда действенный глагол Божий, что молитва и пост могут спасать людей от действий духа злобы самых ужасных и жестоких; когда бы ни были средства сии употреблены, как христианское милосердие со стороны близких, при всем бессилии тех самых людей, для которых христианское пособие нужно. Чрезвычайные случаи ужасны, но и редки! Не будем однако же обольщать себя, братия, и совершенной безопасностью. Супостат наш диавол, – говорит Слово Божие, – «яко лев рыкая, ходит иский кого поглотити»¹⁸⁸; а действия его, как духа, – невидимы, тонки и обольстительны. Довольно и обыкновенных его козней. В самой природе у нас остается еще множество пагубных склонностей, давно засланных сюда сил врага, противу коих надобно нам подвизаться. По сему-то Спаситель наш, христиане, заповедал нам молитву и пост не на чрезвычайные только случаи жизни, но положил оные в Завете Своем в ряду постоянных обязанностей наших по вере. Нет нужды распространять здесь слово о необходимости и важности таких обязанностей: вы сами, слушатели благочестивые, свидетельствуете о них делом лучше всякого слова. Многочисленные собрания ваши в доме молитвы, череды говеющих на каждой седмице святого поста, сами собой с какой-то стройностью составляющиеся, должны, как и надобно быть в городе правительственном, должны

послужить примером для всех пределов паства. Куда в ней ни отлучаюсь я от вас по долгу служения¹⁸⁹, везде воспоминание мое о ваших здесь собраниях сопутствует мне, как Ангел-утешитель, подавая повод приносить и инуда в душе моей благожелание, чтобы везде так было, как здесь! В большее однако ж соутешение общее, ваше и мое, побеседуем ныне – не о силе поста и молитвы, ни тем менее, о необходимости их, но – только о союзе, какой находится взаимно между молитвой и постом, дабы видеть, как лучше и спасительнее исполняются они в совокупности, или лучше, дабы наиболее порадоваться о том, как хорошо уже делаете вы!

Понятие о союзе между молитвой и постом не есть примечание, как бы случайно извлекаемое теперь из одного только слова Писания, положенного в основание беседе; хотя и в одном каком-либо слове Господа заключается достаточное основание всякой истине. Истину, теперь примечаемую, ясно внушиает Писание Божие на многих местах ни словами, и примерами. «*Да пребываете в посте и молитве*», – говорит оно негде¹⁹⁰: «*бдите и молитесь*», – убеждает инде¹⁹¹. Сии же самые понятия взаимно совокупляет оно в изображении благочестия праведных, сказывая, напр., что они постом и молитвами служили Богу¹⁹². Те же выражения писатель книги Деяний Апостольских употребляет в описании Богослужения Апостолов: напр., «*служащим им Господеви и постыющимся, рече Дух Святый*»¹⁹³ и пр.; «*Тогда постившиеся и помолившиеся – отпустиша их*»¹⁹⁴ и пр.; и «*помолившиеся со постом, предаша их Господеви*»¹⁹⁵ и пр. Пример Илии, сколько мощного молитвой, которая заключала небо и отверзала, столько же крепкого постом, который наложил он на себя и на землю: пример Моисея, который в четырехдневном единобеседовании с Богом столько же времени пребыл не ядый, ни пияй; пример Самого Законоположника нашего, христиане, Господа Иисуса Христа, Который перед вступлением в открытое служение роду человеческому благоизволил приготовить Себя сорокадневным пребыванием в пустыне, – месте лишений и молитв: – сии великие примеры научают нас, – не говорим уже теперь, сколь нераздельно соединены между

собой в истинном благочестии пост и молитва, но – сколь наиболее необходимо такое соединение их для нас, людей обыкновенных, слабых, требующих, поистине, не одной, но многих и соединенных сил в служении Богу или устройстве своей жизни!

Подлинно, братия мои, мы не только состоим из двух природ, духовной и телесной, но и видим, непрестанно чувствуем в себе, – не скажу, что «дух убо бодр, плоть же немощна», каковое состояние есть уже состояние людей, возвышенных по крайней мере одной половиной своего существа, состояние избранных Христовых¹⁹⁶, но, – что плоть, как сказано для Галатов, «плоть похотствует на дух, дух же на плоть; сия же друг другу противятся»¹⁹⁷. Когда таково состояние наше, то для усмирения сей внутренней брани, для приведения всего существа нашего в стройность, что составляет на языке разума совершенство, а на языке сердца – благополучие, нужно действовать вдруг на обе природы наши, на душевную и телесную. К улучшению первой служит молитва, второй – пост, к благоустройству всего существа нашего – то и другое совокупно.

Казалось бы, что приятнее, что удовлетворительнее для духа нашего молитвы, составляющей стихию, пищу, – все для существа происхождение небесного, и к небу стремиться всегда долженствующего? Что из вещей земных, составляющих так называемые удовольствия, принесет самодовольство бессмертному духу нашему, когда и истощившиеся в изобретениях мудрецы, равно как и в наслаждениях оными счастливцы, говорили, что все здесь суeta suet, одно крушение духа¹⁹⁸? Думает ли кто из нас удачнее открыть истинное благополучие там, где доселе все опыты веков находили одно самообольщение? – но и не испытала ли иногда, в златые часы или спокойствия или сокрушений, душа каждого из нас, братия, что настоящие блага – не для ней, не испытала ли с такой же почти очевидностью, с какой видим опыты разлучения душ от телес, непрерывные преходжения их в иной мир? И потому, что, еще говорим, казалось бы, сладостнее и удовлетворительнее для души нашей того состояния, когда она еще и в теле сем,

коим привязана к земле, обращается к небесам, возносится туда, и дарованными ей по образу и по подобию Божию чувствами достигает Самого источника жизни и блаженства, и погружается в Нем, как дуновение в безднах воздуха, или – нет! – еще беседует с Богом то благодарениями за великие милости, то исповеданиями своих согрешений, то молениями о прощении оных, то испрашиваниями помочи для препровождения жизни здешней, то славословиями величия и чудес Отца Небесного! Но вемы, скажем словами великого Павла каждый за себя¹⁹⁹, вемы что закон, закон общения души нашей с Богом, духовен есть: аз же плотян есмь, продан под грех. – *Не еже бо хощу доброе, творю: но еже не хощу злое, сие сodelоваю. Еже хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю.* Соуслаждаюся закону Божию по внутреннему человеку: вижду же ин закон во удех моих, противуюющ закону ума моего, и пленяющ мя законом греховным. Что таким образом сказал великий Апостол о человечестве, приняв на себя как бы общее лицо всех нас, коим, действительно, каждому говорить так надобно, то в раздельности и собственно касательно возвышения мыслей наших к Богу непрестанно видим мы на опыте в себе самих. Хотим утренневать к Богу, предварить лице Его во исповедании: но сколь часто плоть не может воспрянуть из-под своей тяжести! Едва раскрываются отверстия ее, для проницания через них души устроенной; и – они снова затворяются, снова заключают душу в темноте своей! Преодолеваем рабу, стаем в присутствии Господа здесь или на всяком месте владычества Его: но сколь не редко немощи плоти еще вопиют со своими требованиями, с сетованием, даже с ропотом; и – молитва или через меру сокращается, или происходит с рассеянностью, даже со скучой, в грех, по крайней мере без умиления, без плода! Оставим уже говорить, что сии немногие часы, посвящаемые душе и Богу, далеко недостаточны освятить все остальное, – занятия наши и время, даже и то время, которое проходит в бездействии, – как бы требовал такого освящения долг служения Богу истинного. Минуты очищений, и – сколько осквернений! Источник известен. Сия самая слабость плоти, сия самая тягость ее, сие самое

накопление в ней разнородных нечистот роскоши, лености, сладострастия, гнева, зависти и иных делают то, что и в чистую стихию души, в каком состоянии должна бы она быть по крайней мере на молитве, проторгается разновидный дух или хлада или нечистоты, подобно как заражается и самый чистый по себе воздух от близости мест злосмрадных или холодных. Некто из подвижников, впрочем только так именующихся, спросил однажды подвижника истинного, Пимена великого: «как приобрести мне страх Божий?». Пимен сказал ему с обычным для праведников смиренномудрием, ставя т.е. и себя в то же состояние, о коем говорить нужно для других: «Как можно нам приобрести страх Божий, когда чрево наше как сырная лавка и как бочка с мясом или с рыбой?».

Итак для очищения души, для воскриления ее к Богу, нужна, братия, и чистота или легкость тела. Вы уже упреждаете слово мыслью, что средством к тому есть пост. Так, воздержание производит ясность в мыслях и сердце; ни мысли не помрачаются, ни сердце не отягчается тогда излишними парами, исходящими из нашего чрева. Самые члены тела бывают легче, когда тело не обременено излишеством пищи или пития. Истина видимая, осязаемая, чувствуемая! Не то ли в особенности требуется и при телесном врачевании, чтобы с лекарствами соображен был самый образ жизни, известная ограниченность в пище, питии и покое?

Поспешим видеть, что как для молитвы нужен пост, так для поста нужна молитва. Поскольку воздержание есть дело нравственное, дело богоугождения, а не случая и необходимости; то оно было бы делом только плоти, истинной тяжестью для плоти нашей, и притом тяжестью напрасной, ежели бы не воодушевлял нас в подвиге поста дух, дух благочестия, возношения себя к Богу. Иначе пост был бы, говорим, делом плоти. Кому из слушателей Евангелия не довелось заметить, как Господь наш строгие пощения фарисеев, в ином духе исполняемые, относил по внешности к телесным только работам их по закону, но внутренности – даже к страстям честолюбия, гордости, скверноприбытчества и другим? Страсти, хотя и обольстительно, конечно, услаждали для фарисеев

трудность пощений. Но если они собственно и вредят подвигам благочестия; то одни пощения сами по себе, подлинно, могут сделаться тяжкими, скучными, бременем для немощной нашей плоти. Но оживите их духом истинного благоговения, соедините труды плоти с деятельностью душевной, с возношением мыслей и сердца к Богу; и сия слабая плоть будет тогда в состоянии умножить, распространить подвиги воздержания, даже с удовольствием особого рода, делаясь и сама легчайшей, телом, как сказал Апостол, духовным²⁰⁰. Тогда-то приходит в исполнение слово Господа, яко «не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе исходящем изо уст Божиих»²⁰¹. Тогда-то открываются во всей своей силе те изумительные подвиги постников, о которых сказывают нам священные наши книги. Там, у подвижников, сокращению трапезований обыкновенно соответствовало распространение молитвословий; что предлагает и нам, братия, ныне Св. Церковь во дни Великого поста. Продолжительны церковные службы; должны быть малы обеды. Если бы «стояния» здесь в доме молитвы показались для некоторых длинными, то можно сказать, что и самый пост есть не столько подвигом, сколько средством или пособием к подвигу, состоящему собственно в очищении души, в воспитании человека внутреннего, в возвышении духа нашего к Богу. Иначе не весьма ценен, повторю, всякий плотский подвиг. Никакого телесного подвига не имеют бесплотные духи; и однако ж это не препятствует одним из них, Ангелам, быть совершенно добрыми, другим, демонам, – постоянно злыми. Словом, – когда подвиг плоти, которой облечен дух наш, подвизающийся еще в исторжении себя из зла, должен быть делом богоугождения; то он должен быть не иначе, как с искренней любовью к Богу. Велик он, но – тогда, когда, по выражению Пророка-Царя²⁰², все кости наши, не одни уста, чего не одобрял Спаситель²⁰³, все кости наши рекут: Господи! Господи! Иначе труд напрасен. И аще предали тело мое, во еже сжечи е, – говорит Апостол, – любве же не имам, ни кая польза ми есть²⁰⁴, – любве, которой истинный признак есть общение с тем, кого любим.

Итак молитва и пост, пост и молитва у человека христианина то же, что у птицы крылья. Птица об одном крыле, каково бы оно ни было, подняться на высоту не может, тогда как при обоих поднимается с удивительной легкостью и быстротой. Так и христианин, полагая восхождение в сердце своем к Богу, тщетно стал бы утомляться в подвиге молитвы без поста, если бы то было и возможно, равно как и – в подвиге поста без молитвы; тогда как при содействии молитвы и поста со всей легкостью воспаряет он горе, на верх совершенства в благочестии. И потому истинный любитель благочестия должен помнить такой закон взаимных отношений между средствами к успеху в благочестии, сей путь восхождения к Богу. – Хочешь истинно молиться, и – постись; хочешь истинно поститься, и – молись!

Известно, что не редко порываются, даже с пламенным желанием, к исполнению дел веры и те из нас, братия, которые пробуждаемся в совести своей только по временам: но гораздо реже того сколько-нибудь подвигаемся вперед в исправлении себя – от чего? От того, что ставим в виду свое только предмет или цель и не употребляем средств, кои к достижению их назначены от единого Подвигоположника Господа Бога, или употребляем не так, как назначено. А кто же из вас может положить иные основания, иное устройство, иные соотношения между природами вещей или истин, кроме тех оснований, которые дал им Создатель, и которые он охраняет Своим Промыслом? Иначе поступать значит требовать невозможного, как то не редко и можно услышать при рассуждениях о делах благочестия: «кто убо может спасен быти?» У человек, подлинно, сие невозможно есть, сказал Спаситель: «от Бога же вся возможна»²⁰⁵. Начните и вы, страшасицеся подвигов благочестия, или сетующие среди их, начните дело так, как учредил Бог, станьте на тот путь, который указан в Его Слове, прибегните к Его помощи, поставя даже грехом надежду на собственные силы; и – вы не только увидите, что иго заповедей Господних благо и легко, но и сами с радостью возмете его на себя²⁰⁶. По крайней мере, не станем судить пока о нем по

собственным нашим понятиям, кои отстоят от Божиих, как восток от запада.

Из среды вас, братия-христиане, не предполагаю я ни единого, кто не возжелал бы исполнять долг благочестия, предстоящему времени святого поста и молитв принадлежащий, долг – и с его правилам или средствами. В особенности же пастырски успокаивается дух мой на тех из христиан, которые постоянно разделяют в пост со Св. Церковью часы общественных молитвословий ее, и, без сомнения, помнят заповеди поста в домах своих, – на вас, кто считает за непременное и в сей год принести истинный плод покаяния – исповедаться и приобщиться святых Таин во освящение души и тела. «*Елицы правилом сим жительствуют, – скажу с Апостолом, – мир на них и милость, и на Израили Божии»*²⁰⁷! АМИНЬ.

Беседа в неделю пятую святого Великого поста

Сказана в Донском кафедральном соборе в Новочеркасске
1 Апреля 1845 года

Отпускаются грехи ея мнози, яко возлюби много.

Лк.7:47

В нынешний недельный день, по уставу Св. Церкви, сверх Воскресения, празднуется Преподобной матери нашей Марии Египетской. В настоящий год привелась на сей день и рядовая память ее по месяцеслову. Утешительное воспоминание для кающихся – память Марии Египетской! В один из дней минувшей седмицы на Утрени повторен был нами вдруг весь тот Великий Канон Покаяния, которого по частям достает на все Великие Повечерия первой седмицы поста: а в каноне сем, после молитвенных вздоханий к Богу человека кающегося, несколько раз присовокуплялась краткая молитва и к Преподобной Матери Марии. Мария – чудный образ истинного покаяния грешников, опыт особенного Божия милосердия к кающимся! С ней сбылось в самой высокой степени ясности то, что сказал Господь наш в Евангелии: «отпускаются грехи ее мнози, яко возлюби много»! Сей образ покаяния человеческого и милосердия Божия представляет нам Св. Церковь ныне, в неделю пятую всеобщего покаяния, в последнюю неделю поста, – так как с самой почти недели Ваий будет уже говение наиболее для воспоминания страданий Господних, нежели для покаяния собственно, – в настоящую, говорю, последнюю покаянную неделю представляет нам Церковь образ Марии Египетской, с тем, братия мои, чтобы прибегли к покаянию и самые последние из нас, доселе остававшиеся без покаяния, или чтобы не отчаявались в своем покаянии и самые обремененные грехами. Истина известная, особенно по Евангелию Христову, что Бог с особенной любовью приемлет покаяние грешников, и радость бывает на небеси о едином грешнице кающемся более, нежели о девятидесятих и девятери праведник, иже не требуют покаяния²⁰⁸. Удивительное,

неимоверное дело! Но это точно так в Слове Божием, слушатели. Побеседуем мы ныне о сей утешительной для нас истине.

Давно уже по настоящему времени беседуем мы о ней в Церкви Божией. С самых дней приготовления к посту что слышали мы в чтениях святого Евангелия и в сообразных с ними песнопениях Церкви? – Призыв грешников к покаянию, любовь Божию ко грешникам кающимся и радость о них еще большую, нежели о не требующих покаяния! Лишь отверзались двери покаяния, первое всех явился при них мытарь, который, стоя в храме Божием у порога, не дерзал и очей возвести к Богу от множества грехов, а только бил себя в перси с тайной молитвой: «Боже, милостив буди мне грешнику!» и – вышел из храма оправданный, паче праведного фарисея²⁰⁹. От притчи мытаря и фарисея переведены мы были в следовавший тогда воскресный день к притче блудного сына, к самой утешительной для грешников, по словам святых Отцов, притче Евангельской²¹⁰. В воспоминательный после того день страшного будущего суда мы видели в Евангелии идущими в живот вечный праведников, а во огнь вечный – нечестивых; но это там, где уже нет и нам не будет места покаянию. При том же и здесь зрели мы отверженными тех, которые даже и на суде Христовом не каялись, а только оправдывали себя, будто ничего худого в жизни не делали: и там зрели мы, братия, в чине благословенных наследников Царства Небесного людей, которые в смирении исповедовали, что они ничего доброго в жизни не сделали²¹¹. В самый последний перед постом день Евангелие столько радостно благовествовало Божие прощение всем имеющим каяться, что Иисус Христос, можно сказать, вручил прощение всем нам даже в собственные наши руки, объявив, что если простишь ты, каждый, другим, прощено будет от Бога и тебе; а если нет, то ни Отец ваш Небесный отпустит вам согрешений наших²¹².

Что же, впрочем, говорим мы о Евангелиях, читанных наш Церковью перед постом и покаянием, о чтениях, кои само собой должны быть избраны в приличие дням? Можно сказать, братия, – все Евангелие Христово возвещает нам именно призвание

грешников на покаяние, любовь Божию к кающимся. «Покайтесь!» – было первое слово Господа Иисуса Христа; «покайтесь!» – было первое слово и Предтечи Его²¹³. Христос и начал Свое благовестие и служение роду человеческому в Галилее, в Галилее язык, в стране и сени смертной, она была образом всего помрачившегося нравственного мира²¹⁴. Везде Иисус Христос обращался ко грешникам, с ними иногда ел и пил, им друг был и мытарям, прокаженных не гнушался, гласным блудницам торжественные давал прощения. Так делал Господь; а словом Своим и ясно всем возвещал, что грешники – предмет Его попечения; для них Он и пришел на землю. «Не приидох бо, – говорит Он, – призвати праведники, но грешники на покаяние», так как и не требуют здравии врача, но болящий²¹⁵.

Когда столь небесное учение не вмещалось в понятиях праведников иудейских, фарисеев и книжников; когда они блазнились благостью Иисуса Христа ко грешникам: Господь Иисус изъяснял им Свои расположения к людям опытами даже из обыкновенной человеческой жизни, – опытами, из коих видно, что точно так расположен ко грешникам Сам Отец Небесный, и даже в природе человеческой давно поместил уже подобные расположения. «Кий человек от вас имый сто овец, – говорил Он однажды праведникам книжным, – и погубль едину от них, не оставит ли девятидесяти и девяти в пустыни, и идет в след погибшия, дондеже обрящет ю. И обрет, возлагает на раме свои радуяся; и пришед в дом, созывает други и соседы, глаголя им: радуйтесь со мною, яко обретох овцу мою погившую. Глаголю вам, – продолжал Господь²¹⁶, – яко тако радость будет на небеси о едином грешнице кающемся, нежели о девятидесятих и десяти праведник, иже не требуют покаяния». С подобными пастырскому чувством скорби, – еще далее говорит Иисус Христос, – с подобным чувством скорби жалеет женщина об одной из десяти потерявшейся у ней драхмы; также ищет ее, также радуется по отыскании. У одного отца, – еще и еще продолжал слово о том Господь – столь слово сие о любви Божией ко грешникам любезно было сердцу, сладостно в устах Иисуса Христа! – у

одного отца было два сына: младший, по своему легкомыслию, заставил отца отделить его, и со всем имением удалился на чужую сторону. Там вскоре истратил он все самым распутным образом и дошел наконец до такого состояния, по слухам голодом в том месте, что рад был сделаться пастухом свиней и разделять иногда пищу с ними, да и той не позволяли ему. Однажды тронувшись, глубоко тронувшись своим положением, между тем как у доброго и богатого отца его чужие, наемные люди, все были сыты и довольны, решился идти к отцу обратно и испросить у него прощение в своей дерзости против отца и в разгульной жизни. Отец давно уже занят был ожиданием, не возвратится ли несчастный сын, и непрерывно смотрел в ту сторону, откуда быть ему надобно: наконец увидел издали. И мил ему бысть, и тек нападе на выю его, и облобыза его. Тотчас велено было рабам переменить рубища его на самую лучшую одежду, на болящие от пути босые ноги надеть мягкую обувь, и, в знак союза с отцом и разделения с ним господствования в доме, дать на руку его перстень. Между тем заклали наилучшего тельца; составилось в доме торжество для всех с пением и ликами. У отца был всегда с ним старший, добрый сын: но подобного праздника для него никогда не бывало! – Не так ли, подлинно, бывает между самими вами, люди, – как бы так говорил теперь Господь, – что отец, радуясь о добром сыне, который находится при нем неотлучно, еще с живейшим чувством радости приемлет в свои объятия сына заблудшего и возвращающегося к нему из страны далекой, в которую увлечен был своеолием и распутством? Кто влиял в сердце отца такие, по-видимому, странные чувства к недостойному сыну? Кто внедрил в старую женщину жалость сердечную о потере одной копейки, когда у ней оставалось еще девять? Откуда такая озабоченность в душе пастыря, что он бегает по горам и стремнинам, для отыскания одной, по глупости своей отставшей от стада овцы, хотя и имеет перед глазами еще девяносто девять? Создатель, Отец Небесный, дал людям такие неизъяснимые расположения сердца; Он создал сердца человеческие: в них видно собственное Его чувство любви к заблуждшим, к потерянным, к погибающим! Как же вы думаете,

— еще продолжается слово Господа под притчами, — как же вы думаете, люди, что Сам Отец Небесный менее людей может быть чадолюбив; менее попечителен, менее промыслителен о Своей овце заблуждшей, о Своей потерянной драхме, о Своем сыне удалившемся? И не здесь ли надобно сказать еще, что если вы, «зли суще»²¹⁷, умеете таким образом жалеть своего; то Отцу ли Небесному отказать в подобном благосердии?

Блудный сын, потерявшаяся драхма, заблудившаяся овца — мы грешные у Бога! Итак, готовность особенной любви отца Небесного ко грешникам несомненна, известна, как собственное наше сердце. Но, кажется, самое величие сей любви, безмерность, даже как бы несправедливость невольно заставляют нас, христиане-братия, еще ближе вникнуть, от чего она такова. Надобно вникнуть не в пререкание такой любви, но для того, чтобы из небесных сокровищ милосердия к нам Божия не опустить нам без внимания сокровеннейших, самых лучших из них, составляющих особливое богатство благости святой веры христианской. Евангельский отец распутного сына, при недоумении о том сына доброго, сам изъясняет свое сердце в любви к сыну порочному так, что «сей сын мертв бе, — говорит,— и оживе; и изгил бе и обретеся, и что не только отцу, но и тебе, добрый сын мой, сын праведный, надобно о сем возрадоваться». Заглянем опять в собственную нашу душу, братия! Что сами мы сказали бы, когда бы кто с досадой, а не с участием смотрел на то, что какой-нибудь погибший, подобный нам человек нашелся, считавшийся мертвым — явился живым, или даже мертвый — ожил? Не самый ли это был бы верх жестокосердия, если бы мы иначе в подобных случаях расположились даже ко врагам нашим, к тем, чья погибель и смерть могутносить нам безопасность? Как же не иметь нам сострадания к погибшим и умершим душевно, каковы все грешники, отказать в нем Самому Господу Богу, Который по Своему всемогуществу не подвержен никаким ни от кого опасениям, а по первому и, если можно сказать для понятия нашего, главному Своему Творческому чувству, и не может иначе располагаться к ним, как охраняя бытие их вечным и непрерывным Своим действием, Промыслом Своим? Прекрасно

Св. Богослов Дамаскин²¹⁸ изобразил первое, если можно так еще сказать для наших понятий, чувство Создателя к созданиям, еще до их существования. Св. Дамаскин сказал: «Егдаже не довляшеся благости Божией зretися видением себя самой: она помышляет о творениях; и аbie помысл дело бысть». Истребление грешника, коль скоро можно еще спасти ему, получить новую жизнь, было бы крайне противно сему первому чувствуию Божию и вечному, повторю, непрерывному Его Делу, Его Промыслу. Так давно, так глубоко, так вечно, так божественно чувство Господа Бога, о котором Сам Он говорит в Слове Своем: *«живу Аз, глаголет Адонаи Господь, не хочу смерти грешника, но еже обратитися нечестивому от пути своего, и живу быти ему»*²¹⁹.

И весь мир, весь род человеческий, повинен Богу²²⁰; все во Адаме согрешили и грешим. Одно только милосердие Божие спасает всех, призывает ко спасению. Как мы спасаемся ныне верой в Ходатая нашего Сына Божия, так прежде пришествия Его на землю верой спасались люди, верой во грядущего Избавителя. Сам Авраам, избраннейший из Патриархов, отец верующих, так же, не иначе спасся, по слову Апостола Павла. «Где убо похвала, – продолжает Апостол слово о таком способе спасения далее, – чем кому хвалиться, когда все верой, все благодатию Божией призываются ко спасению? От чего же, – слово у нас теперь об этом, – отчего ж некоторым отчаиваются в Божием помиловании, если и они возжелаут искать оного покаянием и исправлением своей жизни?

После всего того, что доселе видели мы из Писаний Божиих о любви Божией ко грешникам кающимся, или паче ко всему роду человеческому, я уже смел бы с дерзновением, внятнее произнести теперь и перед миром, который хвалится нежностью своего слуха и слова, но по духу своему в Слове Господнем называется миром прелюбодеинным и грешным – смел бы произнести хвалу, какой Св. Церковь ублажает праведников своих, из бездны греха восшедших путем покаяния на высочайшую степень евангельского благочестия. Нам нужно твердо знать такой образ понятий, для того, чтобы стыдились мы, как нельзя более, грехов и беззаконий, а не покаяния, –

стыдились бы делать грехи, а не исповедоваться в них, или говорить о них, как говорят о бедствиях, коих надобно осторегаться. Какая же это похвала святым, которую трудно даже произнести со внятностью перед миром без какого-либо предварительного извинения? Сегодня похвала Преподобной Матери нашей Марии Египетской, – Кондак Преподобной: «Блудами первое преисполнена всяческими, Христова невеста днесь покаянием явися; Ангельское жительство подражающи, демоны Креста оружием побеждает: сего ради царствия невеста явилася еси, Марие преславная!». Кто у нас, слушатели, и из самых низких женихов согласится взять себе невесту распутную? В каком смысле такую невесту назовут еще невестой царствия, лучшей в целом царстве, и где же? – в Царстве Божием? Но столь любезно для Иисуса Христа Бога нашего покаяние, что Он самые грешные, но покаявшиеся души сопрягает с Собой, по слову Апостольскому²²¹, тайною великою, тайною любви, составляющей тайну чудной нашей веры, христиане! Он делает так и прославляет покаявшихся особенною славою, для того, без сомнения, чтобы никто из нас, никто, и самый грешнейший, не сомневался приступить к покаянию, не отчаялся в своем спасении, как скоро покается.

Но вслушались ли вы, братия? Не увлеклись ли уже все мы без меры милосердием евангельским ко грешникам? Вслушались ли мы, что Бог любит грешников, – но кающихся, сокрушающихся, подвизающихся в исправлении себя, в трудах благочестия, в противоположность бывшей их грешной жизни, а не таких, которые остаются, коснят во грехах? Преподобная Мария, по обращении своем на путь истины, 47 лет жила в пустыне, при всех лишениях, с одной молитвой и сокрушением, 17 из них боролась со всеми тяжкими припадками прежних своих похотей. Хотя премилосердый Бог и туне²²², вдруг прощает все кающемуся; кающемуся разбойнику в едино мгновение на Кресте отверст рай: но помилованный человек, как скоро воссияет в душе его благодать Божия, сам из одной благодарности к своему Избавителю, из любви к Нему, делает уже, что может, как бы в вознаграждение прежних оскорблений Его. Бедняку богатый заимодавец оставил весь долг, которого

должник никогда бы не мог выплатить: что же однако делает должник? Всем, чем может, свидетельствует свою признательность к благодетелю и преданность. Так точно изъяснял Иисус Христос отношения к Себе помилованных грешников и мнимых праведников, не требующих покаяния по своей гордости. Однажды допустил Господь помазать Ему ноги известной во граде грешнице; дело было в доме фарисея Симона: «сей аще бы был Пророк, – мыслит про себя тотчас фарисей, – ведал бы, кто, и какова жена прикасается ему»²²³! – «Симоне! – сказал против помысла его Господь: – видишь ли, что сделала женщина сия? С той поры, как Я у тебя в доме, ты не дал Мне лобзания во уста, а она непрестанно целует ноги Мои: ты простым маслом не помазал Мне головы, а она облила ноги Мои драгоценным миром, облила слезами и отирает их волосами своими, не иным чем. Сего ради, – заключил слово Господь, – глаголю *ти*, отпускаются грехи ее мнози, яко возлюби много: а ему же мало оставляется, мене любит!»

Всякое слово евангельское – к нам, ко всем нам, христиане! – Помилованные от Господа! Возблагодарим Его сердечным смирением, сокрушением с исправлением своей жизни! Не каявшиеся еще! Покаемся, не усомнимся, не отчаемся! Если же каяться мы не будем; то остаемся под грозной правдой Божией, которая ныне или после, так или иначе, в сей ли еще жизни или в вечности, непременно воздаст нам по делам каждого. Грехи ненавистны Богу: правда и святость Его столь же непреложны, как и любовь. Для сего-то, что Он праведен и пресвят, а правда и святость Его непреложны, он столько хочет и ожидает нашего покаяния, дабы любовь Его восторжествовала в нас даже над собственной Его правдой, к славе Его святости. «Бог любы есть», – говорит возлюбленный Апостол Христов²²⁴. Ей одной, беспредельной любовью объемлются все прочие свойства Божии. Аминь.

Беседа в пятую неделю святого Великого поста

Сказана в Петрозаводском кафедральном соборе, при первом служении по возвращении из обозрения епархии, в 1836 году

Посещав пределы вверенной мне паствы во время покаяния и перед тем временем, естественно, я должен был беседовать там наибольшей частью о покаянии. И ныне, за молитвами вашими, возвратившись к вам, ближайшие мои собратия, какое иное приличнейшее слово утешения²²⁵ могу принести к вам, как не то же слово – о покаянии? Вы любите сей предмет. Время поста украсилось здесь множеством, как и должно во граде правительственном, множеством говеющих: это пример другим местам паствы, радость Церкви, утверждение благочестию, надежда общественному благонравию, залог благополучию вечному!

Впрочем здесь слово о покаянии надобно мне изменить несколько против того, как говорено было инде. Там беседовал я по большей части к простецам; здесь надлежит по большей части – к приставникам над другими. Посему и свойство покаяния у вас, братия, у вас, – говорю, принадлежа по месту и сам к сему собственно кругу кающихся, – должно быть несколько иначе, возвышеннее. Самое звание каждого из нас в обязанности общественного служения должны составлять особенную часть «нашего» покаяния. Не ограничимся в нем рассмотрением совести только по общим делам человеческим: надобно каяться во всех делах, и – по своему званию или должности. Разделите со мной, слушатели, размышление о сем.

Словом о покаянии начато, христиане, Евангелие: так слово сие существенно в учении христианском! О покаянии благовествовал людям проповедник покаяния, Предтеча Христов²²⁶, – о покаянии истинном, т.е. с очищением душ, с исправлением жизни: и – в первых его слушателях раскрылись точно те самые чувствования, кои нужно возыметь всем нам при покаянии, чувствования для каждого собственные, по

состоянию каждого кающегося. «Что сотворим?» – вопрошали Благовестника народи, исповедающе грехи своя, – и порознь – мытари и воины вопрашаху его, глаголюще: и мы что сотворим? Из сего видно, что каждый тогда по званию своему каялся, когда каялись подлинно. Частный случай минул: но сущность его осталась правилом для всех последователей Евангелия!

Впрочем некоторые из моих слушателей, вероятно, предупреждают слово и думают, как может быть и общественная служба предметом духовной Исповеди? Нет ли для ней своих испытаний и отчета, так же как и они, явного, даже судного? – Потерпите, братия! Самая мысль об исключении здесь для себя показывала бы уже недостаток нужного к покаянию расположения, – смирения и сокрушения духа. Как! Я хочу каяться, но – только в том, в чем сам хочу? Сам себе назначаю предметы для покаяния перед Богом, и не готов, по Слову Божию, исправить сердца своего, и уверить с Богом духа своего²²⁷? И не требуют сюда, христиане-братия, самых дел общественного служения нашего; их поверят инде. Принесем только рукописания совести своей, и сличим с ними то, что написано нами чернилами и тростью там в делах звания. Откроемся перед Богом всеведущим и в том, чего не могли бы увидеть самые зоркие очи правосудия человеческого, и исповедуем таким образом, что закон Божий есть основание и охранение всех законов, душа истинного благополучия, так как и Законоположник – Верховный Правитель мира, Судия и Мздовоздаятель, Господь Бог.

В самом деле, что есть Покаяние или Исповедь в том порядке, как она поставлена повременной обязанностью между христианами? Понятие о сем открыто в самом утешительном для грешников месте Евангелия, там, где Господь наш, христиане, говорил, что Отец Небесный радуется и о единой заблуждшей, но взысканной или раскаявшейся душе, паче, нежели о девятидесяти девяти незаблуждших²²⁸. В продолжении сказания сего, между прочим, упомянул Господь, что Царствие Небесное, – которое в настоящем случае, по связи слов, очевидно, значит Церковь, – уподобится человеку царю, иже восхоте стязатися о словеси с рабы своими,

требовать т.е. отчета в данных каждому из них поручениях. Назначает Господь время для сего, так как наибольшая часть из нас, вероятно, не нашли бы его сами, предваряет истязание общее, грозное и торжественное, имеющее быть во втором Его страшном пришествии, предваряет испытанием частным, во глубине тайны, дабы по продолжению нераскаянности нашей не собрать нам на главу свою гнева Божия в день откровения. Что же посему есть Покаяние? – Слово, воздаваемое Богу о том, что мы от Бога приняли, как дары Его употребляли и чем остаемся Ему должными. Итак, кто принял дары природы только, – ум, волю, склонности, крепость телесную и подобное, или дары Промысла, – честь, богатство, убожество и подобное, или дары благодати, каковы все средства веры о Христе Иисусе к освящению нашему; тот в них и воздаст слово Подателю даров. Но кто сверх сего принял дары или природы, или Промысла, или благодати не для себя только, но и для других (а таковы все дары, относящиеся к общественному служению нашему, братия): тот обязывается теперь воздать, как говорит Евангелие, ответ «о приставлении домовнем»²²⁹ и за то т.е., что управлению его вверено. Здесь, по изъяснению Евангельскому, главное то, каким образом строитель, егоже постави Господь над челядию Свою, производил ей во время житомерие? Думаем ли мы, что сии преимущества даны нам только для умножения нашего надмения, или к полноте каких-то внутренних достоинств, кои якобы не приняли²³⁰ мы ни от кого и кои посему считаем своей собственностью, а не назначением от Верховного Правителя мира к приведению в исполнение судеб Его в мире? Нет. Господь не мещет ни единого Своего дара напрасно; капля дождя, по Слову Его, должна возвратиться к Нему, и возвратиться не тщетной. Могут ли же остаться без внимания Его или, когда слово о нас, без отчета дары Его особенные, по коим поставляет Он человека над делы рук Своих, не в том только, что покоряет под нози человека овцы и волы вся, еще же и скоты польских, птицы небесные, и рыбы морских, но что покоряет человеку превосходнейшее и любезнейшее Свое творение, самых человеков²³¹? Не самая ли правда наша, даже наша человеческая правда, должна сказать

то, что к настоящему предмету сказало уже Евангелие: «всякому, ему же дано будет много, много взыщется от него»²³², или, как говорило еще Ветхозаветное Писание: «сильни же сильне изтязани будут»²³³? Как же, братия, стать нам теперь, теперь только, при Исповеди, стать наравне с простыми людьми? Они уже поспешили туда, поспешили прежде нас, поспешили с трепетом: и погрузились там в слезах покаяния, как в ином крещении! Когда служитель Таинства раскрывает там зерцало Слова Божия; они, при напоминании, напр., да не будут тебе бози ини, разве Мене, ужасаются услышать о грехе многобожия или безверия; а наше себялюбие в различных мечтах своих достоинств, может быть, делает иногда нас самих богами; и – мы не увидим сей мерзости²³⁴ века, сего кумира не увидим в зерцале света Божия? Они в том, что произносили иногда имя Господа Бога всуе, но не более, как только без нужды, легкомысленно, неблагоговейно, раскаиваются со слезами; а у некоторых из людей должностных, может быть, все деяние суть не иное что, как ряд непрерывных клятвонарушений; – и им, при самой Исповеди, не придут даже на мысль сии ужасные законопреступления? Простецы касательно памятования дня праздничного в состоянии исчислить на Исповеди каждый час оставлений церкви без посещения: а некоторые из нас и то, что придут сюда от скуки или для показания своего тщеславия почти считают снисхождением своим и как бы одолжением Богу. Что же сказать, братия, о действиях наших по другой скрижали закона Божия – касательно близких наших? О! Что значит для многих близкие, особенно подручные! Стоят ли они того, думает властелин, чтобы слово о себе на Исповеди смешать ему с помышлениями о них?

Между тем, братия, сии права власти, подлинно, суть не иное что, как средства к устроению счаствия наших близких, Промыслом Вышнего дарованные, достояние, вверенное нам только для хранения и раздаяния, но принадлежащее другим. И о употреблении сих даров Божиих мы не вспомним тогда, как должны воздать слово, отчет Богу о себе? Не вспомним, что сими самыми средствами, напротив, лишаем иногда близких

наших и последнего утешения, или даже обращаем наилучшие силы своего звания в средства к притязаниям, к лихоимству, к стеснениям? Боже праведный! Когда Ты столь праведен и человеколюбив, что мзда наемника, удержанная от вечери до утра, вопиет во уши Твои, призывая мщение на главу обидящего²³⁵: то как поступишь Ты с нами, когда приидешь воздать по делам нашим, если мы прежде сего суда не раскаемся в причинении другим крайних и непрерывных обид, кои чиним под покровом священного имени власти! Братия, часть страшного суда уже открыта во святом Евангелии Господом нашим! И что же видим там, где разлучаются овцы от козлиц, благословенные от проклятых; и одни идут в живот вечный, другие – во огнь вечный, уготованный диаволу и агелам его? – Судия умолчал на сей раз о всех других делах человеческих; упомянул только о том, как поступаем мы здесь с меньшими – насыщаем ли алчущих, посещаем ли болящих или в темнице сущих, и как бы по сим одним делам произнес вечный Свой приговор²³⁶. Это, впрочем, слово только о таких обязанностях, кои возлагает на каждого из нас одно общее имя христианина: что же скажет Господь, когда бы, напротив, своей ненасытностью в прибытках еще лишили мы бедных собственной их пищи, ввергли невинных в темницу, довели до болезни сердечной людей способных к нежным чувствованиям добра и преогорчили Иисуса Христа не в лице только меньших Его братий, – нищих, больных, узников, но в лице самой невесты его, святой Церкви?

Вот в чем, братия избранные, должны мы принести Господу покаяние, и – перемениться! Но этого еще мало. Приставники служения общественного имеют долг воздать слово перед Господом не за себя только, но и за других, им вверенных людей. Человек частный отвечает по большой части только за себя; должностные – и за тех, на кого должность его простирается. Наши звания теперь, как в оборот пущенные пенязи, само собой наращают большие и большие долги перед Господом, от того одного, когда не дано им движения или дано движение неправильное. Иов был примерно свят; но в каждое утро за минувший день приносил Богу очистительные жертвы о

детях своих по числу их и тельца единаго о грехе, о душах их; глаголаше бо Иов: «*негли когда сынове мои согрешиша, и в мысли своей злая помыслиша противу Бога*»²³⁷. Моисей, вождь народа Божия, столь глубоко чувствовал на себе долг ответа за подвластных, что когда подвластные, оскорбив Бога, подверглись за сие смерти, Моисей просил Бога или оставить им грех, или его самого изгладить из книги живота²³⁸. Что ж, когда так вся бдительность, вся прозорливость, вся попечительность высших не безопасна от ответа перед Богом за подручных, что ж будет недостаток в том, или даже иногда прямая злонамеренность наша? Тогда грехи подручных наших прямо суть грехи наши. Как скоро известно, что блюстители законов или мздоимны, или только недеятельны; то появляются тысячи злоупотреблений и между подчиненными. Делают другие; но виной тот особенно, кто отверз дверь к беспорядкам или только воздремал на страже своей!

И обыкновенно человеческие грехи, братия мои, более тяжки в людях высших, нежели в простолюдинах. В книге Левитской ясно различается грех первосвященника, грех всего народа, грех начальника и грех простого человека: за каждый из них различная положена была там и жертва в очищение²³⁹. Ибо правда Божия, естественно, требует воздаяния по мере сил наших или даров своих, и следственно, – более с тех, кто умнее прочих, выше, крепче, облагодатствованнее. И если нужно в сем собственное наше исповедание: то не то ли самое прилично нам исповедание, которое, по великому правилу покаяния, уже каждый из нас за самого себя с самого начала поста повторять был должен: «*Аще испытаю моя дела, Спасе, всякого человека превозшедша грехами себе зрю, яко разумом мудрствуяй, согреших не неведением*»²⁴⁰. Вообразим притом, сколько от сего кичливого разума могло погибнуть, как говорит Апостол, и действительно погибло немощных братий, за нихже Христос умре? Известно, грехи получают особливую плодовитость и силу в общежитии, когда видят их люди в высших и начальствующих; грехи сии становятся все особливым грехом, грехом соблазна. Сей есть грех Иеровоама, сына Наватова, повторяет Писание, когда описывает не раз

повторявшееся идолопоклонство народа Израильского, хотя Иеровоама давно уже не было на свете. Это путь Валаама Восорова, это учение Валаамово, говорит Бог через Апостолов своих в последок дней сих, хотя уже тысячелетия минули, как Валаам, знаменитый соблазном волхв, скрылся в недрах земли²⁴¹! Подлинно, если столь сродно человеку подражание, что младенец, не мысля, делает уже то, что видит у других; то подражание у взрослых тем более получает сил, когда смешивается с некоторым родом почтения к высшим. Представь же теперь, сколь многих могло повредить твое, властелин, злоречие касательно веры или даже одно равнодушие к ней: когда сия отрава позлащалась славой твоего достоинства? Сколь многие поколебались в совести и решились наконец поступать противу ней касательно правил святого христианства; когда твой властный пример неприметно располагал к тому слабых? Как легко многие заняли от тебя тот же образ жизни, или праздной, или сладострастной, или роскошной, с нарушением супружеской тишины и семейств; когда люди видели пороки на некоторой высоте звания?

Так широко и, можно сказать, беспредельно действие лиц должностных в кругу общественной жизни! И можно ли такие столь важные отношения наши к Богу и ближним выпускать из внимания; когда в известное время предстаем пред Бога с раскрытием своей совести для ее очищения? Твердить тогда, – на Исповеди, твердить только о проступках обыкновенных, о слабостях в человечестве общих, о винах, едва только значительных, и показывать в том вид сокрушения, или, как обыкновеннее бывает, – оправдывать себя перед Богом немощами природы человеческой, многоразличными обстоятельствами, между тем не касаться самых глубоких язв своей совести, каковые сделало там или нерадивое, или злонамеренное прохождение своего звания, – не значило ли бы это, по слову Господа Иисуса Христа, оцеждать комары и пожирать вельблуды, одесятствовать мяту и копр и кимин, и оставлять вяящая закона, суд и милость и веру, очищать внешнее стекляницы, и оставлять внутреннее полным мерзостей, повалить снаружи гроб, заключающий в себе кости

смердящия? Так говорит Господь фарисеям иудейским, книжникам и старейшинам народа²⁴². Нет! Не такового поста и покаяния требует Господь. «Отымите лукавства от душ ваших пред очима Моима, – глаголал Он давно, еще в Ветхом Законе, – престаните от лукавств ваших. Научитесь добро творити, взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру, и оправдите вдовицу, и – тогда приидите и истяжимся: и аще будут грехи ваши яко багряное, яко снег убелю; аще же будут яко червленое, яко волну убелю. Иначе ниже приходите явитися Ми, предваряет Господь: ходити по двору Моему не приложите»²⁴³. Иначе и из лона кроткого благовестия Христова, христиане, падет на главы наши то горе, горе, которым гремел Христос особенно на людей образованных, занимавших общественные должности в народе Божием. «Горе вам, книжницы и фарисеи, лицемери,» – вопиял Он, когда те не действовали по долгу своего служения для пользы людей, как следовало; когда все склоняли к собственным только выгодам: когда и самую ревность служения своего туда обращали, чтобы сделать других сынами геенны сугубейшими себе; хотя между тем и исполняли общие наружные дела закона со всей точностью²⁴⁴.

Убоимся, братия, Господа! В свое время все мы умрем и явимся на суд Его, хотим ли того или нет. Се ныне еще время благоприятно, се ныне день спасения. Послушаем гласа Господа; дадим в себе место слову евангельскому во крайней мере в дни общего христианского очищения. Очистим себя покаянием истинным, через что сделаемся способнейшими и к прохождению возложенных на нас общественных должностей с нелицемерной совестью, как слуги Государя Благочестивейшего и христиане. Достоинство и звания обыкновенных наших, наших собственных слуг таково, что самые обыкновенные рабы, коих почти освобождает от возвышенных понятий общее мнение, должны, во внушению Апостольскому, «учение Спасителя нашего Бога украшать во всем»²⁴⁵. А вы, слушатели Тайны покаяния, при совершении ее, держа в руках пред лицом кающихся зерцало Слова Божия, не забывайте обращать его к ним той особенно стороной, в которой бы всяк видел

собственное свое лицо. И когда мы, кающиеся, – еще слово общее к нам, – увидим там каждый лицо свое: возьмем предосторожность, чтобы не отойти нам от сего зерцала так же, как отходят люди от зеркала обыкновенного, по замечанию Апостольскому: «*аще кто есть слышатель слова, а не творец, таковый уподобися мужу, смотрящему лице бытия своего во зерцале: усмотри бо себе и отъиде, и аbie забы, каков бе*»²⁴⁶. Да не случится сего с нами, братия, когда мы усмотрим себя в зерцале Слова Божия! «*Глаголы, яже Аз глаголах вам, – говорит Господь, – дух суть и живот суть*»²⁴⁷. И потому надобно нам здесь смотреть себя так, чтобы потом исправить свои душевые расположения и жизнь свою.

Бывайте, внушает Апостол в связи с упомянутыми выше словами, бывайте творцы слова, а не точию слышатели, прельщающе себе самех! Аминь.

Примечания

¹ - Мк.13:35; Лк.22:34,62.

² - 1Ин.1:5; 1Кор.1:30; Еф.2:14; 1Ин.4:8–16.

³ - Ис.59:2.

⁴ - Откр.3:20.

⁵ - Пс.140:3.

⁶ - Пс.18:13,14.

⁷ - Ин.6:44.

⁸ - Притч.26:11.

⁹ - 2Пет.2:4,12,19.

¹⁰ - Пс.37:5–7.

¹¹ - Лк.15:24.

¹² - Еф.2:5; Кол.2:13.

¹³ - Пс.118:29.

¹⁴ - 2Кор.3:35.

¹⁵ - Лк.18:9–14.

¹⁶ - Мф.19:23–26.

¹⁷ - Лк.15:1–32.

¹⁸ - Лк.18:10.

¹⁹ - Иов.4:18.

²⁰ - Мф.18:17.

²¹ - Евр.2:7,9.

²² - Иак.2:23.

²³ - Быт.18:27.

²⁴ - Лк.23:42.

²⁵ - Изъяснения Св. Златоуста.

²⁶ - Пс.118:63. Св. Пимен Вел. Достопам. пред. Христ. Чт.

1821 г. Ч. 3

²⁷ - Лк.17:10.

²⁸ - Рим.10:3.

²⁹ - 2Цар.12:13.

³⁰ - 3Цар.20:43; Мф.21:46.

- ³¹ - Рим.3:19; 1Кор.1:29.
- ³² - Мк.1:4.
- ³³ - Мф.3:2,4:17
- ³⁴ - Лк.5:31,32.
- ³⁵ - Вел. Канон, песнь 5, ст. 1.
- ³⁶ - Быт.3:11–13.
- ³⁷ - сущ. (греч. μύστις) тайнослужительница, посвященная или посвящаемая в тайны, познавшая или познающая тайны (Прем.8:4)
- ³⁸ - 1Кор.1:29.
- ³⁹ - Рим.3:19.
- ⁴⁰ - 2Кор.5:17.
- ⁴¹ - 1Кор.4:7.
- ⁴² - 2Кор.3:5
- ⁴³ - Лк.17:10.
- ⁴⁴ - Быт.18:27.
- ⁴⁵ - сущ. (греч. ράκος) тряпка, рубаха.
- ⁴⁶ - Ис.64:6.
- ⁴⁷ - Мф.6:16.
- ⁴⁸ - Пс.129:3
- ⁴⁹ - Фил.3:13.
- ⁵⁰ - 2Пет.3:11,12.
- ⁵¹ - 1Сол.5:1,2.
- ⁵² - 2Пет.3:10.
- ⁵³ - Мф.24:36.
- ⁵⁴ - Мк.13:32.
- ⁵⁵ - Ин.12:49.
- ⁵⁶ - Мф.24:42.
- ⁵⁷ - 2Пет.3:4.
- ⁵⁸ - 2Пет.3:8,9.
- ⁵⁹ - Иуд.1:7.
- ⁶⁰ - Лк.17:26–29.
- ⁶¹ - Быт.6:3,5,9,13.

- 62 - Быт.18:20,21.; Быт.19:4,5–10.
- 63 - Лк.17:30.
- 64 - 2Пет.3:10.
- 65 - 2Пет.3:11.
- 66 - Мф.25:34.
- 67 - 1Пет.4:3.
- 68 - Рим.6:23.
- 69 - Рим.1:20–22.
- 70 - 1Сол.5:7.
- 71 - Пс.103:20–22.
- 72 - Мф.24:43.
- 73 - 1Пет.5:8.
- 74 - 1Сол.5:6,7.
- 75 - глупый, несмысленный, дерзкий, безумный.
- 76 - Мф.25:1–13.
- 77 - Лк.12:35–37.
- 78 - Лк.12:46.
- 79 - Ин.9:4.
- 80 - Пс.6:6,87:12.
- 81 - Еф.2:1,5.
- 82 - Мф.25:30.
- 83 - Еф.5:11.
- 84 - Еф.5:14.
- 85 - 2Пет.2:8.
- 86 - Еккл.3:1.
- 87 - Деян.14:17.
- 88 - 1Ин.2:15,16.
- 89 - 2Кор.6:2.
- 90 - Мф.6:16,17.
- 91 - Рим.13:12,13.
- 92 - Мф.11:12.
- 93 - Рим.14:17.
- 94 - 1Кор.6:13.

- 95 - Мф.6:14,15.
96 - Мф.6:6.
97 - Рим.8:16.
98 - Лк.15:20.
99 - 2Кор.10:4
100 - Мф.6:23.
101 - Ин.1,9.
102 - Рим.8:3.
103 - Евр.8:10.
104 - Ин.8:12,3:21,14:6.
105 - 2Кор.10:4.
106 - Гал.5:22.
107 - Кол.3:14.
108 - Лк.12:35.
109 - Рим.13:12–14.
110 - Пс.103:2.
111 - Пс.41:3.
112 - 2Кор.4:7.
113 - 2Кор.12:9.
114 - Рим.8:26.
115 - Ин.20:22,23.
116 - 1Ин.2:1.
117 - 2Кор.5:18.
118 - Мф.18:19.
119 - Рим.6:23.
120 - Откр.3:14–19
121 - Евр.3:13.
122 - Пс.37:5,6.
123 - 1Ин.5:18.
124 - 1Кор.5:7,8.
125 - Еф.2:1.
126 - Ин.3:20.
127 - Лк.18:11.

- 128 - Гал.6:16.
- 129 - Рим.8:32.
- 130 - 1Пет.1:3; Рим.1:8; 1Кор.1:4; Еоф.1:3; Кол.1:3; Фил.1:3;
1Сол.1:2.
- 131 - Рим.8:32.
- 132 - 1Кор.11:24–26, Мф.26:27,28.
- 133 - 1Кор.11:17,20,22,33.
- 134 - Рим.8:9.
- 135 - Ин.6:56.
- 136 - Ин.3:9.
- 137 - Ин.6:52.
- 138 - Ин.6:63.
- 139 - 1Кор.11:26.
- 140 - Еоф.4:16.
- 141 - 1Кор.12:12.
- 142 - Рим.8:9,10.
- 143 - Рим.8:15,16.
- 144 - Рим.6:19.
- 145 - 1Кор.11:27,29.
- 146 - Ин.6:48,49,32,33.
- 147 - 4Цар.5:9–14.
- 148 - 2Кор.7:1.
- 149 - Иов.1:22.
- 150 - Лк.9:25.
- 151 - Мф.5:41.
- 152 - Быт.1:11.
- 153 - Пс.134:7.
- 154 - Деян.14:17.
- 155 - Пс.85:5.
- 156 - Мф.28:20.
- 157 - Пс.37:4–6.
- 158 - Чис.21:9.
- 159 - Прем.16:7.

- 160 - Ин.3:14,15.
- 161 - Мф.9:13.
- 162 - Ин.3:16.
- 163 - Рим.5:8,6.
- 164 - Ин.19:25,26.
- 165 - Лк.23:34.
- 166 - Евр.6:4–6.
- 167 - 1Тим.1:13.
- 168 - 1Ин.5:18.
- 169 - 1Кор.13:1–3.
- 170 - Мк.9:17,22,23.
- 171 - Мк.6:3,5,6.
- 172 - Лк.17:14; Мф.20:30.
- 173 - Иак.5:14,16.
- 174 - 1Кор.12:6,11.
- 175 - Деян.3:12,16.
- 176 - Деян.3:16.
- 177 - 1Кор.4:1.
- 178 - Евр.4:16.
- 179 - Евр.9:11–15.
- 180 - Евр.7:25.
- 181 - 1Тим.1:15.
- 182 - Быт.8:21.
- 183 - Мф.11:2–5.
- 184 - Пс.50:12.
- 185 - Пс.36:23.
- 186 - Ин.15:4,5.
- 187 - Иак.4:3.
- 188 - 1Пет.5:8.
- 189 - Слово сказано по прибытии из обозрения епархии
- 190 - 1Кор.7:5.
- 191 - Мф.26:41.
- 192 - Лк.2:37.

- 193 - Деян.13:2.
- 194 - Деян.13:3.
- 195 - Деян.14:23.
- 196 - Мф.26:41.
- 197 - Гал.5:17.
- 198 - Еккл.1:2.
- 199 - Рим.7:14–23.
- 200 - 1Кор.15:44.
- 201 - Мф.4:4.
- 202 - Пс.34:10.
- 203 - Мф.7:21; Лк.6:46.
- 204 - 1Кор.13:3.
- 205 - Мф.19:25,26.
- 206 - Мф.11:29,30.
- 207 - Гал.6:16.
- 208 - Лк.15:7.
- 209 - Лк.18:10–14.
- 210 - Лк.15:11–32.
- 211 - Мф.25:31,37,41,44.
- 212 - Мф.6:14,15.
- 213 - Мф.3:2.
- 214 - Мф.4:13,15,16.
- 215 - Мф.9:12,13.
- 216 - Лк.15:4–32.
- 217 - Лк.11:13.
- 218 - Книга о вере
- 219 - Иез.33:11; 1Тим.2:4; 2Пет.3:9.
- 220 - Рим.3:19,27, 4:1–3.
- 221 - Еф.5:32.
- 222 - Рим.3:24.
- 223 - Лк.7:39–50.
- 224 - 1Ин.4:8.
- 225 - Деян.13:15.

- 226 - Мф.3:2–10; Лк.3:12–14.
- 227 - Пс.77:8.
- 228 - Мф.18:12,13.
- 229 - Лк.16:2.
- 230 - 1Кор.4:7.
- 231 - Пс.8:7–9.
- 232 - Лк.12:48.
- 233 - Прем.6:6.
- 234 - Втор.17:4,18:12,27:15.
- 235 - Втор.24:14,15; Сир.34:22; Иак.5:4.
- 236 - Мф.25:31–46.
- 237 - Иов.1:5.
- 238 - Исх.32:32.
- 239 - Лев.4:2,3,13,22,27.
- 240 - Великий Канон на Повечерии
- 241 - 2Пет.2:15; Иуд.1:11; Откр.2:14.
- 242 - Мф.23:23–27.
- 243 - Ис.1:12,16–18.
- 244 - Мф.23:1–38.
- 245 - Тит.2:10.
- 246 - Иак.1:22–24.
- 247 - Ин.6:63.